

ИЗБРАННЫЕ ЖИТИЯ СВЯТЫХ

по изложению Феодосия Черниговского

(жития тех святых, которых нет у свт. Димитрия Ростовского)

Месяц июль

Издательство прп. Максима Исповедника, Барнаул, 2005

1 июля	
+ Преставление св. Фотия, митрополита Московского	3
3 июля	
Преп. ИСАИИ, отшельника Египетского	9
4 июля	
Преподобного ЛАМПАДА чудотворца	9
Преп. ФЕОДОСИЯ и АФАНАСИЯ Череповецких	9
6 июля	
Св. муч. МАРИНА и МАРФЫ и других с ними	9
Пр. ФОМЫ Малеина и АКАКИЯ, упоминаемого в Лестнице	9
7 июля	
+ Страдание св. ЕВАНГЕЛЛА, епископа Томского, пресвитера и АСТИОНА	10
+ Преставление благов. ЕВДОКИИ - ЕВФРОСИНИИ, великой княгини Московской.	11
Св. муч. КИРИАКИИ	13
Празднование ВЛАХЕРНСКОЙ ИКОНЕ Богоматери	13
8 июля	
+ Преставление преп. ФЕОФИЛА мироточивого	14
11 июля	
+ Страдание преп. НИКОДИМА	15
12 июля	
+ Преставление блаж. СЕРАПИОНА, еп. Владимирского	16
13 июля	
+ Преп. САРРЫ подвижницы	18
16 июля	
Память СВ. ОТЦОВ шести Вселенских соборов	18
17 июля	
+ Преставление преп. ЛЕОНИДА Устьнедумского	20
18 июля	
Пр. ЛЕОНТИЯ Кариховского	21
19 июля	
+ Преставление блаж. СТЕФАНА Лазаревича, деспота Сербского	21

Преподобной МАКРИНЫ.	25
Преподобного ДИЯ, игумена и чудотворца.	25
20 июля	
+ Преставление пр. АВРАМИЯ Чухломского (Галичского).....	25
21 июля	
+ Память о пр. ОНУФРИИ Печерском.....	26
22 июля	
+ Преставление пр. КОРНИЛИЯ Переяславского	27
23 июля	
+ Св. ОЛИМПИАДЫ диакониссы, КАНДИДЫ и ГЕЛАСИИ.....	28
27 июля	
+ Память святого КЛИМЕНТА, епископа Величского, и сотрудников его: АНГЕЛЯРА, ГОРАЗДА, НАУМА и САВВЫ.....	31
+ Преставление св. ИОАСАФА, митрополита Московского.....	35
28 июля	
Св. Ап. от 70: ПРОХОРА, НИКАНОРА, ТИМОНА и ПАРМЕНА	36
Преп. ПАВЛА Ксиропотамского.	36
29 июля	
+ Преставление преп. КОНСТАНТИНА Косинского.....	38
+ Преставление преп. РОМАНА Киржачского.	38
Св. мученицы Феодотии и трех чад ее.	38
Св. мученика ЕВСТАФИЯ Мцхетского.....	39
Св. муч. СЕРАФИМЫ.....	41
30 июля	
+ Обретение мощей пр. ГЕРМАНА Соловецкого.....	41
ПРИЛОЖЕНИЕ. ЖИТИЯ СВЯТЫХ, КАНОНИЗИРОВАННЫХ В 20 В.	42
4 июля	
Преподобный Андрей Рублев	42
5 июля	
Преподобномученица великая княгиня Елисавета и инокиня Варвара	45
19 июля	
Преподобный СЕРАФИМ Саровский	49
27 июля	
Преподобный ГЕРМАН Аляскинский	57
28 июля	
Святитель Питирим, епископ Тамбовский	60
31 июля	
Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский, и иже с ним убиенные священномученик архимандрит Сергей и мученики Юрий и Иоанн, Память 31 июля.....	63

+ Преставление св. Фотия, митрополита Московского, Память 1 июля.

После кончины св. Киприана (+ 16 сент. 1406 г.) более двух лет прошло, пока прибыл в Россию новый митрополит. В. кн. Василий Дмитриевич смиренно предоставил патриарху и собору дело о новом митрополите России. Витовт, в. кн. Литовский, отправил в Константинополь Феодосия, епископа Полоцкого, с настойчивой просьбой как о посвящении его в митрополиты, так и о том, чтобы он был отдельным Литовским митрополитом. Давнее желание властителей юго-запада России иметь особого митрополита в этот раз обнаружилось в резком виде оттого, что Витовт и в. кн. Василий вели в это время войну между собою. П. Матфей не признал нужным на сей раз отступить от древнего обычая и отправил в звании митрополита всей России известного ему с лучшей стороны Фотия.

О жизни своей до отправления в Россию вот что пишет блаж. Фотий в предсмертном своем завещании: «с юного возраста желал я жить для добродетели; потому удержался я от приятностей брака, не прельстили меня почести Мира и не желал я временной славы человеческой. Счастье земное представлял я в вид корабля, который, не видя того, что позади его, встречает впереди себя только препятствия и стеснение. Одного желал я, об одном заботился - представить бессмертную душу мою чистою Богу и Владыке моему. Как только расстался я с Миром, под покровом благодати Божией устремлял я мысли и душу мою к светлым небесным селениям; меня просветили наставления святого старца Акакия, великого, равного древним великим отцам, которого уважали царь, патриарх и святители. Я еще отроком был, когда поручил себя сему святому наставнику; душа моя еще не знала тогда зла, и я с юных лет, под его руководством и наставлениями, напечатлевал в душе моей образ благочестия. Великий святитель любил меня и всегда беседовал со мною, как с любимым сыном, укреплял меня Верою, хранил чистоту тела моего, наполнил ум мой полезными познаниями, наставил, как мне жить, как мне быть мертвым для Мира. И я желал жить не в связи с призрачными образами временной жизни, а стремился душою созерцать чистые, святые, светлые предметы той жизни. И вот встретился я, бедный, с неожиданным несчастьем. По воле святого старца, великого между святителями, кир Акакия, прибыл я из Морее в Константинополь, и державный император Мануил возложил на меня тяжесть, чтобы принял я великую степень святительскую; Богу известно, что собор долго принуждал меня к тому, но не мог я избавиться; святейший патриарх кир Матфей с собором определил, и я отправился в святейшую митрополию Русскую». По этим словам видно, что не легко было бл. Фотию расставаться с Востоком. В утешение душе своей он взял близких к нему иером. Пахомия из Болгар, с которым жил он у блаж. Акакия, и Патрикия. И в Морее, и в Константинополе он заставил любить себя. Из Константинополя поддерживал дружеские сношения с ним самый образованный муж своего времени, благочестивый учитель Константинопольской Церкви, иер. Иосиф Вриенний. Патриарх в настольной грамоте одобрял Фотия, как весьма способного наставника в вере и благочестии. Монеувасийская Церковь, где ревностно исполнял он благие распоряжения архипастыря ее Акакия, поминала его в молитвах, как «возрастившего ее своими трудами и украсившего своими приношениями». Так как в Морее много было и Славян во время блаж. Фотия, то если не успел он коротко узнать язык их, в чем сознается сам по крайней мере дух и обычаи Славян были ему известны, что, конечно, немало значило для служения его в Церкви Русской.

Сент. 1-го 1409 г. бл. Фотий прибыл в Киев. Так как на юго-западе жаловались на то, что не видят у себя митрополита, то Фотий пробыл там более 7 месяцев, лично

осматривая положение дел и решая жалобы на нарушения порядка. Особенно же пустыннолюбивой душе его отрадно было видеть пещеры подвижников Божьих и здесь просить помощи новому служению своему у небожителей пещерных. Наконец, отправился он в Москву. Накануне Пасхи (22 апр. 1410 г.) в. князь и все духовенство Московское далеко за городом встретили Фотия. Много горького досталось видеть Фотию в Москве. После нашествия Едигея (в дек. 1408 г.) все города России от Рязани до Ростова и от Нижнего до Твери и Серпухова были опустошены; кремль Московский спасся, но все посады Москвы сгорели. В дом митрополии, где так долго не было хозяина, Фотий «не нашел ничего»; даже недвижимые имения митрополии расхищены. Фотий «начал восстанавливать церковные имения и доходы митрополии и стал отыскивать, где что пропало, что взято с обидою князьями и боярами, что похищено другими корыстолюбивыми людьми, села, волости, доходы, пошлины, принадлежащие дому Пречистой Богородицы». Собрав возможно точные сведения о положении имуществ митрополии, он обратился с просьбою к в. князю о защите Церкви от своеволия людей. «Молю благочестие твое, сын мой, писал он, утверди твоею грамотою принесенное в дар Церкви Божией, огради все ее обычные права, укрепи ее пошлины». Затем отправился он осмотреть другой кафедральный град своей митрополии - Владимир. Соборный храм Владимирский не задолго пред тем был расписан лучшими иконописцами Даниилом и Андреем Рублевыми и известен был богатством своим. Фотий поручил прибывшему с ним Патрикию охранять кафедральный собор и отправился в Святоозерскую пустынь, любимое местопребывание св. Киприана. Но едва выехал он из Владимира, как (3 июля 1410 г.), по наущению Нижегородского кн. Даниила Борисовича, царевич Талыча с толпами татар напал на Владимир. Грабители опустошали и жгли селения и храмы, - ворвались в соборный Владимирский храм, - оборвали св. иконы, требовали у Патрикия скрытых им сокровищ храма, - сосудов и казны. Патрикий, верный своему долгу, не выдавал. Его предали огню, содрали с него кожу, влачили по городу, привязав к лошадиному хвосту, и, замучив до смерти, не вынудили измены. Талыча посылал татар - захватить самого святителя, но бл. Фотий удалился с Пахомием в глухие леса на озеро Синег, что ныне в Покровском уезде. Тихое, безмятежное место напоминало собою пустыню бл. Акакия. Увлеченный прелестью уединения, бл. Фотий устроил здесь храм Рождества Богоматери. Представляя себе волнения и труды служения пастырского, с сокрушением повторял: «думал ли я расстаться с любезным мне молчанием и плачем о грехах моих? И что стало со мною? После такого покоя сколько тревог, волнения, трудов!» Давно миновала опасность со стороны татар, прошло более месяца со времени удаления из Владимира, а пустыннолюбивый пастырь не думал оставлять дорогого безмолвия. В. князь прислал к нему с просьбою возвратиться на кафедру. Надобно было Ехать в Москву. Государь встретил митрополита с радостью. После беседы о прошлых бедах в. князь передал пастырю приятное известие о желании императора сочетать дочь Московского князя и внуку Витовта с сыном своим. Святитель благословил этот союз, так как он обещал много полезного для св. Церкви. Благожелательному святителю и молитвеннику, вслед затем, как совершился брак, прислан был из Константинополя саккос с шитыми изображениями молодой царственной четы, в. князя, его супруги и самого Фотия; по краям саккоса вышит золотом по-гречески Символ веры, без прибавления слова: «истинного». Между тем Фотий продолжал преследовать дела об имуществе митрополии. Это возбудило против него сильные неудовольствия; даже в. князь не совсем доволен был этим делом, так как некоторые доходы со спорных земель шли в его казну; а люди услужливые старались клеветами усилить неудовольствие в. князя на митрополита. Злость и неправда осыпали бл. Фотия злоречием. Пастырь, не дорожа ничем земным, заботливый только об исполнении долга своего, в письме к в. князю приводил примеры великих имп. Константина и Феодосия и учреждение имп. Мануила об имуществе церковных. «Но ныне молчит все древнее, говорил он далее, и много говорит новое. Меня порицают. Для меня не важно, хвалят ли меня, или бранят. Хула не печалит меня и для

похвалы не сделаюсь я хуже. Бранят ли, меня, хвалят ли, останусь тем же, чем был: ибо я раб Божий, хотя и грешный. Тому, кто во всем предает себя воле Божией и все творит для славы Божией, не на что более смотреть. Тебе же, сын мой, да будет ведомо, что ты человек, и царствуешь с Богом над Его избранной паствой; потому должен подвизаться за Его паству и за Его правду против всякого восстания, даже до крови. Знай, сын мой, что ты оскорбляешь Церковь Божию, с насилием отнимая у нее не принадлежащее тебе. Говори же, сын мой, к Церкви Христовой и ко мне, отцу твоему: «согрешил я, отче, прости меня, отсель найдешь во мне благопокорного сына во всем, чего требует закон; нарушенные права Церкви восстановлю, данное и утвержденное прародителями моими, но потом, в течении многих лет оставленное и обедневшее, возвращу». Вот в чем прошение мое к человеку Божию и великому князю всей России. При такой настойчивости пастырь, хотя и не скоро, хотя и с скорбями, успел возвратить кафедре все принадлежащее ей, успел приобрести и кое-что вновь то покупкою, то от добровольных приношений. Заботы о делах земных св. пастырь облегчал современными беседами с современными подвижниками благочестия, каковы были преп. Никон Радонежский, Серий и Павел Обнорские, Дионисий Глушицкий, Ферапонт Можайский. По любви к иноческой жизни Фотий основал вблизи от себя Новинский монастырь на земле, принадлежащей митрополии. По временам же удалялся он в подмосковное Голенищево, любимое св. Киприаном. В 1413 г. Москва обрадована была явлением чудотворной иконы Богоматери на Колоче, и блаж. Фотий встречал св. икону торжественно в Москве. Столь же утешительным событием было обращение к св. вере упорных язычников Мценской страны. Язычники отвергали все увещания, которые предлагались им проповедниками св. веры. «В. кн. Василий Дмитриевич послал войско, а митрополит Фотий священника». Упорные язычники внезапно ослепли. «Устрашенные силой оружия, а еще более внезапной слепотой, послушались проповеди и жители как самого города, так и его окрестностей были крещены».

Для блаж. святителя пришло время тяжкое. Витовт, созвав себе подвластных князей Русских, объявил, что надобно отказать Фотию в управлении Литовскими церквами и иметь особого митрополита. По общему решению послали просить у императора и патриарха особого митрополита. Император и п. Евфимий не нашли нужным исполнять желания Витовта, и Григорий Цамвлак, которого желали видеть митрополитом, возвратился ни с чем. Витовт созвал епископов и архимандритов своей области и предложил им свое желание и отказ Востока. Духовные, как говорит Витовт, согласились с тем, что «вследствие дальности митрополита от их епархии выходит много беспорядков, и что они могут без патриарха посвятить митрополита». По летописям духовенство долго не соглашалось с желанием Витовта и указывало на правило церковное (4 Всел. Соб. пр. 12); но ему грозили бедствиями Церкви и силою вынудили согласие. Подтверждением верности летописного известия служит то, что после совещаний Витовт снова послал в Константинополь прежнюю просьбу свою. Отправляя послов в марте 1415 г., он требовал прислать ответ не позже 15 августа, прибавляя, что иначе будет избран и посвящен митрополит местными епископами. Когда из Константинополя не прислали ответа и в начале ноября, то 14 ноября возведен был на степень митрополита Литовской России Григорий. Епископы Литовско-Русские обнародовали два послания, одно к Фотию, другое ко всей Русской Церкви. В первом они объявляют, что при первом посещении Киева Фотием, они заметили в нем действия, противные церковным правилам, а после услышали о поступке, подвергающем его извержению; но они не хотят наносить ему бесчестия и только отказываются от повиновения ему. Во втором они оправдывают поставление Григория в митрополита: указывают на невыгоды, какие терпела Киевская Церковь от пребывания митрополита в Москве, - на примеры поставления митр. Илариона и Климента, на правило Апостольское и, наконец, на незаконность произволов императора. - Витовт издал от себя грамоту, где высказывал резкие жалобы на императора, патриарха и Фотия, и говорил, что он действовать согласно с волею князей и

только для чести Русской Церкви. Блаж. Фотий желал отвести собиравшееся несчастье личным объяснением с Витовтом, но обобранный на границе Литвы, принужден был возвратиться в Москву. Пастырю России нельзя было не подать голоса своего о столь важном событии, каково разделение митрополии. Блаж. Фотий написал окружное послание. Но ни в этом, ни в других посланиях ни слова не говорит он о своей личности в защиту против обвинений, взведенных на него епископами и Витовтом. Черта замечательная и вполне приличная пастырю! Зато каждый сторонний в праве и должен сказать правду о блаж. Фотии. Витовт писал, будто взяты из Киева в Москву драгоценные утвари, «св. мощи, доски страдания Христова, скипетр Пресв. Богородицы, риза и сандалия Ее». Если бы это была правда, то означенные священные предметы известны были бы Москве по летописям и описям Москвы, они, конечно, сохранились бы до позднего времени; а о них никто и никогда не знал в Москве. Епископы говорят о каких-то поступках Фотия в Киеве, о которых дошли до них сведения. Но по правилам Церкви надлежало потребовать объяснений от обвиняемого и потом уже составлять решение, при том, по отношению к митрополиту то и другое надлежало совершать не иначе, как с разрешения патриарха. Без всякого сомнения оскорбительные отзывы Витовта и епископов о Фотии составились на основании слухов, распушенных дурными людьми, бежавшими из Москвы в Литву. «Дурные люди, говорит летопись, составили множество клевет на него; это те домашние его, которые бежали из Москвы к Черниговскому владыке, а оттуда в Литву к Витовту». В окружном послании своем Фотий защищает императора и патриарха, оправдывает единство митрополии древностью его, напоминает епископам Литвы их клятву не принимать иного митрополита, кроме присланного из Царьграда, и приводит одно за другим до 30 правил в подтверждение того, что приемлющий власть незаконно не истинный пастырь и посвящающие себе пастыря самовольно подвергаются отлучению. Это послание, как и все дело о Григории, рассмотрено было на соборе пастырей, собиравшихся в марте 1416 г. для посвящения Новгородского архипастыря. В защиту блаж. Фотия и всей Московской Церкви в это время совершилось несколько чудес от мощей первого митрополита Москвы св. Петра, - а Киев ограблен и предан был огню Татарами. Блаж. Фотий писал в Псков: «не дивитесь случившемуся... Время поставляет слуг своих. Блюдайте свою истинную православную веру и обычаи, удаляйте и от слуха вашего несправедные писания нарушающих св. правила. Если же кто из той мятежной страны, из Литвы, перейдет к вам жить, принимайте их к себе, как православных христиан, удаляющихся неправды».

Печальное время разделенной митрополии длилось не долго. Григорий умер в 1419 г. Свидригайло, выпущенный из темницы (в 1418 г.) друзьями православия и всегда готовый действовать в защиту православных, пугал собою Витовта и заставил его отложить в сторону планы Ягайлы о папизме. Потому, вслед за смертью Григория Витовт дал согласие на то, чтобы Фотий снова принял в свое заведывание епархии юго-запада. Блаж. Фотий отправился для обозрения юго-западной митрополии. В 1420 г. был он в Новгороде у Витовта и в Мстиславле у кн. Симеона Лугвения, а в Слуцке крестил сына у кн. Александра. Затем из Киева в 1421 г. был во Львове; праздник Рождества Христова провёл во Владимире. Волынском, в день Богоявления прибыл в Вильну. Вероятно в это время крестил он внука Мамаева кн. Олексу, родоначальника князей Глинских: Олекса крещен был митрополитом в Киеве.

Скорби не преставали теснить попечительного пастыря. Три года сряду (1420 - 1422) не родился хлеб в России и цена возвысилась на него до крайности. С 1417 г. моровая язва переходила из одного места в другое, и с 1420 г. начала действовать с возрастающею силою в страшных видах. Святитель рассылал послания и поучения, одно за другим, призывая к покаянию нераскаянных и утешая унывавших. - В этих скорбях святитель утешен был помощью Богоматери: с принесением Чирской иконы Одигитрии во Псков во Пскове утихла (1420 г.) язва, и митрополит благословил праздновать во Пскове, июля в 16 д., Чирской иконе. Спустя два года открыты были мощи пр. Сергия, -

как торжество духа над смертью и тлением, и около того же времени прославился чудесами преп. Никита, Переяславский столпник.

Но вот и еще заботы. В начале 1425 г. февраля 29 д. скончался в. кн. Василий Дмитриевич, оставив по себе сына Василия 10 лет и четырех братьев. Три младшие брата еще при жизни Василия Дмитриевича признали племянника в. князем. Юрий Дмитриевич, князь Галичский и Звенигородский, не скрепил своим согласием духовного завешания, как сделали братья. Лишь только скончался в. князь, в ту же ночь м. Фотий отправил своего боярина в Звенигород - звать Юрия в Москву для определения отношения его к престолу в. князя. Но Юрий не поехал и в Галиче начал собирать полки. Войска в. князя также двинулись. Принужденный бежать, Юрий просил перемирия. В Москве видели необходимость - укрепить согласие в виде более прочном. И вот по общему голосу святитель Фотий отправился в Галич - убеждать Юрия к полной покорности. Он так спешил выполнить важное поручение, что, не смотря на все просьбы, не остался в Ярославле совершить литургию в день св. Предтечи (24 июня). Юрий принял блаж. Фотия с честью за городом, тогда как собранные из сел толпы народа расположены были в виду по горе, чтоб испугать Фотия. Митрополит, поняв мысль Юрия, сказал: «сын князь Юрий! не видывал я никогда столько людей в овечьей шерсти». Святитель убеждал прекратить притязания на престол в. князя и заключить вечный мир. Юрий не согласился. Святитель оставил город, не преподав святительского благословения. И губительная болезнь, уже действовавшая в разных местах и в самой Москве, немедля начала свирепствовать в Галиче. Народ пришел в ужас, и Юрий познал вразумление Божие. Он поспешил за удалившимся святителем и со слезами умолял возвратиться в город; он согласился на мир с тем, чтобы в договоре спор о престоле предоставлен был решению хана. Так стараниями блаж. Фотия остановлены были кровавые междоусобия.

Последние годы блаж. святителя особенно тяжелы были по скорбям от усилившейся страшной заразы в народе. Чадолубивый архипастырь глубоко сочувствовал страданиям паствы своей. «Богу известно, писал он, как тяжелы были горести мои о разлучении с нами благочестивого вел. князя Василия Дмитриевича. Но затем наступило еще большее бедствие и мне надобно было плакать и рыдать. А там и еще впал я в более глубокую скорбь. Жалость ела меня и вместе с пророком исчезали очи мои от слез о пастве Христовой, от необозримой смертности и опустошении жилищ христианских, постигшего за нашу нераскаянность пред Богом». Так исповедуется блаж. пастырь в предсмертном своем завещании. В посланиях и поучениях своих он выражал те же чувства сострадания и преподавал спасительные утешения. «Господь ищет спасения нашего, а не гибели, писал он во Псков, когда там стала утихать болезнь. Много раз поражая, бережет Он корень, чтобы могли явиться плоды. Было и у нас такое же посещение Божие в Москве и окрестных городах, в Твери и пр. местах. Благодарим неисследимые пути человеколюбия Божия; не вдруг, не внезапно похищает смерть, но дает больным христиански умереть, о чистым покаянием, елеосвящением и с причащением св. и животворящего тела Христова и животворящей крови Его. А многие отходят к Богу и в чине великого ангельского образа. Об отходящих с таким приготовлением уповаю я на человеколюбие Божие».

В 1430 году, когда исполнилось 20 лет служения архипастырского в Москве, пришел вестник с приглашением блаж. Фотия в другой мир. - На Светлой неделе в четверток (20 апреля) после утрени Фотий лег отдохнуть. Вдруг засиял необыкновенный свет. И святитель увидел пред собою светоносного мужа, с венцом на голове и с посохом в руке. В трепете Фотий спросил: «кто ты и как явился здесь, когда двери заперты?» «Я не из числа людей, отвечал посетитель, но ангел Божий и послан к тебе от Господа Вседержителя Саваофа. Господь повелел сказать тебе слово для утверждения твоего. Внимай себе и стаду твоему. Христос Бог дает тебе седмицу на рассмотрение жизни твоей и на распоряжение о пастве». Услышав эти слова, святитель в трепете пал к ногам посланника Божия, но он стал невидим. Это видение и слова ангела так потрясли Фотия,

что он долго лежал на полу, пока иноки, жившие с ним, не вошли и не положили его на постель. Он молчал и не раскрывал глаз. Потом пришел в себя и рассказал видение; святитель предоставил себя воле Божией и продолжал вверенное ему служение.

Спустя 5 месяцев после видения, первосвященник вместе с великим князем был в Литве у Витовта, по особым обстоятельствам. Еще в 1429 году император Сигизмунд предложил на сейме Литовском возвести Витовта в сан короля. Тогда же он, побужденный просьбами императора Иоанна Палеолога и явными беспорядками западной иерархии, объявил твердое намерение заняться делом соединения Церквей и его мысли клонились вовсе не в пользу Римской Церкви. В августе 1430 г. надлежало быть съезду князей и государей в Литве и тогда же Витовту надлежало быть коронованным. Великий князь Московский отправился в Вильну и с ним отправился митр. Фотий, как связанный по званию своему с властителями Москвы и Литвы. Мечта престарелого Витовта не осуществилась. Поляки перехватили послов, посланных императором с короною. Витовт, сраженный скорбно, день ото дня близился к смерти, и она последовала 29 октября 1430 г. Фотий оставался в Вильне почти до самой смерти Витовта. Он виделся потом и с новым великим князем Литвы Свидригайлом, которого все Русские любили за благосклонные расположения его к православию. Без сомнения к этому-то времени, когда думали решить примирение между Церквями восточною и западною, блаж. Фотий приготовил сочинения свои об исхождении Святого Духа и о различии Церкви восточной от западной. - Ими он приготавливал как юного государя Московского, так и других своей паствы, к делу о соединении Церквей. И конечно наставлениям блаж. пастыря одолжена была Русская Церковь тем, что молодой великий князь с такою твердостью отверг унию Исидора. Наконец срок, назначенный блаж. Фотию для приготовления к вечности, скончался. Он мирно почил 1 июля 1431 г. Мощи его обретенны в 1471 г.

Святитель оставил после себя множество поучений и посланий. Особенную важность для Церкви некоторые из них получили впоследствии. Таково - послание его в Псков от 12 августа 1419 г. Здесь говорил он Псковичам: «относительно того, что пишете мне об аллилуйи на славах, - так говори: «слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно и во веки веков, аминь: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже» и еще 2 раза». На это послание указывал еще в XV веке сочинитель послания «к Афанасию, к титору великой лавры св. Николы о трегубой аллилуйи». «Надлежало бы тебе, отче, послушать, как Самого Христа, кир митрополита Киевского, Московского и всей России, Фотия, что писал он нам в дом Святой Троицы во Псков, прислал грамоту, запечатанную печатью с воплощением Сына Божия в чистой Деве Марии, Богородице, каковая грамота и поныне лежит у Святой Троицы; в ней так написано: аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже». Замечательно, что и в Греческой триоди святителя Фотия $\alpha\lambda\lambda\alpha\lambda\upsilon\iota\alpha$ написано трижды. В одном из трех посланий против стригольников блаж. Фотий писал: «если правила св. Апостолов и Вселенские св. соборы запрещают, даже с угрозою проклятия, священническому чину составлять отдельные собрания: тем более возбраняют они Мирянину осмеливаться на что-нибудь подобное. Мирянин не облечен священным саном; он - овца словесная - обязан повиноваться церковному порядку... Пусть говорят хульное на епископа или на священника: не следует отлучаться от общения с ним, пока не произведен будет суд и тот не будет лишен звания». Обращаясь к священникам, говорит: «вразумляйте их со всем вниманием; если не обратятся, отлучайте их от православной веры, чтобы не были они между вами, как плевелы между пшеницею». В другом послании писал: «слышу, что у вас некоторые, не ради о своем христианском имени, ни во что ставят великое Божие священство и иночество... Христианская вера утвердилась учением и властью Апостолов; та же власть, по заповеди Христовой, дается святительскому и священническому чину. Священству Божию вручено право прощать грехи. Если те не обратятся, не принимайте от них приношений и отсекайте их, как гнилые члены, от здорового тела - Церкви Христовой». Он же писал: «как небо отстоит от земли, так наш сан выше всякого Мирского, так Христово священнодействуемое таинство выше всего в мире.

Христос Сам священнодействовал, дав нам тело Свое и кровь Свою в пищу и питье, и завещал чрез Апостолов творить то же самое. Превыше всего рука священническая: она касается Божественного угля. Приняв человека смрадного и мертвого, силою благодати Христос сотворил его яко Бога, поручил нам дело, которое принадлежит единому Богу - прощать грехи человеческие».

Из поучений блаж. Фотия назидательны поучения его, говоренные во время общественных бедствий.

Преп. ИСАИИ, отшельника Египетского, Память 3 июля.

В скитской пустыне, на юг от Нитрийской, куда, по сыпучим пескам, можно было добраться только по указанию звезд, проводил в IV в. отшельническую жизнь авва Исаия, современник преп. Орсисия, ученика преп. Пахомия (пам. 15-го июня). Он оставил после смерти немало замечательных сочинений; некоторые из них сохранились в известности. Изречения его помещены между достопамятными изречениями отцов. Между прочим Исаия говорил: «Ничего нет полезнее для нового инока, как поношение: что - дерево поливаемое, то и новый инок, которого поносят и который переносит поношение»...

Преподобного ЛАМПАДА чудотворца, Память 4 июля.

Преп. Лампад подвизался в посте и молитвах в пещере близ Иринополя, в Исаврии, и прославлен даром чудес. Жил в X веке.

Преп. ФЕОДОСИЯ и АФАНАСИЯ Череповецких.

Ученики преп. Сергия Радонежского, основатели Воскресенского монастыря на том месте, где ныне город Череповец (Новгородской губернии); о них сохранилось, за разорением монастыря Поляками в начале XVII века, только скудное известие в одной вкладной книге. Преп. Афанасий скончался в 1382 г. Мощи преподобных почивают под спудом в Воскресенском городском соборе (монастырь упразднен 1764 г.). См. *Ратшина* «Сведения о монастырях», стр. 404.

Св. муч. МАРИНА и МАРФЫ и других с ними, Память 6 июля.

Марин и Марфа, знатные Персияне, с сыновьями своими, Авдифаксом и Аввакумом, пострадали в Риме, куда прибыли на Богомолье, при имп. Клавдии 2-м, в 269 году. Марин и сыновья обезглавлены, а Марфа утоплена. Мощи их ныне находятся в Римской церкви св. Иоанна Кущника. С ними пострадали и еще многие другие, захваченные на молитвословии

Пр. ФОМЫ Малеина и АКАКИЯ, упоминаемого в Лестнице.

Пр. Фома был прежде воином, славился силою и храбростью; потом оставил мир и все в нем и удалился на горный мыс Малею (восточная часть Афона), где вел подвижническую жизнь, сияя добродетелями и чудесами. Скончался в X веке.

Преп. Акакий, упоминаемый в «Лестнице» Иоанна, был учеником некоего Синайского старца, весьма грубого и злонравного, часто наносившего ему раны и огорчения. Пожив у старца девять лет в терпении и послушании, скончался молодым еще около 550 года. Когда же зверонравный тот старец донес некоему великому подвижнику о смерти Акакия, то он не поверил и, придя к могил (уже чрез пять дней по погребении), возгласил: «брат Акакий! умер ли ты?» И послышался ответ: «не умер я, отец; послушливому невозможно умереть». Тогда покался тот старец в своей жестокости и, уединившись близ гроба Акакиева, провел там остальную жизнь в слезах (см. Лестница, стр. 4).

+ Страдание св. ЕВАНГЕЛЛА, епископа Томского, пресвитера и АСТИОНА, Память 7 июля.

Блаженный Епиктет пресвитер подвизался аскетом и усердно учил других путям спасения. К нему случайно пришел молодой сын сенатора Астион и столько пленился наставлениями его, что принял от него крещение, но с тем, чтобы удалиться из своей страны. Учитель и ученик пришли к Славянам в малую Скифию и стали жить в уединенной хижине, близ города Алмириса. - Строгая жизнь, благотворительная любовь, беседы кроткие стали собирать к ним слушателей. Богатая женщина приносит к Епиккету сына, пятнадцати лет, немного, глухого, иссохшего. «Назореи, слышала я, исцеляют больных именем Христа Иисуса, - исцелите моего сына», говорила жена. «Если будешь веровать», отвечал Епиктет, «в единого Бога и Христа Иисуса, сын твой будет здоров». Затем, исцелив отрока, спросил его: «в кого ты веруешь?» «Надобно веровать в Христа Иисуса: Он столько благотворит людям», отвечал отрок. Жители Алмириса, увидав такое чудо, крестились, всего до 1000 человек обоего пола. - Блаж. Астион, вышедши на Дунай за водою, встретился с бесноватым и, помолившись о нем, исцелил его. Исцеленный и родители его также крестились.

Воевода Скифии Латрониан (это было при Диоклетиане, 284 - 306 г.) потребовал к суду Епиктета и Астиона. «Кто вы таковы?» спросил воевода. «Христиане», отвечали блаженные. «Из какой страны?» - «Из царства Христова, где не поклоняются бездушным идолам». По приказанию воеводы долго били исповедников, палили огнем, потом бросили в тюрьму. Один из служителей, исполнявших бесчеловечную волю воеводы над страдальцами, уверовал во Христа Иисуса, выслушав наставление в тюрьме у исповедников, и здесь же крестился. Целые 30 дней продолжались разные истязания мученикам, и наконец они лишены были глав.

Родители Астиона, известившиеся о нем от очевидца страданий, прибыли в Алмирис после кончины страдальцев. - Блаж. Евангелл, епископ Томский, совершил над ними крещение. В начале гонения скрывался он от гонителей для пользы паствы своей. Наконец Господь призвал и его к мученическому концу. Древняя эпитафия говорит о нем:

Евангелла признавай ангелом,
Он идет на небо, ссеченный мечом.

В одном западном мартирологе замечено, что св. Епиктет и Астион пострадали в 290 г. По мартирологам видно, что во время св. Евангелла в Томах явилось много мучеников, проливших кровь свою за учение Христово. В мартирологе Иеронима и Рабана июля 5-го «в Томах мученическая кончина (dies natalis) *Стратона, Марина, Феодота, Родефии, Секунда, Фомы, Макрина*»; июля 9 «в Томах - святых *Зенона, Мены, Виталия*,

*Руфины, Евангелла, Уриса (Уроша), Агнессы»; июля 10-го «в город Томах страдание Марциала, Домна, Тромед, Иоанна, Сесина, Емилиана и других 36». Во всех западных мартирологах под 20 ч. июня записано: «в городе Томах» мученически скончались «святые Павел и Кириак, Фома и Феликс», Мартирия и Фелициана, Виталий и Кристиан»; 27 августа пострадали «в городе Томах» Маркеллин трибун и жена его Маннея, сын его Иоанн, клирик *Сератион* и воин *Петр*. В некоторых списках прибавлено о последних такое сведение: «они при презесе Кульчиане, после укрощения лютых зверей, после погашения огня, посекаются мечом, а тела их сожигаются». Трибун Маркеллин с супругою конечно сослан из Рима в Тома; но из прочих страдальцев большая часть, если не все, принадлежали Скифии и по роду своему были Славяне.*

+ Преставление благов. ЕВДОКИИ - ЕВФРОСИНИИ, великой княгини Московской.

Бл. Евдокия, дочь Дмитрия Константиновича кн. Суздальского, в 1367 г. стала супругою в. князя Дмитрия Иоанновича. «Земля Русская рада была этому браку», говорит древний повествователь, и было о чем радоваться. Союз дочери кн. Дмитрия Суздальского с князем Дмитрием Иоанновичем служил залогом прекращения борьбы Суздальского князя с князем Московским, пролившей много крови Русской. И молодой князь, вступивши в брак, радовал собою всех: «будучи еще молод, говорит тот же повествователь, он прилежал к делам духовным, не любил пустых разговоров, не терпел срамных слов, от худых людей уклонялся, а с добрыми любил беседовать, с благоговением слушал свящ. Писание, заботлив был о храмах Божиих, мужественно стоял на страже за землю Русскую, злобою был дитя, а умом полный муж». Счастлива была княжна, найдя себе такого супруга. И жизнью своей показала, что она была достойна его. Она была супругою нежною, кроткою, набожною. «Оба супруга, продолжает повествователь, жили в браке чисто, не предаваясь стремлениям чувственности и внимательны были к своему спасению». Было кому поддерживать такие расположения молодых супругов. Святитель Алексей был отцом и хранителем их во всем. Св. Феодор, игумен Симоновский и племянник пр. Сергия, был духовником их. Княгиня и рождала и воспитывала детей в страхе Божиим. Восприемником одного из сыновей был препод. Сергей. Княгиня поддерживала супруга своего в его борьбе с различными скорбями, поддерживала своею молитвою и своею любовью. Когда в. князь Дмитрий решился идти против грозных полчищ Мамай, князь-супруг, совсем готовый в поход, молился в храме архистратига Михаила, призывая на себя молитвы небожителей; - с ним здесь молилась и супруга; здесь же в горьких слезах она и простилась с ним. В продолжение всего грозного времени войны «великая княгиня Евдокия, говорит летопись, раздала много милостыни бедным и сама постоянно ходила в церковь, молилась днем и ночью». Надежды христианские не остались в стыде. Князь Дмитрий 8 сентября одержал такую победу над татарами, что с того времени уже не Россия трепетала орды, а орда стала бояться сил России. Дмитрий благодарил Господа, Москва с торжеством встречала победителя Куликовского; - княгиня встретила супруга у Спасских ворот и молилась с ним в соборах. Благочестивый князь увековечил память Куликовской битвы установлением поминальной субботы Дмитриевой. В. княгиня положила при первой возможности запечатлеть памятником благодарность свою Богоматери за великое дело 8 сент. «Была радость на Руси, говорит летопись, но была и жалость: оскудела земля воеводами и войском». Истощение России доставило татарам легкую возможность удержать временный успех над Россиею. Спустя два года после Куликовской битвы Тахтамыш, усилившийся уничтожением Мамай, быстро подошел к Москве с огромным числом войск; Дмитрий уехал в Кострому собирать полки, тогда как князья Рязанский, Суздальский и Тверской спешили искать милости у Тахтамыша безмолвною покорностию. - В испуганном кремле

началось волнение, поднялись споры и от споров дошли до драк; одни хотели сражаться, другие спешили грабить и малодушно бежать, но никто - повиноваться. - Не пускали из кремля ни м. Киприана, ни великой княгини, и едва наконец выпустили. Татары едва не захватили в. княгиню в Переяславле, - она чрез Ростов удалилась в Кострому. Татары ворвались в кремль и наполнили его трупами и пеплом, потом рассыпались для грабежа по окрестным городам; но лишь только услышали, что князь Владимир стоит у Волока, а в. князь ведет полки из Костромы, поспешили убраться из России вон. Много слез пролили князь и княгиня, возвратясь в Москву опустошенную; на счет в. князя похоронено было до 24,000 человек. Благочестивая княгиня более, чем прежде, обратила тайные помыслы души своей к жизни загробной. В 1383 г. старший сын ее Василий задержан был в орде и в том же году скончался отец ее: одна горесть увеличивала другую. К этому-то скорбному времени относится благочестивый подвиг ее - основание Вознесенской женской обители. «Монастырь честен возгради» говорить о ней степенная книга; «внутри царствующего града Москвы пречестную девическую обитель воздвиже, во имя Вознесения Христа Бога нашего», говорить пролог. - По летописи видим сей монастырь уже в 1387 г. В 1389 г. посетила благ. княгиню самая тяжкая скорбь. В. кн. Димитрию было 39 лет; но он так изнемог, что не надеялся больше жить и приготовил духовное завещание. Княгиня только что родила последнего сына. Князь-супруг, чувствуя близкий конец, велел позвать ее и детей к нему. «Вот отхожу я к Богу моему, говорил князь; ты, дорогая княгиня моя, будь и отцом и матерью детям моим, наставляй и укрепляй их в благочестии, чтобы были послушны по заповедям Божиим, боялись Господа и чтили тебя во всю жизнь». В духовном завещании своем князь высказал вполне, как высоко уважал он свою супругу, какие надежды имел он на ее ум и добродетели. Разделив волости детям своим, он говорил: «вы, дети мои, живите за одно, а матери своей слушайтесь во всем. Если кто из сыновей моих умрет, то княгиня моя наделит его уделом остальных сыновей моих; кому что даст она, то тому и есть; дети мои из воли ее не выйдут. Если у кого из сыновей моих уменьшится отчина, против того, чем я благословил его, то княгиня моя наделит из уделов сыновей моих; а вы, дети мои, слушайтесь матери. Если Бог возьмет к себе сына моего, князя Василия, то удел его идет следующему за ним сыну, а уделом последнего княгиня поделит сыновей моих; а вы, дети мои, слушайтесь своей матери, - что кому даст она, то того есть... Который сын не станет слушаться матери своей, на том не будет моего благословения». Так понимает супругу свою умный Димитрий Иоаннович. Он предоставляет ей безотчетную власть распределять сыновьям отчины в известных случаях. Ей самой назначил князь по несколько волостей из уделов каждого сына с тем, чтобы по смерти ее возвратились эти волости в те уделы, которым принадлежат они; но теми волостями, которые приобрел сам Димитрий и отдал супруге или которые приобрела сама супруга его, она имеет полную власть распоряжаться по своему усмотрению - «отдать ли кому-либо из сыновей, или же отдать на молитвы за свою душу».

Предав земле любимого супруга, княгиня положила исполнить во всей точности волю его - заменять, сколько может, отца детям, - оберегать и физическую и духовную жизнь их. Потому-то без сомнения, оставшись вдовою, она не поступила, по примеру других вдов-княгинь, в монастырь, хотя и желала того. Предпоследний сын ее Иван скоро умер, но остались, кроме Василия - великого князя, Юрий, Андрей, Петр и младенец Константин. В 1390 г. вместе со всеми сыновьями своими почтительно встречала она за Москвою в Котле святит. Киприана. Получив по завещанию супруга богатые имения, она положила выполнить в лучшем вид долг благодарности Богоматери за 8 сентября в память дорогого супруга: построила на своем дворе каменный храм в честь Рождества Богоматери и украсила его лучшими иконами, книгами, дорогими сосудами и другою утварью. Святит. Киприан (11 февр. 1393 г.) освятил его в присутствии всей семьи в. княгини. По просьбе благоч. княгини положено было праздновать в Москве 8 сентября с особенною торжественностью, в благодарность за Куликовскую победу. Как ни богато

украшен был освященный храм, благочестивая княгиня хотела сделать более для дома Богоматери. Чрез два года он расписан был лучшими иконописцами - Феофаном Греком и Симоном Черным с их учениками. Княгиня щедро расточала свои средства на восстановление и украшение храмов, которых так много было разрушено и опустошено в нашествие Тахтамыша. На ее иждивение построен был Горицкий монастырь в Переяславле. В 1395 г. страшный Тамерлан готов был сделать то же с Москвою, если не более, что сделал Тахтамыш. Общий ужас не мог не потревожить и набожной княгини, как нежной матери детей; вместе со всеми она проливала молитвы к Богоматери, и Матерь Божия спасла Москву. Не нужно говорить о том, что княгиня была матерью для всех нищих; она благодарила бедным пустыням, в том числе блаж. Кириллу Белозерскому в его северной, дикой пустыни.

Княгиня Евдокия вела жизнь подвижническую; но это известно было только Господу, а пред людьми она являлась пышною княгинею, носила богатые одежды, украшалась жемчугом, являлась везде с веселым лицом. Такая жизнь вдовы-княгини порождала худые толки. Люди всегда и везде любят судить о других худо. Худая молва о матери, дошедшая до детей, оскорбляла их, и Юрий Дмитриевич не мог скрыть своего беспокойства от матери. Любовь к тайному подвижничеству вступила теперь в борьбу с любовью к детям. Княгиня-мать решила удовлетворить той и другой, сколько могла. Она созвала детей в свою молельную, сняла часть одежды - сыновья испугались, увидя худобу ее тела, изнуренного постом и измученного веригами. Она просила детей не открывать того другим, что они узнали, и советовала не обращать внимания на людские толки о ней. Явившийся ангел возвестил ей о близкой ее кончине. Она онемела после сего видения и знаками давала знать, чтобы написали ей ангела; два лика ангельские поданы были ей, и она не была довольна; когда же подан был образ архангела Михаила, она обрадовалась и стала говорить. Он - архистратиг точно в таком вид являлся мне, сказала при том блаж. княгиня. Образ сей, говорит древний повествователь, доселе стоит в храм Рождества Богоматери.

Пришло время княгине заключиться и в обители, к которой давно стремилась душа ее. На пути из храма Успения Богоматери слепец кричал ей: «Боголюбивая княгиня, кормилица нас нищих! ты обещала мне во сне: завтра дам тебе зрение; исполни же обещание твое». Княгиня, не обращая внимания на слепого, как бы случайно, опустила рукав рубашки, и слепец, ощутив его в рук, отер им свои глаза и - прозрел. Она приняла иноческий образ с именем Евфросинии и удвоила свои подвиги. На ее иждивение был заложен каменный храм в обители. Но она уже созрела для радостного созерцания небесных жилищ. В том же 1407 г., в котором заложен был каменный храм, она мирно почилла 7 июля. Св. мощи ее покоятся под спудом в основанном ею храме.

Прославляющий святых Своих прославил блаженную княгиню-инокиню по смерти ее. Не раз над гробом ее сами собой загорались свечи.

Св. муч. КИРИАКИИ.

Св. Кириакия пострадала в Никомидии в 289 году, вместе с другими пятью девами, за исповедание имени Христова.

Празднование ВЛАХЕРНСКОЙ ИКОНЕ Богоматери.

Икона сия, из воскомастики, принесена из Иерусалима в Константинополь и императрицею Пульхериею поставлена была в церкви Влахернской (Влахерны - часть Константинополя); император Ираклий имел ее с собою в походе против Персов. Впоследствии сохраняли ее на Афоне и в 1653 году прислали в дар царю Алексею

Михайловичу. Теперь находится в Московском Успенском собор, в приделе Апостолов Петра и Павла.

+ Преставление преп. ФЕОФИЛА мироточивого, Память 8 июля.

Родители преп. Феофила - Македонские Славяне из местечка Сичева, добрые и благочестивые христиане, дали сыну прекрасное воспитание. Сын, с юных лет, учившись успешно, не любил веселостей и рассеяния и любил разговаривать с умными и добрыми людьми. Большую часть времени посвящал он чтению христианских книг и любил обогащать ум свой познаниями. Став известным, как по доброй жизни, так и по познаниям христианским, он посвящен был в священника; в этом сане он ревностно сеял семена благочестия в христианских сердцах и для этого сеяния переходил из одного места в другое. Ревность к совершенству духовному сблизила его с Ранданским епископом Акакием, и Феофил остался жить при нем, для душевного назидания. Константинопольский патриарх Нифонт получает письма из Египта с известием о чудесах, совершенных Александрийским патриархом Иоакимом, в посрамление иудеев, и по поручению патриарха епископ Акакий с Феофилом и другими отправляется в Египет, для личного сношения с патриархом. С посланными отправлено послание Константинопольского патриарха к Александрийскому с изъявлением радости о милостях небесных.

Дела происходили истинно дивные, славные для христианства.

В Египте свирепствовала чума: Мисир и его окрестности особенно сильно пострадали. Жид-врач, отъявленный враг христианства, распустил молву между магометанами, что христиане виновники смертности, - они опускают в воду крест. Молва дошла до султана. Тот, уважая патриарха, на первый раз оставил без внимания донесение злобы. Жид-врач обратился к визирю-жиду, любимцу султана, и тот успел довести султана до того, что патриарх потребован в Диван для объяснений. Султан долго разговаривал с патриархом и наконец сказал: «пусть патриарх в оправдание Евангельских слов переставит гору соседнюю с Мисиром». Патриарх выпросил несколько дней для молитвы. Потом, в назначенный день при стечении народа сказал гор: «именем Господа говорю: сойди с места». И гора затряслась и сдвинулась с места. Эта гора с того времени называется *дурь даго* - стань гора. - Это чудо поразило всех. Но жида еще более озлились. У них написано, говорили они султану: *еще и смертное что испиют, не вредит им* (Марк. XVI, 18). Если это не ложь, пусть патриарх докажет это на себе. Султан принял и это внушение злости, согласился на то, чтобы подан был яд патриарху. Полный веры в силу креста Христова, патриарх осенил смертную чашу знаменiem креста и выпил яд. Все ожидали, что он тотчас умрет. Патриарх остался невредим. Налив стакан водою, патриарх сказал султану: «пусть Еврей выпьет это, подаваемое хулимою им верою». По приказанию султана Еврей выпил и мгновенно издох. Пораженный такими чудесами, султан велел обезглавить клеветника визиря, а на всех Евреев наложена пеня: сделать водопроводы из Нила в Мисир.

Акакий и Феофил приняты были Александрийским патриархом с радостью, и блаж. Феофил своею образованностью обратил на себя особенное внимание великого святителя. Пробыв довольно время в Александрии, благочестивые путешественники отправились на Синай, а оттуда в Иерусалим, были на Фаворе и в Дамаске, где получили письма Антиохийского патриарха к Цареградскому. Из Дамаска возвратились в Иерусалим, где блаж. Акакий заболел и умер. Письма Иерусалимского патриарха Феофил доставил уже патр. Пахомию, так как Нифонт удалился на покой. Патр. Пахомий столько полюбил Феофила, что удержал его при себе в должности нотариия и экзарха великой

церкви, Феофила все уважали за его добродетели, но он отяготился этим уважением и удалился на Афон.

В Ватопедском монастыре поручил он себя руководству пребывавшего на покое епископа; подчинив себя воле его, он каждый день совершал служение. По смерти епископа перешел в Иверскую обитель и здесь учился у одного послушанию, у другого любви, у третьего терпению. По поручению обители, он занимался списыванием книг - и многие книги письма его остались в Ивере. Феофил так стал известен духовною жизнью и образованностью, что Солуняне сильно желали иметь его своим архипастырем. Сам патриарх Феопит, бывший по случаю в Солуне, по просьбе Солунцев, писал к Феофилу, вызывая его в Солунь. Но смиренный Феофил поспешил облечься в схиму, а патриарху отвечал, что тяжкая болезнь, заставившая его принять схиму, никак не позволяет ему прибыть в Солунь.

Близ Ивера уединенно подвизался тогда игумен Дионисий. Блаж. Феофил, выпросив у него дозволение, построил вблизи малую келью. Они жили в такой любви между собою, что, казалось, была у них одна душа.

Потом блаженный жил в Каре вместе с старцем Кириллом. Здесь прот. Св. горы старец Серафим, духовник Кирилла, так полюбил Феофила, что они остались друзьями до гроба. Когда сильное желание безмолвия увлекло Феофила в уединенную келью св. Василия, принадлежавшую монастырю Пандократора, а между тем Феофил не имел у себя ничего, чем бы поправить обветшавшую келью и уплатить монастырю, старец Серафим помог ему и потом, отказавшись от должности прота, перешел жить вместе с блаж. Феофилом. Исключительным подвигом их было хранение ума непрестанною молитвою Иисусовою. Препод. Феофил ни о чем больше не думал, как о Господе Иисусе; Иисус был дыханием его, Он был постоянно в сердце его. Наконец, будучи исполнен дней, преподобный предугадал смерть свою и начал готовиться к переходу в ту жизнь. Он написал исповедание веры и завещание. В пятницу, по его желанию, совершено над ним елеосвящение; простившись со всеми, приобщился Святых Тайн; ученику своему Исааку дал заповедь не хоронить его, а оттащить труп его куда-нибудь и бросить. Преподобный предал дух свой Богу 8 июля 1548 г.

Исаак исполнил волю старца и оттащил тело его в лес. Когда во всей горе разнесся слух о кончине Феофила, - весьма многие, знакомые и друзья, приходили поклониться могиле преподобного. Исаак указывал всем на одно место взрытое, как на могилу почившего. Только иноки Ивера и Пандократора по какому-то предчувствию не доверяли Исааку. Некоторые из них стали ходить по лесу и, найдя мощи преподобного, скрыли у себя. Когда в 40 день Исаак пришел в лощину, к изумлению не нашел мощей старца. После долгого разведывания дознался он, что мощи находятся в обители Пандократора. Подобного, скрыли у себя. Когда в 40 день Исаак пришел в лощину, к изумлению не нашел мощей старца. После долгого разведывания дознался он, что мощи находятся в обители Пандократора. Он обратился с жалобой к Ерисскому епископу Макарию. Тот созвал игуменов, и решили оставить руку преподобного в обители Пандократора, а прочее отдать Исааку в келейную церковь святого Василия. С того времени мощи преподобного источают благовонное миро.

+ Стрaдание преп. НИКОДИМА, Память 11 июля.

Албанский Славянин, препод. Никодим, по воле родителей был женат и имел детей. Связи и знакомства с Турками затемнили душу его, и он, увлеченный чувственною жизнью магометанства, отрекся от веры Христовой. Увлечение его магометанством до того было сильно, что он, несмотря на слезы домашних, потурчил детей своих, кроме одного, которого тайно отправили на Афонскую гору. Когда узнал он, где скрывается сын,

то, воспламененный фанатизмом, понесся туда, чтобы вырвать у иноков сына и отомстить за него. Благий Бог, ищущий спасения нашего, устроил по Своему. Когда Никодим прибыл в Афон и тут искал сына, постнические подвиги, молитва, безмолвие пустынников, кроткое обращение с каждым поразили его до глубины души. Он вспомнил свое минувшее, когда и для его сердца не были чужды надежды на вечность духовного блаженства; он сравнил рай Магометов с раем Христовым и увидел, что сколько первый был грязен и нечист, столько же другой светел и благоуханен; он сравнил жизнь пустынников христианских с жизнью магометан и увидел, что сколько те кротки, добры, ласковы, готовы всем жертвовать для других, столько же другие дики, необузданны, горды и своевольны. Он вспомнил, что одна надежда на спасение для грешников, каковы все люди, - Христос Сын Божий; что же ждет его несчастного, который отрекся от Христа? И он горько заплакал о себе самом, о своем падении. Не сходя с горы, он возвратился к христианству, прокляв Магомета, и принял иночество. Три года оплакивал он свое падение и изнурял себя подвигами. Услышав от некоторых отцов, что тому, кто отрекся от Христа пред людьми, полезно исповедовать Его пред людьми, он решился на подвиг мученичества. Чтобы не обмануться в своем желании, он обратился за советом к блаженному старцу Акакию, жившему в Кавсокаливском скиту. Долго плакал он у ног старца, прося утешать его больного. Старец поднял его с любовью, помолился о нем, потом тихо сказал что-то ему, дал ему свой старческий жезл, с словами: «иди с Богом! Бог тебе помощь! подвиг совершишь и венец получишь». Никодим, едва двигаясь от изнурения постного, отправился по благословению старца. Еще на св. горе Господь укрепил его на великий подвиг видением, - открыл ему и муки, которые вытерпит он, и место, где отсечена будет глава его. Утешенный благодатью Божиею, Никодим твердо пошел на подвиг свой. Он прибыл прямо на родину свою и тут вслух Турок исповедал, что он христианин и магометанство признает жалким заблуждением. Турки представили его к паше. И пред пашой он исповедал, что хотя принимал он магометанство, но убежден, что вера христианская - вера, не заменимая ничем, а магометанство - жалкое заблуждение, страшное для того, кто дорожит вечностью своею. - Взбешенный паша велел сбросить его с террасы своего дома. Он уверен был, что христианин раздроблен будет на части падением. Но Никодим, по благодати Божией, остался невредим - и снова явился к паше. Паша затрепетал, думая, что пред ним привидение. Между тем толпа фанатиков с криком требовала казни для того, кто унижил Магомета. Паша отдал Никодима на волю беснующейся толпы. Неистовые фанатики трое суток терзали страдальца, вынуждая отречься от Христа. Когда наконец увидели, что не преодолеть им твердости исповедника Христова, лишили его головы на том самом месте, которое указано было ему в видении. Подвиг окончился июля 11 1722 г. Мощи преп. Никодима, перенесенные на Афон, источают исцеления прикасающимся к ним с верою.

**+ Преставление блаж. СЕРАПИОНА, еп.
Владимирского,
Память 12 июля.**

Преп. Серапион проводил подвижническую жизнь в Киевской Печерской обители. Время жизни его было самое горькое. Бедствия следовали одно за другим и всего тяжелее было порабощение Татарское. В 1230 г. мая 3-го сильное землетрясение привело всех в ужас. Для Печерской обители оно было тем поразительнее, что последовало в день памяти преп. Феодосия. М. Кирилл, в. князь, бояре, множество Богомольцев стояли за литургиею в великой Печерской церкви, как величественный храм треснул в четырех местах; в лаврской трапезе камни падали со свода на полы. Это землетрясение чувствовали и на севере, во Владимире. Мая 14-го было необыкновенное затмение солнца; осенью того же года озимь побита была морозом; затем два года свирепствовали голод и мор. Наконец

страшный Батый опустошил Россию и наложил на нее тяжкое иго подданства. Блаж. Серапион бедствиями времени обучался сокрушению о грехах и страхом Божиим отгонял от души приражения страстей. В одном из поучений своих писал он: «сколько раз видели мы солнце погибшее, луну померкшую, перемены в звездах. Видели своими глазами и трясение земли. Земля, утвержденная и неподвижная, движется по повелению Божию, колеблется от грехов наших, не может носить беззаконий наших... Что потом было у нас? Не глад ли? Не мор ли несколько раз? Не частые ли войны? Однако мы не покалялись. И вот пришел на нас, по попущению Божию, народ немилостивый, опустошил нашу землю, взял наши города, разорил святые церкви». За высокие добродетели свои блаж. Серапион был избран и посвящен в архимандрита Феодосиевой лавры. Затем м. Кирилл назначил его еще для высшего сана. По летописи, в 1274 г. первосвятитель, прибыв из Киева на север, посвятил Серапиона, архимандрита Киевского Печерского монастыря, в епископа Владимиру и Нижнему Новгороду, а в надписи правил собора 1274 г. сказано, что Серапион посвящен в епископа архипастырями, собравшимися на сей собор в Владимире. Впрочем блаж. Серапион недолго управлял Владимирскою паствою. И не дивно: тот, кто печальные события 1230 г. видел с таким духовным разумением, в 1274 г. был без сомнения уже глубоким старцем. Он скончался 12 июля 1275 г. и погребен во Владимирском Успенском соборе -. Уже по списку XIV в. в надписи 3 слова его называется он святым, в трех других - преподобным, а в надписи 5 слова - блаженным. По ркп. святым он поставлен в числе святых.

Летопись говорит о нем: «бо учителен и силен в Божественном Писании». Ныне известны 7 слов его, дышащие искренним благочестием христианского пастыря душ.

«Дети, так говорит он в одном поучении, я чувствую в сердце своем великую скорбь о вас. Ибо вовсе не вижу вашего обращения от дел беззаконных. Не так скорбит мать, видя детей своих больными, как скорблю я, грешный отец ваш, видя вас болящих делами беззаконными. Много раз беседовал я с вами, желая отвратить вас от худых навыков. Но не вижу в вас никакой перемены. Разбойник ли кто из вас? Не отстаёт от разбоя. Вор ли кто? Не пропускает случая украсть. Имеет ли кто ненависть к ближнему? Не имеет покоя от вражды. Обижает ли кто другого, захватывая чужое? Не насыщается грабежом. Лихоимец ли кто? Не перестает брать мзду. Но по слову пророка, *всуче мятется, сокровиществует и не весть, кому соберет я* (Псал. XXXVIII, 7). Бедный, он не подумает о том, что как родился нагим, так и умрет, не имея ничего кроме проклятая вечного... Умоляю вас, братия и дети, исправьтесь, обновитесь добрым обновлением; перестаньте делать зло; убойтесь Бога, сотворившего вас; вострепещите суда Его страшного. К кому идем? К кому приближаемся, выходя из сей жизни? Что скажем? Какой дадим ответ? Страшно, дети, подпасть гневу Божию... Вот уже к сорока годам приближается наше томление и мука, тяжкие дани не прекращаются; и голод и мор, и всласть хлеба мы съесть не можем. Воздыхание и печаль сушат кости наши. А что нас довело до сего? наши беззакония, наши грехи, наше непослушание, наша нераскаянность. Молю вас, братия: вникни каждый в свои мысли, рассмотри сердечными очами дела свои, возненавидь их, откажись от них, раскайся, и гнев Божий минует. Милость Господня изльется на нас. Господь сотворил нас великими, а мы непослушанием становимся малы. Не погубим, братия, своего величия. Не слышащие о делах и законе спасаются, а исполняющие закон (Римлян. II, 13). Согрешили мы? Прибегнем к покаянно, обратимся с любовью к Богу, прольем слезы, подадим милостыню нищим, поможем бедным. Скажем и мы с Давидом: «Господи, виждь смирение наше, остави вся грехи наша (Псал. XXIV, 18). Отврати ярость Твою от нас. Еда во веки прогневаешия на ны, или прострещи гнев Твой от рода в род?» (Псал. LXXXIV, 5 - 6). Ты Бог наш; Тебя прославляем с безначальным Отцем и с Пресвятым Духом, ныне и присно и во веки».

В слове о мятеже жизни говорит: «многие вельможные преждевременно сведены в ад, как псы... Известного у людей нет ничего, все - неприятности. Один захватил землю соседа, другой отнял имущество и село, а и без того чужой дом у него. Иные, не

насыщаясь именем, захватывают и продают свободных людей бедных... Правды нет в Море дети бесчестят родителей, отцы отказываются от детей, мужья блудодействуют при женах... Бог дал нам богатство, чтобы разделяли мы его с бедными: а мы еще обижаем сирот, насилия творим вдовам, обираем бедных и за деньги обвиняем правого».

Так обличал грешников ревностный пастырь!

+ Преп. САРРЫ подвижницы, Память 13 июля.

По древнему известию, блаженная девственница Сарра была настоятельницею девичьей общины. Она шестьдесят лет прожила в тесной келье своей на берегу Нила и ни разу не взглянула на реку. Духовная твердость ее была изумительная. Много случалось с ней разных искушений, то болезни, то обиды; она терпела, оставаясь верною обету. Докучливые образы суеты Мирской, иногда прелестные и чарующие, прогоняла страхом Божиим.

Со страстью блуда боролась она 13 лет и никогда не просила о прекращении борьбы, а только молилась: «дай мне, Господи, крепость». Раз, когда искушение было сильнее и настойчивее, она, в глубоком сокрушении и трепете пред геенною, взойшла на крышу кельи и предалась усиленной, горячей молитве. Демон, являсь ей в человеческом образе, поклонился ей и сказал: «ты победила меня, Сарра». Она, понимая значение хвалы его, отвечала: «тебя победил Господь Иисус, а не я грешная». Слава о ее высоком подвижничестве призывала к ней посетителей. Два известные подвижника пришли из Пелузийской пустыни видеть Сарру. Побеседовав с нею о пользе душевной, они, на прощанье, положили: поучим старицу смирению. «Смотри, сказали они ей, не превозносись умом твоим; не говори: вот и отшельники ходят ко мне женщине». Сарра отвечала: «да, я точно слабая, бедная женщина; но стараюсь, сколько могу, держать душу при бодрости и мужестве». Она говорила это в тех мыслях, что слабость пола не увольняет никого от долга борьбы христианской и что звание рабы Христовой обязывает к ревности духовной и жену, как и мужчину.

Она говорила: «если я буду желать, чтобы все люди были довольны мною, то должна буду стоять с поклонами у дверей каждого. Но лучше буду молиться, чтобы сердце мое было чисто пред всеми».

Она особенно часто помышляла о смерти и побуждала себя к готовности стать на суде Божиим не со стыдом и бесполезною тугою. «Когда поднимаю ногу свою, чтобы взойти на лестницу, то представляю себе смерть, и потом всхожу на лестницу».

В числе наставлений, слышанных от нее, чаще других встречали настояние ее - быть милостивыми к бедным. «Хорошо, говорила она, подавать милостыню и для людей; пусть она подается и по человеколюбию, но повторяемая, она обратится в дело чистой любви к Богу».

Память о св. Сарре совершается и в сырную субботу, когда воспоминаются все великие подвижники.

Память СВ. ОЦОВ шести Вселенских соборов, Память 16 июля.

В 16 день июля и в V или VI неделю по Пятидесятнице Церковь совершает память св. Вселенских шести соборов: *Первого*, бывшего в 325 году по Рождестве Христове в присутствии Константина Великого и 318 св. отец, вопреки Арию единомыслием веры уяснивших в первых восьми членах Символа Веры единосущие в трех ипостасях

Богоначального естества и единое поклонение Отцу, Сыну и Св. Духу, - определивших время празднования Пасхи и предавших в руководство Церкви 20 правил благочиния.

Второго, бывшего в Константинополе в 381 году при императоре Феодосии Великом, в числе 150 св. отец, подтвердивших, вопреки Македонию, патриарху Константинопольскому, равное поклонение Св. Духу, купно с Богом Отцом и Сыном; указавших важность и непреложность веры, проповеданной Первым Вселенским собором; распространивших изложение восьмого члена веры; присовокупивших четыре последние члена и предавших в руководство Церкви 7 правил благочиния.

Третьего, бывшего в Ефесе в 431 году в числе 200 св. отец при Феодосии II, исповадавших против Нестория нераздельное в лице Иисуса Христа соединение Божества и человечества, и бессеменно родившую Его непорочную Приснодеву собственно и истинно Богородицею; подтвердивших неизменность Символа Веры и предавших в руководство Церкви 8 правил благочиния.

Четвертого, бывшего в Халкидоне в 451 году, при Маркиане, в числе 630 св. отец, исповадавших Господа Иисуса Христа совершенным в Божестве и совершенным в человечестве, Богом истинным и человеком истинным, из души и тела; единосущным Отцу по Божеству и присносущным нам по человечеству; по всему нам подобным кроме греха; рожденным прежде века от Отца по Божеству; по человечеству ради нашего спасения - от Марии Девы Богородицы; единым Христом, Сыном Господа, едиnorodным, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно познаваемым, и в сих двух естествах славимым: а суемудрого Евтихия, архимандрита Константинопольского, который говорил, что великое таинство спасительного домостроительства совершилось призраком, извергших, и с ним Нестория, патриарха Александрийского, и Диоскора, архиепископа Александрийского, из коих один был защитником и поборником разделения, а другой смешения Божества и человечества во Иисусе Христе, и предавших 30 канонов благочиния в руководство Церкви.

Пятого, бывшего при император Юстиниане Великом в Константинополе в 553 году, в числе 165 св. отец, утвердивших истину учения, изложенного Четвертым Вселенским собором, и осудивших Феодора Мопсуетского - Несториева учителя, Оригена, Дидима и Евагрия, также написанное Феодоритом противу правой веры и противу дванадесяти глав блаженного Кирилла, и так называемое письмо Ивы.

Еретики, осужденные соборами Ефесским и Халкидонским, восстали против собора Халкидонского, утверждали, что он, осудив Евтихия, оправдал Нестория и в подтверждение сего указывали на сочинения Феодора, епископа Мопсуестского, Феодорита Кирского и Ивы Едесского, которые будто бы не были осуждены Халкидонским собором, между тем как благоприятствовали учению Нестория. Феодор хотел разумение св. Писания и все учение веры основать на началах одного разума; потому отверг важнейшие догматы Прав. Церкви, не признавал во Христе воплощенного Бога Слова, не почитал св. Матери Его Богородицею, отвергал исполнение пророчеств в лиц Иисуса Христа, все чудеса и проч. Феодорит, епископ Кирский, бывший в дружеской связи с Несторием, до его заблуждения и во время Ефесского собора, по неведению о перемене мыслей Нестория и по неосторожности, в чем сам впоследствии раскаялся, написал 12 глав против известных 12 анафем св. Кирилла Александрийского на Нестория. Ива Едесский, в послании к Марию Персу, осуждал Равулу, своего предшественника, зато, что он предал анафеме Феодора Мопсуестского будто бы безвинно и не уважил его трудов для пользы Церкви. Это послание для одних служило соблазном, других располагало к образу мыслей Феодора, и чрез то к ереси Нестория. В то же время начали распространяться на Востоке ложные мысли Оригена (186 - 254), кои и прежде уже не раз были осуждаемы Прав. учителями Церкви. Они осуждены были еще при жизни самого Оригена епископом Александрийским Димитрием, потом Феофилом Александрийским (в 399) на соборе из епископов Египетских и Ливийских. Таким образом V Вселенским собором утверждены только прежние решения об Оригене. Ложные мнения Оригена

состояли в том, что он 1) отвергал равенство лиц Св. Троицы; 2) души человеческие считал сотворенными прежде тел и заключенными в тела в наказание за грехи, сделанные душами прежде соединения с телами; 3) душа Иисуса Христа соединилась с Словом прежде воплощения; 4) небесные светила суть одушевленные силы, в которых обитает душа разумная; 5) мучения загробные будут иметь конец, - и 6) Иисус Христос, Спаситель человеков, вторично пострадает для спасения демонов и проч. *Дидим и Ивагрий* были учениками Оригена.

И *Шестого*, бывшего при Константине Погонате, также в Константинополе в 691 году, вопреки Сергия, епископа Константинопольского, и его последователей, в числе 170 св. отец, утвердивших, что во Иисусе Христе две естественные воли и два естественных действия нераздельны и неслиянны; подтвердивших правила Вселенских и Поместных соборов и изложивших 102 правила благочиния в утверждение Церкви.

Празднование св. отцам шести Вселенских соборов, бывших в разные времена, без сомнения началось не вдруг, но распространялось мало по малу, после Первого Вселенского собора.. На постепенное установление празднования св. шести соборам Вселенским указывается писаниями св. отец разных веков. Так св. Григорий Двоеслов, писатель VI века, в послании своем к Иоанну, патриарху Константинопольскому, и прочим патриархам писал о четырех Вселенских соборах: «приемлю и почитаю 4 собора, как 4 книги св. Евангелия, т. е. со всею преданностью содержу и всецело храню *Никейский* на коем ниспровергнуто лжеучение Ария; - *Константинопольский*, на коем обличено заблуждение Евномия и Македония; *Ефесский*, на коем отвергнуто нечестие Нестория; *Халкидонский*, на коем отвергнуто безумие Евтихия и Диоскора». В VII веке св. патриарх Иерусалимский - Софроний, в соборном послании к Сергию, Константинопольскому патриарху, писал:

«св. отцы, желая показать, что учение их не новое, а согласное с соборами, часто перечисляют оные. Мы принимаем четыре великие, священные Вселенские собора, бывшие для утверждения Божественных догматов церковных, сияющие Евангельским блеском и украшенные качествами Евангельскими. Сверх сих четырех великих, достоуважаемых, священнейших и равночестных соборов, я принимаю и *Пятый* Вселенский собор, бывший кроме и после тех соборов, собиравшийся для подтверждения знаменитого Халкидонского собора». В IX веке о шести Вселенских соборах писал Никифор, архиепископ Константинопольский, и называет их святыми, Богодвижимыми. При воспоминании св. отец шести Вселенских соборов Церковь в чтении Евангельском предлагает ходатайственную молитву Иисуса Христа, указанную в первом Страстном Евангелии и в VII-ю по Пасхе неделю св. отец Первого Вселенского собора (Иоан. 17:1 - 13, зач. 56).

А словами Апостольского чтения поучает: "**Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет; чтобы они делали это с радостью, а не воздыхая, ибо это для вас бесполезно**" (Евр. 13:17).

+ Преставление преп. ЛЕОНИДА Устьнедумского, Память 17 июля.

Блаж. Леонид, родившийся поселянином в Пошехонском уезде, на 50 году видел сон, повелевавший ему идти в Моржевскую Николаевскую пустынь, что на Двине, взять там икону Пресв. Богородицы Одигитрии и с нею устроить храм на р. Лузе в Туриной горе. Он не решился следовать этому видению, считая его простым сном, и отправился в Кожеозерский монастырь, где постригся и прожил около трех лет. Отсюда пришел он в Соловецкий монастырь, где трудился в пекарне. Сновидение повторилось здесь еще раз. Он перениел в Моржевскую пустынь и спустя год открыл настоятелю свое видение.

Получив икону Одигитрии, он отправился на р. Лузу и близ Туриной горы, при р. Якутице (в 80 вер. от Устюга), устроил себе хижину из хвороста; потом, уступая насилию поселян, отошел по р. Лузе на две версты и здесь с помощью селянина построил себе келью и часовню; посвященный в иеромонаха в 1608 г., построил он храм во имя Введения Божией Матери, где поставил икону Одигитрии. Ныне это - в 80 вер. от города Лальска. Болота, окружавшие это место, делали обитель почти неудобною для общежития. Для осушения их Леонид прокопал канал от реки Лузы до Черного озера, от Черного озера до Святого и от Святого до Черной речки; всего прорыто им 840 саж. Во время этого труда Леонид ужален был у Черного озера змеей и сначала встревожился мыслью о последствиях яда; но потом, с упованием на Бога, положил не думать и остался здоров. По этому случаю он канал *Недумую рекой*, и обитель назвалась Устьнедумскою. Край тот, где поселился труженик, был край пустынный и глухой. Он долго и после назывался «*Лускою Пермцею*», т. е. частицею страны диких Пермяков. Отселе понятно, какое значение имела пустынь Леонида для этого дикого края в церковном и гражданском отношении. Преп. Леонида справедливо чтут просветителем «Пермцы». Сколько борьбы вынес он с природою негостеприимною! Канал, проведенный трудами его, значительно осушил болота; но Луза во время разливов затопляла пустынную обитель. Потому преподобный вынужден был наконец перенести постройки на мыс, возвышающийся над Черным озером. Здесь построенный храм освящен был мая 25-го 1652 г., а в 1654 г. июля 17-го преп. Леонид окончил труженическую жизнь свою на 100 году от рождения. Власяница его поныне сохраняется в бывшей монастырской, ныне приходской, Введенской церкви; здесь же почивают мощи его под спудом.

Пр. ЛЕОНТИЯ Кариховского,

Память 18 июля.

Пр. Леонтий основал в Новгородском уезде монастырь Карихов, в котором и сам скончался 18 июля 1492 года. Мощи его почивают под спудом в нынешней приходской церкви села Карихова.

+ Преставление блж. СТЕФАНА Лазаревича, деспота Сербского,

Память 19 июля.

После страдальческой кончины кн. Лазаря, старший сын его Стефан остался еще малолетним. И мать Стефана, умная кн. Милица, приняла дела Сербии в свое ведение.

Хотя султан, победитель Сербии, предоставил Сербии свое управление, но Сербия обязана была выставлять для каждой войны султана 30,000 войска и она же должна была каждый год вносить в казну султана 20,000 золотых дукатов. - Положение не легкое! А между тем Вуку Бранковичу удалось было выпросить себе звание опекуна Стефанова и правителя Сербии.

Сперва удалось Вуку Бранковичу достать себе большую половину Сербии. Но умная деспотисса все мало по малу улучшала дела свои и Сербии. На первых порах много надобно было трудиться, чтобы сколько-нибудь поправить разоренный войною край. - К большому горю, явились раздоры: некоторые предлагали вступить в союз с Венгрией и вместе с нею воевать против султана. Мысль эта до того увлекла иных, что составилась заговор лишить Стефана прав деспота. А другие недоброжелатели доводили до сведения султана, что Стефан - враг султана. - Деспотисса сама явилась к султану с изъявлением покорности. Султан принял ее ласково. Затем и юный деспот отправился к Баязету. После

церемониального приема Стефан не спешил уходить из дворца. «Зачем остался?» тревожно спросил султан. Стефан смело отвечал: «так как некоторые люди говорили обо мне худо вашему величеству, то сам я хочу сказать правду о себе, хотя и не выгодную. Действительно, советовали мне некоторые отложиться от твоей власти и стать другом Венгерцев; но я видел неуместность этого союза, помню клятву и ваши милости и - вот явился пред лице вашего величества: жизнь моя в ваших руках: распорядитесь, как угодно». Баязет изумился искренности; помолчал и потом объяснил молодому князю, что союз с Венграми точно - не умное дело, - он скоро смирит их; «если ты, прибавил султан, будешь делить мои походы, - ты будешь покоен, - принимаю тебя за сына, - дети мои, чувствую, перессорятся; тогда придет время, что ты не только будешь владеть покойно своею страпою, но приобретешь соседние; при мне поступай так: смирай сильных твоих и держи их в руках». - Никто не ожидал, чтобы грозный султан так отечески принял молодого Стефана и - тем более было радости для Сербии. Баязет «просил у деспотиссы Саломию, меньшую дочь ее, в супругу себе и обещался принимать Стефана за сына». Для покоя Сербии умная Милица согласилась исполнить желание султана. Это было в 1393 г. - Чрез год после того в 1395 г. Стефан с войском своим отправился в поход в помощь Баязету, воевавшему с Венгрией; а еще чрез год с войсками султана должен был воевать против Боснии, но на этот раз выпавший несвоевременно глубокий снег не допустил войска султановы до Боснии. - За то Сербию миновали разгромы, нанесенные Баязетом крестоносцам, Венгрии и Греции.

В одной грамоте своей Стефан писал: «промыслом Всевышнего Сербия избавилась от порабощении Измаильского, начавшегося с Косова поля: пришел царь Персидский и сокрушил Агарян; меня же Бог избавил из руки Персов». Грозный Тимур потребовал от Баязета смириться пред ним - грозой востока. «Не лучше ли будет, думал султан, если одержу победу над врагами? Тогда и восток и запад будут в моих руках». И послал жестокий отказ Тимуру, - а к Стефану послан гонец, чтобы Стефан спешил с войском к нему. Стефан хотел быть верным благодетелю. В страшном сражении Анкирском войска Тимура окружили Баязета. Стефан три раза врубался в ряды неприятеля, чтобы спасти Баязета. Когда отряды его уменьшились и не было уже никакой надежды на победу, Стефан пробился сквозь ряды неприятеля, спас жизнь сыну Баязета Сулейману, и прибыл в Константинополь. Царь-Град также трепетал Тимура; но тот обратился на Египет и, разгромив его, пошел в Азию. Стефан отправил посла к Тимуру с просьбою освободить сестру его, жену Баязета. «Что значит герой Македонский? Он обошел всю землю и ничего не удержал за собою, на стыд себе», так говорил Тимур послу Стефанову. И прибавил, что «придет к ним назад не морем с востока, а сухим путем с севера и пройдет весь запад». Так высоко о себе думал Тимур: и однако освободил Марию, которая до того времени, нагая до пояса, подносила питье Тимуру, тогда как Баязет под столом с собаками питался крошками. Стефан утвержден был в звании деспота и со стороны Византийского императора.

Сыновья Баязета скоро перессорились: Сулейман занял западные долины, а старший брат - восточные. Сулейман стерег Стефана на пути его из Константинополя в Сербию. Стефан отправился в Митилену и оттуда на корабле прибыл в Албанию. Юрий, женатый на тетке Стефана, на этот раз дал ему отряд свой, и Стефан благополучно прибыл с братом Вуком в свой стольный город Сребреницу. - Но после того Бранкович соединился с пашами Сулеймана, чтобы покорить Сербию - султану. Стефан отдал половину войска под команду брата Вука, а с другою вступил в бой с пашами и ловким маневром разбил на голову пашей; Вук не был счастлив; Юрий истребил почти весь отряд его. Это было в 1402 г. Старший сын Баязета вступил после того в союз со Стефаном, уже как независимым владельцем. Зато Вук, оскорбившись на брата, поспешил к Сулейману; Милица поспешила за ним вслед, чтобы уговорить; не догнав его в Сербии, неустрашимая явилась в ставку Сулеймана и успела примирить султана со Стефаном.

Вступив в супружество с дочерью имп. Кантакузена (в 1403 г.), Стефан имел в ней добрую, благочестивую супругу; только она оказалась бесплодною, и это печалило обоих. Состарившаяся Милица-Евфросиния приняла монашество с именем Евгении в обители Люботинии, построенной ею между Каранавацом и Крушевацом, и скоро (нояб. 11-го 1405 г.) скончалась. Счастлив был Стефан, имевший такую мать, какова была кн. Милица; умная, энергическая, благочестивая, она много облегчала тяжкую долю народа, над которым начал тяготеть меч Турок, восстанавливала народные храмы, напр. Дечанской обители, утешала бедность и вдовство бесприютное. Летопись говорить о Милице: «по смерти мужа своего, недалеко от Крушевца, в России, созидает монастырь, зовомый *Любостиня*, и тамо постриглася в иночество и совокупила многие сестры, наипаче великих госпожи, которые вдови изостали по мужах избитых с Лазарем на Косову. И тамо преставилася и погребена. А како она тамо Богу угодила, свидетельствуют чудеса повседневные над немощными, которые приходят к гробу ее, многократ и мир истекает от гроба ее». Она скончалась в великой схиме нояб. 11-го 1405 г. 21).

Стефан умным правлением своим приводил в порядок и оживлял отчизну. - Он писался в грамотах: «милостию Божиею господин всей земли Сербской и поморию и подунайским странам». Соседи уважали его. - Венгерский король Сигизмунд искал союза с ним. Пользуясь тишиною, Стефан стал украшать избранный им для пребывания своего Белград. Построив себе княжеский дом и храм св. Николаю, устроил при последнем обширную больницу. Затем стал строить обитель иноческую, себе Задушбину; это на горе при р. Рессаве, в Браничевском округе. Храм строился в честь Св. Троицы и он был украшаем лучшими художниками; приглашены были иноки, особенно из Афонской горы. На освящение храма приглашен был патр. Кирилл, с собором архипастырей Сербских, - почетные светские люди княжества также были здесь. В праздник Св. Троицы в 1408 г. освящен был храм с полным торжеством.

По житию, храм убран был мрамором и дорогою мусиею; летописец отзывается о живописи его: «банско злато и ресавско писание не обретається нигде же». - Приглашены были иноки для общежития особенно из Афонской горы.

Брат Вулк восстал против Стефана. Дав обещание Сулейману быть данником его, он с его войском пошел опустошать Сербию. Стефан разбил его. Вулк привел более грозные полчища магометанские. Стефан, не находя себя в состоянии бороться с столькими врагами, с горестью говорил в молитве Господу: «Ты видишь, несправедлив ли я», и уступил Вулку половину Сербии. Вулку не прошли даром неправды его. Вскоре между тремя сыновьями Баязета закипела упорная борьба. Старший сын Муса, не столько жестокий, сколько пьяный, после 5 лет правления прогнан был с ковра султанского; Сулейман остался полновластным. Но Муса нашел помощь у Валахов. Младший брат Махоммед также поднялся против Сулеймана. По совету Византийского императора Бранковичи и Лазаревичи, за исключением одного Стефана, перешли к Сулейману. Муса был разбит в Азии, но в Адрианополе попались ему в руки изменившие ему и они все, кроме Юрия Вуковича, преданы были смерти. Муса восторжествовал над Сулейманом; но сын убитого им брата Оркан поднялся с местью за отца. - Муса стал изливать жестокости над теми, в ком видел неверных ему. Наместник Болгарский Юсуф и Юрий Бранкович бежали под защиту Стефана. -

В 1413 году Муса поднялся на Сербию, с тем, чтобы все истребить в ней. Махмуд и Оркан спешили на помощь к Стефану, Венгерцы также. Произошла страшная сеча, подобная Косовской; Муса был разбит и пойманный казнен. Стефан утвержден был в звании деспота Махмудом.

Когда край успокоился, Стефан продолжал начатые прежде дела внутреннего благоустройства страны. У него заведен был такой порядок управления: высшее управление - совет бояр под его непосредственным начальством; здесь он советовался с лучшими людьми о благоустройстве отчизны. Составленные предположения предавались средней палате на новые обсуждения; решения ее исполнялись нижнею палатою. Князь не

допускал, чтобы служащие при нем допускали какое-нибудь оскорбление один другому или оскорбляли как-нибудь благочестие.

Искренно благочестивый, он посвящал свободное время на молитву и духовные подвиги. Он более, чем кто другой, занимался переводом Греческих сочинений, между прочим полемики Зигабеновой против богомилов, и сам писал сочинения.

Нищим раздавал он милостыню щедро и всего чаще тайно от других; иногда ночью, не зримый другими, обходил он приюты бедности и оставлял деньги то на окне, то в другом месте хижины. Раз ночью встретился с ним известный ему вор; он и тому подал монету, с словами: «прими, вор, и не воруй». Тот отвечал: «не я вор, а ты, потому что ты крадешь у себя Небесное Царство, обменивая на земное». Один нищий ночью четыре раза подходил к нему за подачкою. В последний раз деспот сказал ему: «возьми, вор, и перестань красть». Тот отвечал: «и ты - вор, но умнее меня, - за землю крадешь себе небо». Если слышал он о каком-нибудь отшельнике, живущем для Господа, спешил послать ему на молитву нужное для него. В грамоте Хиландарю писал он: «аз от юностного ми возраста и младых ногтей, Богу смотрением вьса на ползу мне творещу, в многих злोलютных и несътрпыых искушенных, паче же съмрьтех попушен бых... И от вьсех избави ме Господь... Ныня же скровища великаа благости Божие отверзошеся намь и смирихомся (умилены) и почихом и облаци темнии расступишеся и всяя нам солнце. И речем с Апостолом: се время благоприятно, се ныня день спасения». Для странников всегда был у него покой. Уволившихся от службы чиновников снабжал он содержанием, также как подавал помощь всем потерпевшим от пожара или другой беды.

Никаких развлечений мирских не любил он, - ни музыки, ни плясок. Не увлекался никакою женскою красотою, - жил чисто как инок, на удивление всем.

Он приобрел себе такую любовь и уважение, что даже папины священники молились вслух: «еще молимся о деспоте Стефане и Сербской стране». Рыцари запада считали себе за великую честь, если получали звание рыцаря от руки Стефана: «сам деспот Стефан произвел меня в рыцари», говорили они потом. Когда султана Махмуда просили многие дать свободу Бегу Михаилу, он отвечал: «не выпущу, пока не спрошу совета у брата моего деспота». Стефан, зная лукавство узника, дал такой ответ: «если хочешь питать змею в доме, отними у нее жало». И Махмуд не выпустил узника, до своей смерти. Оркан дал ему свободу и дорого поплатился за то. Когда умер Махмуд в Адрианополе, приближенные советовали Стефану воспользоваться случаем, чтобы завладеть Адрианополем. «Я клялся султану делать все доброе детям его», отвечал Стефан. По сущности дело было в том, что при разделении власти и ее средств между удельными владельцами Сербии деспот Стефан не был столько силен, чтобы счастливо окончить борьбу с наследником Махмуда за полную свободу Сербии. Удельные эти владельцы слишком ревниво отстаивали личные свои выгоды, как это видел Стефан и по опытам своей жизни; давние обычаи, к сожалению, стояли за одно с болезненною организациею Сербии. Стефану и еще раз пришлось испытать на себе, как трудно бороться с застарелою политическою болезнью. По смерти Зетского владетеля Юрия Бакшича (+ 1420 г.) деспот, опираясь и на родство и особенно на желание усилить крепость Сербии единою властью, два раза осаждал Скадру; но Зетяне удержались при явившемся у них удельном правителе Черневиче.

В последние годы свои Стефан страдал ногами. Чувствуя приближение смерти, пригласил он к себе зятя Юрия, патриарха, епископов и великих бояр. В присутствии всех благодарил верных слуг своих и объявил наследником своим Георгия. «Отныне его признавайте государем вашим вместо меня», сказал он. Впрочем на этот раз Стефан освободился от опасной болезни. Он еще два раза сражался с Амуратом и заключил с ним мир. В это время, жертвуя Милешевскому монастырю пять сел, писал он: «молитвами их (святых Сербских) многажды спасен был, в море же и на суше, в ратях и в различных нуждах и нахождении иноплеменных. Даже и окаянную душу мою от врат смертных возвратше». - Наконец мирно почил он 19-го июля 1427 г.

Сербия горько рыдала о смерти Стефана, чувствуя, что у нее уже не будет столько умного, столько храброго и столько доброго сберегателя покоя ее. Современник Стефана, понимая значение Стефана, с одушевлением писал: «и ныне показал Ты, Боже наш, силу Свою между Твоими людьми, не совсем оставив достояние Твое на расхищение языков. И ныне оставил Ты не преклонивших колена пред Ваалом, при немощи естества их. Они были крепкими в бранях, предпочитали страдать с людьми Божьими, но не пить временную сладость греха. Они страдали за стадо Христово... Естественно для плачущих искать себе облегчения в образцах умиленных. Так и я, найдя себе как бы корабль, плыву на нем по пучине морской... Многих властителей превзошел Стефан мудростью, но никто не превосходит его в милости и вере».

Преподобной МАКРИНЫ.

Сестра Василия Великого. Жизнь ее и другой сестры Василия Великого, преп. Феозевии, описана в житии матери их, св. Емилии, 8 мая.

Преподобного ДИЯ, игумена и чудотворца.

Из Антиохии Сирской, где в юности подвизался в благочестии, преп. Дий прибыл в Константинополь и тут сначала жил в пустынной келье, а потом на средства, данные императором Феодосием Младшим, основал монастырь; скончался в 430 году.

+ Преставление пр. АВРАМИЯ Чухломского (Галичского), Память 20 июля.

Пр. Авраамий с молодых лет возлюбил Господа и был пострижен в иночество преп. Сергием; в его обители он сперва выполнял послушания в хлебне и поварне, потом носил дрова и воду для братии; после долгого искуса, как укрепившийся в духовной жизни, он удостоен был сана священства, но испросил у преп. Сергия дозволение провести несколько времени в совершенном безмолвии. Потом, стремясь к высшему духовному совершенству, по благословению Сергия удалился он в дикую тогда страну Галичскую и здесь стал подвизаться.

В одно время молился он под горою и услышать голос: «Авраамий, взойди на гору, там икона Богоматери». Он взойшел на гору и увидел в ярком свете икону, стоящую на дереве. Он поставил здесь келью. Сухой хлеб утолял голод его и чистая вода источника прохлаждала жажду. Поселянин неожиданно нашел пустытника под горой и по просьбе его обещался тайно приносить ему по одному хлебцу в неделю. Потом о дивном пустыльнике и его чудной иконе услышал Галичский князь Димитрий Феодорович и едва упросил преподобного посетить Галич. Преподобный достиг Галича озером и встречен был духовенством и народом при входе в город, там, где ныне Староторжский Николаевский девичий монастырь; - набожный князь встретил св. икону в Спасском храме; здесь преподобный отпел молебен Богоматери с водоосвящением, и многие больные получили исцеление. Набожный князь доставил преподобному средства основать на месте явления св. иконы храм и обитель в честь успения Богоматери. И озеро, на берегу которого поселился отшельник Авраамий, называется Чухломским или Чудским, и та возвышенность, на которой провел он последние свои годы, называется по памятникам «Чудским городком». - Это уже показывает, с какими людьми пришлось иметь дело преп. Аврамию. - Чудь Галичской страны хотя уже знакома была с христианством, но

поверхностно и слабо; обычаи и нравы были грубы, язычество еще жило в сердцах и открывалось в делах; волхвы давней старины еще более значили для многих, чем чистая святая вера. Так говорит о Галичской Чуди и жетие пр. Аврамия. Итак была нужда явить славу христианства и особенным чудом и особенным подвижником. Преподобный боролся в Чудской стороне и с нуждами обители и с Чудскою грубостью. Он часто собирал к себе суеверов и убеждал их расстаться с суевериями, указывая на чудеса христианства; а еще чаще молился он за них пред иконою Богоматери. И бесплодны были труды его. Те, которые получали исцеление от иконы Богоматери, и сами искренно убеждались в превосходств св. веры и других убеждали в том же. Успенская обитель процвела и стала многолюдною; преподобный назначил ей в настоятеля ученика своего Порфирия, а сам удалился в пустыню.

За 30 верст от Успенской обители, на берегу небольшого озера, нашел он красивое место и стал здесь подвизаться отшельнически. Спустя несколько времени ученики узнали о месте, куда скрылся любимый учитель, и пришли умолять его, чтобы возвратился к ним в обитель. Преподобный согласился только на то, чтобы остались при нем некоторые из учеников. Для них построил он храм в честь положения пояса Богоматери; с помощью набожных людей вскоре устроилась здесь общежительная обитель. Она называлась великою пустынею Авраимевою.

Убегая многолюдства, Авраимий удалился на р. Вочу. - Ученики нашли его здесь и стали ставить около его хижины кельи. Любящий отец благословил им построить храм в честь собора Богоматери. Образовалась и здесь обитель, для которой Авраимий назначил в игумена ученика своего иеромонаха Пафнутия. Преподобный еще раз скрылся от учеников своих. В 13 верстах от Вочской обители он нашел себе такое место, где пребывание его более, чем где-нибудь, могло иметь последствия благодетельные. Он поселился под горою, на которой был «Чудский городок»; это было гнездо старого Чудского суеверия; здесь нужно было много света и силы небесной, чтобы рассеять остававшийся мрак язычества. Когда собрались сюда ревнители духовной жизни, Авраимий с любовью основал на Чудском городке храм в честь покрова Богоматери; сам на старческих плечах своих носил землю для укрепления крутого берега и ревностно трудился вместе с учениками при устройении обители. Скоро в новой Покровской обители оказалось до 100 человек братии. Чудное действие водит на сердца община подвижников благочестия. «Бедный, посетив обитель иноков, говорит святой Златоуст, идет из монастыря с утешением для бедности; посещает иноков богатый и возвращается от них лучшим, с здоровыми понятиями о вещах; когда приходит к ним облеченный саном, пропадает здесь вся надменность; здесь и волков обращают в агнцев; если загорелось в ком желание вести подобную прекрасную жизнь, - «пока горячо в тебе это желание, спеши к ангелам и разгоришься еще более». Таково было значение Авраимия в Чудской стороне! Он сам жил уединенно под горою; но сюда приходили к нему ученики для исповедания помыслов своих; сюда же приходили и окрестные жители и получали полезные наставления. Чухломская страна чтит его как своего просветителя. За год до кончины передал он управление обителью ученику своему Иннокентию и остальное время проводил в совершенном безмолвии. Причастившись св. Тайн, он мирно почил 20 июля 1375 года. Мощи его почивают под спудом, в приделе храма, посвященном его имени.

+ Память о пр. ОНУФРИИ Печерском, Память 21 июля.

Житие преподобного Онуфрия Печерского не описано в Патерике. У Кальнофойского назван он старцем и чудотворцем, - в каноне лавры - любителем молчания. Мощи его почивают открыто в Антониевой пещере.

+ Преставление пр. КОРНИЛИЯ Переяславского, Память 22 июля.

Пр. Корнилий, в миру Конон, сын Рязанского купца, в юных летах скрылся из дома родительского и в Лукьяновой пустыне, в 25 вер. от Переяславля, прожил 5 лет у старца Павла. Потом пришел в Переяславскую обитель св. Бориса и Глеба, что на песках; здесь было тогда только три монаха и строитель Сергей; монастырь был самый бедный. Конона долго не соглашался принять Сергей, потому что он был еще молод, - по виду полагали ему «не более 15 лет» - к тому же он ничего не говорил о себе; но терпение Конона довело его до цели. Он не отходил от ворот обители, и его приняли в обитель, признав его глухим и немым. Конон усердно ходил в храм и усердно трудился по послушанию, - молол рожь, носил дрова в трапезу хлебную, таскал воду, - делал все, что приказывали; а в трапезе не садился с старцами, но после всех довольствовался тем, что оставалось; к тому же принимал пищу только три раза в неделю. Так прожил он 5 лет и по просьбе его пострижен был в иночество. С того времени никто не видал его спавшим на постели, а послушания по-прежнему выполнял он с полным усердием. Число братии уже увеличилось в обители, и некоторые смеялись над Корнилием, как над юродивым; он терпел и молчал. Спустя три года просил он у строителя дозволения жить в затворе. Строитель, видя подвижническую жизнь его, выстроил ему кельицу и благословил жить в ней. Корнилий затворился и безвыходно подвизался в посте и молитвах. Но раз нашли его у кельи едва живым, - келья была заперта изнутри и отворено было только оконце. Корнилий пролежал больным три месяца и ничего не ел, а принимал только воду и сок. Выздоровев, остался он, по убеждению настоятеля, жить с братиею, усердно ходил в храм, исправлял должность пономаря, служил в трапезе, - копал землю, сажал овощи и плодовые деревья. В саду его росли превосходные яблоки, и он с любовью раздавал их безденежно. Строгий пост и подвиги так иссушили его, что он походил на сухое дерево; и однако не переставал трудиться. - Своими руками выкопал для братии колодезь, и вода колодезя его была весьма вкусная и чистая. Он не прерывал молчания своего и теперь, когда жил с братьями. Так прожил он 30 лет, оставаясь во мнении других глухим и немым. Пред кончиною, о которой дал он знать знаками, пошел он к общему духовному отцу, игумену Никольской обители Варлааму, исповедался, причастился св. Тайн и по просьбе его облечен был в схиму; только теперь, по просьбе духовника, рассказал о себе, кто он, откуда, как шла жизнь его? Возвратясь в обитель, осекрестился св. маслом и в тот же день скончался. Это было 22 июля 1693 г. Он был похоронен в часовне, вблизи первоначального схимника Адриана убиенного. Спустя 9 лет, при построении нового храма, обретенны были нетленные мощи его. При освящении храма в честь Смоленской иконы Богоматери в 1705 г. святитель Димитрий Ростовский, в ведении которого стоял тогда Переяславль, свидетельствовал мощи, и они положены были в новом храме, под спудом. Святитель написал тропарь и кондак преподобному; тогда же написана была икона преподобного. - В ркп. житии записано всего 17 чудес, совершившихся при мощах преподобного до июля 1717 г.; имя его внесено и в ркп. святцы. - Икона его с надписью: «образ пр. Корнилия, Переяславского чудотворца».

Кондак преподобному, сочинение св. Димитрия: «вышняя получить желая, в вышних живущему келеностно поработал еси, блаженне; да наследии горняя, презрел еси дольняя, не токмо очи отвратив не видети суеты, но и устам своим молчание наложив не глоголати суетная: обаче немолчным сердцем воспел еси Богу. - Не умолчи убо и ныне о нас моляся, Корнилие преподобне».

**+ Св. ОЛИМПИАДЫ диакониссы, КАНДИДЫ и
ГЕЛАСИИ,
Память 23 июля.**

Дивная Олимпиада происходила из аристократической Константинопольской фамилии и была очень богата. Отец ее был сенатор Анисий Секунд, а мать - дочь благочестивого Евлавия, префекта претории при благоверном Константине. Она еще в детском возрасте лишилась родителей. Потому опека над ее имениями поручена была дяде ее Прокопию, а воспитанием ее занималась Феодосия, тетка св. Амфилохия и св. Григория Назианзского, умная и добродетельная, которой поручена она была еще отцом.

Так как она была богата и учена, то руки ее искали многие и еще юною обручена она была с Небридием, префектом столицы. Прекрасные стихи присланы были (в 384 г.) дивным святителем Григорием в подарок Олимпиаде, вступающей в брак. Но спустя 20 месяцев после обручения Небридий умер; Олимпиада осталась вдовою и вместе девою. Многие после того искали руки Олимпиады. Сам император Феодосий Великий предлагал ей выйти за Елпидия, молодого аристократа Испанца, родственника царского. Но она отклонила предложение. «Если бы Господь хотел, чтобы была я супругою, то не взял бы у меня Небридия», отвечала она. Феодосий повторил свое предложение, но также услышал отказ. Император оскорбился и, отправляясь на войну с Максимом (388 г.), приказал префекту столицы взять в опеку имение ее до 30-летнего возраста ее. Префект, услуживая Елпидию, поступал оскорбительно с Олимпиадою: ей запретили посещать епископов, не пускали ее и в храм Божий, лишь бы вынудить ее к браку. Олимпиада переносила все благодушно. Она желала даже более стеснить себя. Она писала к императору: «Государь! ты оказал мне милость, которая достойна не только государя, но и епископа; опекою над имениями освобождена я от многих забот. Для большего счастья моего, благоволи повелеть, чтобы роздано было все церквям и нищим. Издавна боюсь я наклонностей суетности, которые при раздаче имений так легко возникают. Временные блага, пожалуй, могли бы отдалить сердце мое от истинных благ, духовных и вечных». Феодосий жил тогда на западе и, когда после трехгодичного отсутствия возвратился в столицу, возвратил (в 391 г.) в полное распоряжение ее все имения. «Такая добродетельная и умная девушка лучше нас умеет, как употреблять блага времени», сказал государь.

Получив свободу по имениям, блаженная Олимпиада расточала средства свои на дела милосердия щедрою рукою. Не было города, ни деревни, ни пустыни, где бы не пользовались милостями знаменитой Олимпиады. Она доставляла приношения церквям, монастырям, кафедрам, странноприимным домам, темницам, местам ссылки. Не сосчитать тех невольников, которым она даровала свободу платою денег господам их.

Св. Златоуст сравнивал милосердие ее с обильною рекою, которая несет воды свои до самых границ земли и обогащает море. И он же убеждал ее, а она смиренно слушалась, ограничивать щедрость свою, измерять ее не просьбами, а нуждами. При богатстве своем Олимпиада вела жизнь смиренной рабы Божией. Воспитанная в пышности и неге, она отказалась от всех удовольствий света и вела жизнь простую. Никогда не вкушала она мяса; не принимала ванн, которые так нужны в жарком климате. Ночные бдения обратились ей в привычку и время ее посвящалось преимущественно молитве. Обхождение ее с другими дышало христианскою скромностью и искренностью. «Наружность ее открытая, нрав искренний, одежда даже одетым в лохмотья показалась бы ничего не стояущею; кротость ее была такова, что превосходила простоту детей, говорить очевидец. Св. Златоуст, утешая ее в скорбях, писал ей из заточения: «ты от природы получила самое нежное и слабое тело; знатная порода доставила тебе все способы роскошно питать его; но ты разными страданиями так истощила его, что оно теперь ничем не лучше мертвого. Ты добровольно произвела в теле твоём такой род болезней, что их не могут вылечить ни искусство врачей, ни сила лекарств... Тебя не одолевает страсть к

плотским удовольствиям и потому нет для тебя труда воздерживаться от них. Ты приучила свое тело столько принимать хлеба и питья, чтобы только не умереть. Скажу несколько слов вот об этой простоте и неизысканности, которую наблюдаешь касательно платья. Кажется, эта добродетель ниже других; но если внимательно рассмотреть ее, найдешь, что она весьма величественна, что она требует для себя души умной, стоящей выше всего житейского, парящей к небу. По сей причине не только в новом, но и в старом завете Бог запрещал страсть к нарядам и говорил: *понеже вознесошася дочери Сиона и ходиша высокою выею и помизанием очей и ступанием ног, купно ризы влекущая по долу и ногами купно играющая: и смирит Господь начальные дочери Сиона... И будет вместо вони смрад, а вместо пояса ужем препояшися* (Исайя III, 16 - 23)... Павел, обращая речь к светским женщинам, не только отклоняет их от нарядов золотых, но не позволяет одеваться и в ценные одежды (1 Тимоф. II, 3). Ибо знал он, знал хорошо, что щегольство - тяжкая болезнь души; болезнь, с которою трудно бороться, - самый верный признак испорченного сердца».

Еще св. Нектарий патриарх Константинопольский, посвятил св. Олимпиаду в диакониссы. В чем состояли занятия Олимпиады, как диакониссы?

Первая забота - смотрение за страждущими и несчастными женами. «С рассветом дня можно видеть: многие старушки и вдовы толпятся около темницы; даже знаменитые из них прислуживают заключенной и всю ночь проводят при ней; приносятся вкусные угощения и читаются священные книги им», так писал язычник о христианских диакониссах.

Диакониссы обучали женский пол Закону Божию, особенно во время приготовления к крещению. Карфагенский 4 собор постановил: «вдовицы или посвященные, - избираемые в служение при крещении жен, должны быть столько приготовлены к должности, чтобы могли обучать простых сельских женщин ясными и церковными правилами, как отвечать крещаемой при крещении и как жить после крещения».

Диакониссы служили женщинам при совершении над ними таинств, при крещении, при причащении, при исповеди, при браке; они наблюдали за благочинием жен в доме молитвы, украшали храмы и смотрели за их чистотою.

Служение таинствам и сестрам было приятным занятием для Олимпиады. Очевидец жизни ее писал: «она питала священство, уважала клир, помогала вдовым, кормила сирот, посещала больных, плакала с грешниками, возвращала заблудших на путь добра, - многих жен, бывших за язычниками, наставляла в вере и давала им средства к пропитанию».

Добродетели Олимпиады были предметом удивления и утешения для целой Церкви. Знаменитые святители того времени говорили о ней с глубоким уважением. Святой Амфилохий, св. Епифаний, св. Петр Севастийский, св. Опат епископ пользовались щедрою ее благотворительностью» и славил за нее Господа. Она своими руками закрыла глаза умиравшим патр. Нектарию и епископу Опату. Она благодарила и тем архипастырям, которые не отличались высокою нравственным, каковы Акакий, Антиох, Севериан; она чтит высокий сан их.

Буря бед поднялась на св. Олимпиаду с того времени, как начались гонения на Златоуста. Первый враг Златоуста, Феофил Александрийский, был первым врагом и блаж. Олимпиады. Она с любовью принимала его в доме своем, когда был он в столице, угощала и дарила его. Когда же приняла она, как принимала всех иноков и страждущих, великих братьев, выгнанных из Египта гордостью Феофила, - Феофил начал позорить ее гнусными клеветами. Злость императрицы, преследовавшая Златоуста, бесновалась и против Олимпиады, уважавшей Златоуста и уважаемой в свете и Церкви. Особенно, когда пожар опустошил Софийский храм и сенат, злоба врагов Златоуста обрушилась над защищавшими Златоуста. Говорили, что пожар - их дело. Префект Опат язычник взял Олимпиаду к допросу. «Для чего поднят этот пожар?» спрашивал он ее. «Моя жизнь,

какую доселе вела я, отвечала Олимпиада, освобождает меня от подозрения, высказываемого тобою. Кто столько денег роздал на построение храмов, конечно, не в состоянии жечь их». Префект присудил с невинной - на покрытие ущербов казны внести соразмерную (огромную) сумму денег. Отягченная скорбями, Олимпиада впала в болезнь, которая томила ее всю зиму. В начале весны приказано ей было оставить столицу. Долгое время скиталась она из одного места в другое, не зная, где приклонить голову. В середине осени 405 г. приказано ей было возвратиться в столицу. Ее и теперь обвиняли за то, что будто производит раздор в Церкви. Не могла она не считать невинно изгнанным Златоуста, и страдания великого святителя причиняли душе ее глубокое страдание. Но тем более чтילה она заповедь его и не отделялась от Церкви по его завещанию. «Со всяким благочестием покорялась она своим епископам», говорит современник - и прибавляет: «никто из близких к ней никогда не замечал, чтобы эта христонская порицала кого-нибудь». Много раз призывали ее к суду; бесстыдные слуги позорили ее; рвали на ней платье. Одни имения ее продавались с публичного торга, другие разоряемы были чернью, за третьи таскали ее по судам. Собственные слуги ее, которым благотворила она как мать, восставали против нее, по наущению врагов. Сильно страдала душа ее; св. Златоуст писал к ней: «перестань плакать, перестань мучить себя печалью; не смотри на эти несчастья, которые идут к тебе непрестанно, идут одно за другим без промежутка; помышляй о свободе, которая так близка; помышляй о неизреченных наградах, которые принесут тебе твои несчастья... Что значит быть выброшенным из отечества, быть переводимым с места на место, быть пленником, быть везде гонимым, жить в ссылке, влачиться по судам. - получать оскорбления от людей, получавших тысячи благодеяний, подвергаться мучениям и от рабов и от свободных, - что все это значит, когда за все это награда - целое небо».

«Многих других жен научила она», пишет Гераклид о св. Олимпиаде, и св. Златоуст писал к самой Олимпиаде: «особенно приятно мне, что ты, освободившись от тяжб и поручений, положила им конец достойный тебя. Ты не отвергла их малодушно, не задержала понапрасну, не унизила себя в судах и неприятностях, соединенных с тяжбою». Как слова Гераклида, так слова Златоуста дают видеть, что в последние годы свои блаженная Олимпиада была настоятельницею сестер-монахинь. Прерыванием связей с Миром блаженная хотела оградить себя от дрызг суда, как и от обвинений, сыпавшихся на нее без разбора, будто она, первая диаконисса, - причина того, что многие не хотят знать нового патриарха. Мир не любит винить себя в чем-либо; он всегда прав в его глазах, а виноваты только другие; слепой от страстей, он не видит ни себя, ни других. Потому злость Мира преследовала Олимпиаду и в ее уединении. При Аттике община сестер Олимпиады выслана была из столицы в заточение в Кизик. Св. Златоуст писал тогда к Олимпиаде: «как славна добродетель, презирающая все перевороты настоящей жизни! Чрез старающихся унижить ее она делает подвижников своих сильнее, выше, непобедимее... Вот чем, Боголюбезнейшая госпожа моя, должна ты веселить себя и тех, которые вместе с тобою борются в нынешней славной борьбе! Вот чем одобряй мысли и дух всех (девственниц), настраивая свою дружину».

Святая девственница Олимпиада осталась в заточении до самой своей кончины, которая последовала в 410 году. «Лучшие жители Константинополя, писал Палладий в 420 году, считают ее в числе исповедниц и уверены, что она, страдавшая за истину и для Бога, наследовала блаженную жизнь».

Святое тело ее, положенное в храм безвестного местечка, совершало чудеса. Спустя 200 лет дикари сожгли храм, но тело святой осталось невредимым. Когда переносили его в Константинополь, из него текла кровь, как из живого, в знак невинного страдания, перенесенного в земной жизни. Мощи положены были в обители, основанной святою.

«По следам Олимпиады, говорит Палладий, Богоугодно проводила жизнь блаженная *Кандида*, дочь полководца Траяна. Она достигла высокой чистоты, разумно

украшала церкви, по благоговению к тайнам Христовым чтит епископов и уважала весь клир. Обучив дочь своим правилам девственной жизни, отдала ее Христу, как дар сердца своего. Потом и сама она, раздав имение свое, последовала за дочерью и проводила жизнь в чистоте и целомудрии. Для изнурения плоти трудилась она по целым ночам, молола своими руками муку и пекла просфоры. Так как один пост недостаточен, говорила она, то я присоединяю к нему изнурительное бдение, чтобы сокрушить похотливость Исава. Она вовсе не употребляла в пищу мяса животных, но ела только рыбу, масло и овощи, да и это лишь по праздникам; во всякое другое время довольствовалась водою, смешанною с уксусом, и сухим хлебом. Проведши такую суровую жизнь, эта достопочтенная жена почилла блаженным сном и теперь наслаждается вечными благами, уготованными для возлюбивших жизнь добродетельную».

Подобно сей благочестивой жене, с ревностью проходила путь правды и благочестиво несла иго девства славная *Геласия*, дочь трибуна. В этой чудной девице особенная была добродетель та, что солнце никогда не заходило в гнев ее на раба, или на служанку, или на кого другого (Ефесян. IV, 26). Геласия боялась помнить об обиде или неприятности, нанесенных другим. *Прощайте и прощены будете* (Лук. VI, 37), такова воля Божия, говорила она себе. Не любя ближнего, нельзя любить Господа; а в том нет любви, кто сердится на другого, кто не прощает его за все. Гнев - дело испорченной души (Иоан. V, 20). Гнев - беснование (Притч. XXVII, 4). Гнев покоится в сердце глупца (Еккл. VII, 10). К несчастью, ничей гнев так не безобразен, как гнев жены (Сир. XXVII, 33). Дальше, дальше от него, то ли дело - детское незлобие: оно так приятно Господу. Он сказал нам: *если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное. Кто умалится как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном* (Матф. XVIII, 3 - 4). Таким путем, путем детского незлобия, блаженная вошла в жизнь блаженную.

+ Память святого КЛИМЕНТА, епископа Величского, и сотрудников его: АНГЕЛЯРА, ГОРАЗДА, НАУМА и САВВЫ,

Память 27 июля.

Просветители Славян св. Кирилл и Мефодий воспитали для Церкви Божией ревностных, самоотверженных деятелей и искренних рабов Божиих. - Таким был св. Климент, впоследствии архиепископ Величский. Таковы были сотрудники его Горазд, Наум, Ангелярий и Савва.

Св. Мефодий, архиепископ всей Моравии, предсказав свою близкую кончину (+ 885 апреля 6), назначил преемником своим опытейшего из сотрудников своих св. *Горазда*, родом Моравлянина, знавшего в совершенстве языки Славянский, Греческий и Латинский. Немецкое духовенство, корыстолюбивое и испорченное романизмом, увидев, с какою ревностью принялся новый архиепископ управлять доверенною ему паствою, поняло, что в нем может воскреснуть второй Мефодий, бывший столько горьким для него. - Потому оно поспешило употребить все меры, чтобы посадить на его место Викинга. Кто был этот Викинг? Он посвящен Мефодием в помощника ему, но был самым коварным и самым злым врагом его. Викинг, при дурном сердце, был пропитан ересью (об исхождении Святого Духа и от Сына) и старался упоить ею Святополка и других, за что святой Мефодий предавал его анафеме. Впоследствии сами Немцы прогнали Викинга, как отвязавшего дурного человека. Но теперь он был нужен им, и они все делали по его желанию, как согласному с их намерениями. Народ чтит св. Мефодия и дорожил учениками его, но Немцы действовали чрез Святополка. Они донесли князю, что ученики Мефодия распространяют в народе учение ложное, несогласное с учением папы, мало того, они замышляют против власти князя. Святополк, выслушав обвиненных и

обвинителей, нашел первых правыми и последних обвинил. Но Святополк занят был войною с Арнульфом и предоставил духовенству романизма свободу действовать по своей воле. Немцы приступили к насилиям. «Кто может высказать, говорит современник, сколько зла они (Немцы) сделали этим насилием, принуждая православных принять дурной догмат (πουνήρτω δογματι); некоторые сделались отступниками от православия». Но были и такие, которые решились отстоять свое верование. Хитрый Викинг был на стороне врага Святополка - Арнульфа, как показали последствия; но он умел обойти Святополка, так что тот предоставил ему действовать его именем. Викинг велел схватить Горазда, Климента, Наума, Ангелярия и множество других приверженцев православия и заключить в темницу. Спустя 80 дней, видя твердость исповедников Евангельской истины, вывели их из заключения и после сильных истязаний отдали солдатам с тем, чтобы выпроводили их за Дунай и при том не одною дорогою.

«Следуя примеру Спасителя, продолжает современник, повелевшего Апостолам, если изгонят их из одного града, отправиться в другой, исповедники отправились в Болгарию, где надеялись найти утешение себе. *Климент, Наум и Ангелар* пошли в Белгород, а *Савва и Горазд* другим путем дошли до владений кн. Бориса».

О пребывании св. Горазда в юго-западной Болгарии свидетельствуют два древних памятника, один - список Болгарских архиепископов, составленный около 1156 г., где он в ряду Болгарских архиепископов поставлен между Мефодием и Климентом, другой - храм и монастырь св. Горазда, находящиеся близ Берата в Албании, где почивают и мощи святого под спудом. Петр Сицилиец, писавший сочинение свое о манихеях при патр. Фотии (до 889 г.) и посвятивший его Болгарскому архиепископу, посвящал его конечно столько просвещенному святителю, каков был Горазд, скончавшийся, как вероятно, не прежде 896 г. Так как св. *Савва* вместе с Гораздом отправился в Болгарию, то конечно он вместе с ним подвизался в юго-западной Болгарии.

Святой Климент с Ангеляром и Наумом при первом вступлении в Болгарию встретились с трудным искушением. «На берегу Дуная в селении, утомленные путем и недостатком пищи, искали они страннолюбивого и Богобоязненного человека, кто бы мог упокоить их. Они нашли такого и были приняты. У него был сынок, цветущий красотой юности. Едва вошли странники в дом, умер этот сын, прекрасный собою, единственная радость, надежда рода. Можете представить, как страдал отец, чего не говорил он в такой скорби, потерпев несчастье при входе странников? «Хороша награда за страннолюбие, говорил он! для того отворил я вам дом, чтобы навсегда затворился он, оставшись без наследника!... Но вы не избегнете наказания, хотя бы знали все чары. Вы в руках отца, который оплакивает от вас сына, - вы расплатитесь за все дела свои - тюрьмою и казнию». Они страдали не менее отца. - Нежные и сострадательные души дерзнули делать более того. Они решились обратиться к молитве. Смягчая раздражение скорбного и гневного отца, они говорили: «мы не волшебники, человек Божий; мы предаем проклятию занимающихся чарами и служим Богу истинному; - если же ты думаешь, что мы виновны в смерти сына твоего, будь покоен, надеемся, что Господь дарует ему жизнь для нас». Они помолились над отроком и - о чудо! - представили скорбному отцу живого сына. Обрадованный отец просил прощения у рабов Божиих в его дерзостях и предлагал им все, что есть у него, в благодарность за спасение сына. Довольные добрыми расположениями его, они приняли необходимое для их пути и в Белграде явились к коменданту Боритокану. «Он расспросил их, кто они, и увидав, что они рабы Божии, дал знать о них князю Борису, у которого он был воеводою: он знал, что Борис любит таких людей. Дав им успокоиться от дальнего пути, он послал потом князю этот дорогой подарок, объяснив ему, что это именно такие люди, которых он так усердно ищет. - Когда пришли они к Борису, то приняты были с честью, приличною людям достойным почета и уважения. Князь расспрашивал их о их жизни. Они рассказали ему о себе с начала до конца. Князь, выслушав все, сердечно благодарил Бога, пославшего таких служителей, столько нужных для Болгарии, подавшего учителей и насадителей веры, не каких-либо обыкновенных, а

исповедников и мучеников. - Давши им одежды, приличные священным лицам, для помещения их назначил покои лучшие и велел доставлять все нужное содержание. Сам он пожелал беседовать с ними каждый день, слушал древние истории и сказания о житии святых и устами их перечитывал то, что находится в писаниях». - Те, которые при дворе его отличались знатностью и богатством, приходили к святым, как ученики к учителям, и спрашивали о нужном для спасения души и, принимая из этих источников, передавали домашним духовную воду. Каждый просил их побывать у него в доме, считая посещение учителей за освящение, веру, что где бывают телом эти три учителя, там - Сам Господь. - Святые уклонялись многолюдства. Не иначе посещали они дома, как по указанию и дозволению князя. Так один из Болгаров, сановник, по имени *Ехач*, просил князя дозволить принять в своем доме *Наума* и блаж. *Климента* и, когда дозволил князь, принял учителей с искреннею радостью и со всем почетом. - И у *Чеслава* освящается жилище водворением *Ангелярия*; князь ему оказал милость дозволением принять учителя, но недолго пришлось Чеславу наслаждаться присутствием блаженного: Ангелярий, пожив у него некоторое время, безмятежно предал дух свой в руки ангелов». Климент и Наум жили у Ехача в полном почете; но они доставляли ему более дорогие дары, сея духовное, а пожиная вещественное.

«Кн. Борис, повествует древний биограф, так как не переставал всячески заботиться о том, как бы священным мужам доставить всякий случай к исполнению дела Божия, по вразумлению Божию, отделяет от Котокия Кутмичивицу и поставляет над нею начальником Довету; Довет же дает блаж. Климента или лучше Довету поручает Клименту. Климент посылается учителем Кутмичивицы и по всей стороне жителям отдавались приказания, чтобы этого святого принимать с усердием и доставлять ему все в изобилии... Сам Борис предоставил блаж. Клименту три дворца в Деболе и кроме того около Ахриды и Главеницы подарил ему места для отдохновения». - Климент не обманывал собою надежд князя. Обезжая страну, он «и язычникам громко проповедывал спасение Божие» и всем излагал понятия о спасительных догматах и заповедях. В каждом округе были у него избранные ученики, а число их простиралось до 3050; «с ними беседуя, раскрывал он более глубокие места св. Писания. Нас недостойных, говорит жизнеописатель, особенно приблизил он к себе. И мы никогда не видали его праздным: он или учил детей, одним показывая отличие букв, другим объясняя смысл писанного, иных водя руку для писания, или же предавался молитве, внимал чтению, писал книги». Еще при Борисе, когда не был он епископом, построил он монастырь св. Пантелеймона в Ахриде. Увидав, что кн. Борис опоясал Болгарию семью кафедральными храмами, и он положил построить свой собственный монастырь в Ахриде. Так в Ахриде было три церкви, одна кафедральная и две построенные св. Климентом, которые были меньше, но по округлости казались приятнее». Так он и красотою священных зданий привлекал Болгар к благочестию.

«Шел восьмой год учительства Климентова» и это был последний год правления Борисова. «Начальство принимает сын его Владимир; четвертый год прожив с властью, стал тот простым человеком; наследником всего стал брать его Симеон. Так как молва весьма славил Климента, то кн. Симеон пригласил его к себе. Личное свидание и беседы вполне убедили князя в высоких достоинствах Климента. Тогда Климент поставляется в епископы Дрембицы или Велицы», в землю Дреговичей и Сакулатов, еще с VII века начавших мало по малу принимать христианство, по внушениям небесного вождя в.м. Димитрия Солунского. К несчастью их, у них доселе не было епископа Болгарина. Климент «первый из Болгар является епископом». Это было в 896 г.

Блаженный во время учительства своего приготовил много людей, которые в состоянии были давать отчет о своей вере. Теперь в сан епископа с утешением «поставил он из них чтецов, иподиаконов, диаконов и пресвитеров. - Но еще много надлежало ему трудиться для просвещения своей паствы, и он трудился неутомимо. Народ и большинство клира незнакомы были с Богослужением церковным и особенно с его

значением высоким. Святитель «не давал сна очам», поучая всех и вводя стройный порядок в служение; «научал клир церковному благоустройству и всему, что касается до псалмопения и молитв, так что наконец клирики его паствы были ничем не ниже других славившихся в этом роде... На Болгарском языке не было праздничных поучений»; священники, не зная Греческого языка, не знали сами и не объясняли народу значения праздников. Климент «сочинил слова, простые и понятные, на все праздники и стал для Болгар вторым Павлом. Из слов его стали научиться тайнам празднеств, совершаемых в славу Христа и Богоматери. Не оставлен им без похвал Креститель, и узнаешь о чудных обретениях главы его; встретишься с жизнью пророков, Апостолов, мучеников. Желает ли узнать, как жили преподобные? Много найдешь написанного о том на Болгарском языке премудрым Климентом».

Не раннее сказание говорит: «изобрел он также другие знаки письмен, отличные от тех, которые изобрел мудрый Кирилл. И посредством их похвальные слова и священные песнопения предал на письме». Всего вероятнее, что неранний сказатель видел сочинения Климента, написанные глаголическими буквами. В том не сомневаются ныне, что у Славян были свои письмена до изобретения азбуки Кирилловой, только те письмена во многом были неудобные. После того надобно положить, что блаж. Климент при пособии изобретения Кириллова усовершенствовал древние резы, и таким образом составила глаголица.

В Главенице, говорит еще сказатель Болгарский, сохранились «столбы, на которых начертано письмо о приобщении всего народа ко Христу».

По древнему житию, тогда как Болгарская страна, покрытая дикими лесами, не имела плодовых деревьев, Климент выписал из Греции плодовые деревья и прививками облагородил дикие.

По известию современника, Бог прославил блаж. Климента благодатию чудес. Раз возвращался он из Главеницы в Охриду, и ему встретились двое расслабленных и слепец. - Сострадая о их несчастии, возвел он очи к небу, прикоснулся к несчастным, и расслабленные вскочили как елени и слепцу засиял свет.

Преклоненный старостью и истомленный трудами, хотел он отказаться от управления епархией. «Подари мне, говорил он князю, немногие дни, чтобы побеседовал я с собою и Богом в монастыре моем». Князь опечалился такою просьбою и отвечал: «что ты говоришь, отец наш? Могу ли допустить, чтобы при жизни твоей другой сидел на твоей кафедре? Если опечалил я тебя чем-нибудь, прости грех неведения». - Старец уступил воле князя. Но когда возвратился в монастырь, впал в болезнь и, предвидя близкую смерть, оставил Болгарии прощальный подарок. - Недостававшую триодь, ту, которая поется с новой недели до Пятидесятницы, теперь он докончил. Сделал завещание о написанных им книгах и другом имуществе, одну часть оставив кафедре, другую монастырю. Переселился к Господу июля 27 дня 6924 (916) и священное тело его положено было в монастыре, к могиле им самим приготовленной, на правой стороне притвора.

Мощи св. Климента покоятся ныне в Охриде, и иконы с его ликом встречаются часто в храмах Болгарских.

Св. *Наум* - по житию его, впрочем не древнему, младший из учеников св. Кирилла и Мефодия сопровождал Климента в Деволу (страну прилежащую к Орхидскому озеру), был помощником его в Евангельской проповеди в стране дикой и «содействовал ему во всем до самой смерти его. Остальное же время (след. после 916 г.) провел в Деволе и здесь путеводил людей своим мудрым учением, освобождая их от давних отеческих заблуждений и направляя на путь православия. Прожив в святости и благочестии, прошедши чрез многие труды и подвиги, вознесся к Судии всех подвигов, а св. мощи свои - оставил источником исцелений». Константин, пресвитер Болгарский, говорит, что он по убеждению о. Наума занимался составлением бесед на воскресные дни в 896 г. Поньше еще существует на юго-восточной оконечности Орхидского озера монастырь св. Наума, очень обширный и с постройками прочными. - По местному преданию монастырь

построен кн. Борисом-Михаилом и служил приютом пр. Науму. Среди монастыря стоит небольшой, но уже ветхий и осевший, каменный храм св. Наума. На южной стен храма в 1711 г. написан св. Наум в монашеском одеянии; у северной стены придел с древнею иконою пр. Наума и здесь же под спудом мощи его. Больные, особенно душою, не только христиане, но и магометане приходят сюда и ложатся на гроб святого: пр. Наум для всех известен как чудотворец. При храме есть каморка с крепким замком для заключаемых здесь беснующихся. В Орхидском митрополичьем храме древние иконы с изображением св. Климента в архиерейском облачении и св. Наума в монашеской одежде; в Битольском храме два придела в их же имя.

+ Преставление св. ИОАСАФА, митрополита Московского.

Блаж. Иоасаф, из дворян Скрыпицыных, принял иночество в обители преп. Сергия и с 1529 г. был игуменом ее. В. кн. Василий любил и уважал его. Игумен Иоасаф принимал (1530 г.) от купели наследника престола Иоанна. Потом, согласно с давним желанием в. кн. Василия, облек его больного, пред смертью, в иночество. Февр. 6-го 1539 г. Иоасаф избран в митрополита Московского, на место отказавшегося от кафедры Даниила. В своем исповедании веры назначенный в митрополита писал: «во всем следую древним святейшим патриархам, соблюдающим истинную непорочную веру христианскую, уставленную св. Апостолами и преданную Богоносными отцами, а не ту, которую принес Исидор с несвященного Латинского собора, просиявшего злочестием. К тому же обещаюсь не делать ничего из одного угождения в. князю или многим князьям, хотя бы грозили мне смертью, принуждая сделать что-либо вопреки Божественным и священным правилам». Блаженный Иоасаф выполнил обещание свое с полною твердостью. Бояре в малолетство Иоанна делали, что хотели, и Шуйские злодействовали. Надобно было положить предел кровавым произволам Шуйских, а более способным к тому был кн. Бельский. Святитель (в мар. 1540 г.) выпросил у в. князя приказание освободить кн. Бельского из заключения, и умный, добрый боярин введен был в верховный совет бояр.

Легко было предвидеть, что Шуйские жестоко отплатят за то доброму пастырю; но он предоставил себя воле Божией. Надежды на Бельского стали оправдываться: грабежи и насилия остановлены. Митрополит делал все, что мог, для блага России. Он удержал в. Князя в Москве и одушевил всех мужеством, когда приближался к Москве Сагигбирей. По его ходатайству, возвращены милости и отчины князю Владимиру Андреевичу, брату вел. князя, и дана свобода страдальцу князю Димитрию Андреевичу, 49 лет сидевшему в тюрьме и оковах. Но князь Иван Шуйский (в янв. 1542 г.) успел схватить и отправить Бельского на Белоозеро, где его удушили. - Тогда толпа неистовых едва не убила святителя: в келью его бросали камни; в покоях самого в. князя не нашел он защиты; на Троицком подворье готовы были убить его, и только именем пр. Сергия игумен Алексей умолил пощадить жизнь святителя. Его отправили в заточение - в Белоозерский монастырь. В 1553 г. бывший митрополит Московский Иоасаф встретил царя покорителя Казани в лавре Сергия. Он выпросил себе милость провести последние годы на месте иноческого обета. Ему и здесь были неприятности: с ним жили тогда здесь те, которые сами по себе мало хотели жить в обители и которых загнали в монастырь только беды жизни мирской; они часто оскорбляли блаж. Иоасафа припадками своего мирского своеволия; невольными и вольными скорбями блаж. Иоасаф очищал душу свою для светлых радостей неба и мирно скончался 27 поля 1555 г. Мощи его почивают под спудом в южном притворе Троицкого собора.

Святитель усердно занимался исправлением книг для пользы общей. В сборнике его читаем: «Божиею благодатью и Пречистые Богородицы помощью переписал жития св.

преп. отец. Писал же с разных списков, тщаясь обрести правый. И обретох *в списках многа неисправлена*. - И елика возможна моему худому разуму, сие исправлял; а еже невозможна, сие оставих, да имущие разум больший нас, тии исправят не исправленная и пополняют недостаточная».

Еще цел саккос его, устроенный, по надписи, «во второе лето святительства его», золотого глазета (алтабаса), с серебряным четвероконечным крестом, на коем наведен чернью другой, восьмиконечный крест.

Св. Ап. от 70: ПРОХОРА, НИКАНОРА, ТИМОНА и ПАРМЕНА,

Память 28 июля.

Из числа первых семи диаконов Апостольской Церкви (Деян. VI, 5), Прохор был спутником Ап. Петра и потом Иоанна Богослова; основал епископскую кафедру в Никомидии и, проповедуя в Антиохии, убит язычниками. Никанор убит иудеями тогда же, как пострадал и Стефан архидиакон. Тимон епископствовал в Бостре Аравийской, а Пармен в подвигах проповеди скончался мученически и похоронен в г. Соли, на о. Кипр. Воспоминаются в соборе LXX 4 января, Никанор и 28 дек., а Тимон 30 декабря.

Преп. ПАВЛА Ксиропотамского.

Павел, в мире - Прокопий, был сын Греческого императора Михаила Куропалата, прозванного Рангавеем. Рождение его радостно и торжественно праздновал Константинополь; между тем, не царская слава, но сияние в убогой келье, превышающее своим тихим блеском всякую славу мирскую, предстояло впоследствии дитяти, рожденному для престола...

Едва только Прокопий был отнять от груди, отец его, благочестивый, миролюбивый человек, тяготясь придворными смутами и вообще всею суетою мирского, тем более ощутительною, чем выше поставлен человек по своему положению, отказался от престола и поступил в выстроенный им самим монастырь, названный - Мирелеон, где и скончался в иночестве.

Престол после Михаила Куропалата занял Лев Армянин и, опасаясь в малолетнем Прокопии будущего соперника в правах на престол, он решился изувечить его посредством варварского оскотления.

Прокопию предоставлены были однако же средства к высшему образованию, которым он, благодаря своим природным богатым умственным дарованиям, соединенным с благодатными душевными свойствами, унаследованными от благочестивых родителей, превосходно воспользовался, так что не замедлил прославиться среди современного мира.

Но, умудренный и умственным и душевным своим развитием, Прокопий рано сознал всю пустоту блеска и величия земного; тяготился он и своею собственною славою и даже боялся ее, как опасного искушения для естественного человеческого самолюбия, и потому решился оставить мир. В одежде нищего вышел он однажды из Константинополя и отправился на Афонскую гору. Осмотрев сначала обители и изучив жизнь инок, впервые почувствовал он невыразимое спокойствие и остался жить в обители Ксиропотам, основанной императрицею Пульхериею и незадолго перед тем опустошенной пиратами, избившими иночествующих в ней.

Здесь на развалинах обители построил он себе небольшую келью и поселился в ней для молитвенных подвигов, к которым так располагала и дивная природа среди живописнейшей местности и невозмутимая тишина пустынного уединения. Недалеко от него жил другой пустынножитель - Косьма; с ним сблизился Прокопий и принял от него

пострижение в иночество с именем Павла. Тогда он стал подвизаться суровым подвигом: спал даже на голой земле, имея камень вместо изголовья.

Строгая жизнь Павла удивляла самих иноков и служила для них образцом для подражания. Хотя и скрывал он от всех свое звание и свою ученость, но не мог скрыть своей добродетели, которая прославила его и вдали от мира и более или менее способствовала к тому, что люди узнали путь к нему и извлекли его из его тайного убежища, чтобы позаимствоваться от него добром и правдою.

И добро излилось в мир из приуготовленной и созревшей в уединенном подвижничестве души смиренного и мудрого Павла.

Император Роман, вступивший на престол Греческий, пожелал разыскать родственного ему Прокопия. Посланные для этой цели нашли его наконец на Святой Горе, узнав его в иноке Павле, и не смотря на нежелание его расстаться с возлюбленным уединением, убедили его отправиться с ними в Константинополь, чтобы повидаться с державным и другими родственниками, желавшими этого. Снова торжественно и радостно встретил Константинополь царственного - но уже не младенца, а подвижника, явившегося в столицу во всем уничижении своего иноческого сана. Вельможи и простой народ припадали к нему, как к ангелу, и просили его благословения. И для большей славы Сам Бог прославил его исцелением тяжко заболевшего в то время императора Романа, как только Павел помолился о больном и возложил на него руки. Полюбив всею душою Павла и желая пользоваться его беседами, император просил его остаться при Дворе, чтобы заняться воспитанием и образованием детей своих. Не отказался от этого труда любящий Павел, и радовался некоторое время император, как отец - видя детей своих под драгоценнейшим влиянием Божьего человека. Но снова, и теперь больше прежнего, заскорбело сердце пустынного среди всех торжеств и великолепия жизни при Дворе, и выше сил его было выносить зрелище смут и разгара страстей людских. Душа его томилась по успокоительной пустыни, и однажды он сказал императору: «государь, как рыба без воды, так и инок без условий келейной жизни и пустынного безмолвия жить не может; он мертв для Бога и безжизнен для того, чтобы в точности исполнять свой долг и обязательства в отношении к Богу. Мир - не иноческая стихия. Поэтому позволь мне возвратиться в мою пустыню, где беседа с Богом составляет высшее благо моей души»...

Не хотелось императору разлучаться с незаменимым наставником своим и детей своих, не желал он также и удерживать его насильно, и потому отпустил его на Афон, предоставив ему при этом средства возобновить разрушенную пиратами Ксиропотамскую обитель во всем подобающем ей под царским покровительством великолепия.

Настала радость и для Афона при возвращении славного инока Павла. Трудом его восстановлена была из развалин обитель, в которую собралось множество иноков, желавших достойным образом проходить иноческое житие под мудрым руководством опытного Павла. Тяготясь, однако же, молвою и многолюдством, Павел, устроив обитель и поручив управление ею одному из благочестивейших братий, сам удалился в подгорье Афона, где надеялся обрести полное безмолвие среди строгого уединения. Но и сюда пришли к нему преданные ему и в непродолжительное время пустыня, в которой поселилось до 60-ти учеников Павла, приняла вид обители, которую приходилось устроить на основании правил и условий пустынной жизни и оградить ее вместе с тем от внешних нападений при небезопасном ее положении, открытом с моря. Таким образом стараниями Павла возникла новая обитель во имя св. Георгия, которая и до сих пор сохранила свое название Святопавловской в память своего основателя.

Вскоре по основании этой обители, в которой сам Павел был настоятелем, наступило время кончины его; которую предузнал он заранее. Прощаясь с плачущими о нем братьями, умирающий, сам заплакав, сказал им: - «перестаньте плакать, братия! Не смущайте сердца моего вашими слезами. Что делать! Настало время, которого постоянно жаждала душа моя, но страшилась плоть моя»...

Побеседовав с братьями последними отеческими наставлениями, приобщился он св. Тайн и, произнеся всегдашнюю свою молитву: «Упование мое - Отец, прибежище мое - Сын, покров мой - Дух Святой, Троица Святая, слава Тебе!» с просиявшим от неземного восторга лицом, предал душу свою Богу. Это было 28-го шля, 820-го года. Погребение Павла было торжественно совершено в Константинополе в присутствии императора, патриарха и всего клира. Впоследствии, во время разгрома Константинополя крестоносцами, мощи св. Павла Ксиропотамского были перевезены в Венецию.

Памятником высокого духовного настроения и образования преп. Павла сохранились: Слово на Введение во храм Пресвятой Богородицы, канон сорока мученикам и канон (писанный ямбическими стихами) честному кресту. Император Роман старший, в царской своей грамот (хрисовуле), данной Павлу на устройство обители на горе Афонской, называет его величайшим из философов.

(См. «Аф. Патер.», ч. и, стр. 54).

+ Преставление преп. КОНСТАНТИНА Косинского, Память 29 июля.

Преп. Константин обучался духовной жизни под руководством пр. Варлаама и преемника его, пр. Антония. Около 1220 г. оставил он Хутын монастырь и в 3 верстах от Старой Руссы, на уединенном острове, основал свою обитель во имя св. Николая.

Обитель сия называлась Косиною оттого, что река Полисть и Снежная, омывающая остров, образуют косу. В рукописных святцах замечено, что «пр. Константин, ученик Варлаама Хутынского, игумен монастыря, иже за Руссою, преставися июля в 29 день», но год кончины не показан; здесь же преп. Константин назван чудотворцем.

+ Преставление преп. РОМАНА Киржачского.

По ркп. святцам в числе святых «преп. Роман, строитель Введенского монастыря, иже на Киржаче, ученик св. Сергия чудотворца». Когда в пустыню пр. Сергия проникли тревоги мирского самоволия, Сергей, предоставляя людей совести их, удалился из обители с учеником своим Романом, чтобы найти другое место для уединенных подвигов. Он поселился в ските сельца Киржача, отданного завещанием кн. Иоанна Калиты (1328 г.) обители покоя св. кн. Александра Невского. Это в лесах нынешнего Покровского уезда. Старцы великой обители Сергиевой молили святителя Алексия возвратить к ним отца их. Покорный воле святителя, пр. Сергей поручил Роману оканчивать устройство новой пустынной обители и быть наставником обитателей ее, а сам возвратился на прежнее место.

Блаж. Роман исполнил заповеди отца своего: устроил обитель и был примером подвижнической жизни для иноков. Он мирно скончался 29 июля 1392 г. Мощи его почитают под спудом в храме, ныне уже приходском, заштатного г. Киржача.

Св. мученицы Феодотии и трех чад ее.

Молодая вдова Феодотия, родом из Никеи, жившая в Фессалонике, разделяла благочестивые труды св. Анастасии Узорешительницы (пам. 22 декабря) и за это была обвинена перед Диоклетианом. Один сановник из свиты царя, по имени Левкадий, увидев ее, приготовившуюся к мукам, был поражен ее красотой и выпросил ее себе. Не успев однако же ни склонить ее к отречению от Христа, ни к вступлению в брак с собою, он отослал ее на родину к проконсулу Вифинии Никитию, который приказал предать истязаниям Феодотию со всеми ее детьми, после чего все они были брошены в печь и сожжены около 304 года.

(Память ее вторично вместе с св. Анастасиею Узорешительницею 22 декабря).

Св. мученика ЕВСТАФИЯ Мцхетского.

В 541 г. прибыл из Персидской деревни Арбукети, принадлежавшей к городу Ганракили, в городе Мцхет сын одного жреца (мага), по имени Бробандав – 30 лет от роду и стал жить тут, пропитывая себя своими трудами.

В Мцхете жило в это время много христиан; видя их благочестивую жизнь и искреннее служение Богу – Христу, сын жреца полюбил веру этих людей и, узнав, в чем состоит учение христианское, уверовал во Христа всею душою, принял святое крещение, при котором наречен был Евстафием, и стал жить чистою христианскою жизнью, вступив при этом в брак с женою христианкою.

Обращение Перса в христианскую веру ускользало в продолжение некоторого времени от внимания его соплеменников, но оно обнаружилось при одном случае, когда он не явился на одно из их религиозных празднеств и на вопрос, почему он не принимает участия в исполнении требуемого их законом, отвечал прямо, что он – христианин и, просвещенный светлою истиною, не может принимать участия в празднике тьмы, соблюдаемом непросвещенными людьми...

Услышав это, бывшие приятели Евстафия донесли начальнику Мцхетской крепости, что в городе живет их бывший единоведец, который называет себя христианином и хулит народную веру и закон. Комендант велел привести к себе Евстафия. Сначала смутился духом новообращенный и хотел даже скрыться, но, размыслив, сказал: «вот, прежние друзья сделались моими врагами... но неужели я убоюсь их? Пойду, явлюсь перед лицом властелина и исповедаю перед ним Христа, потому что знаю слова моего Бога, Который говорит в Евангелии: - всякого, кто исповедует Меня перед людьми, исповедаю и Я перед Отцем Моим Небесным, а кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцем Моим Небесным» (Матф. X, 32-33). Затем, осенив себя знаменiem креста, сказал: Господь со мною! – и последовал за воином к коменданту.

На вопросы коменданта об его звании, происхождении и вере Евстафий отвечал:

- Был я жителем села Арбукети, отец мой был маг и меня также готовил быть магом, но не по душе мне было это дело. Я не захотел быть магом; еще в селе моем я сознал, что вера христианская превосходнее нашей, и вот теперь я узнал Христа и уверовал в Него и хочу служить Ему одному...

Комендант постарался отвратить исповедника от его христианских убеждений, но видя его твердость в новой вере, препроводил его в Тифлис, к сатрапу Карталинскому Арванд-Губнабу, который один во всей Грузии имел власть казнить или миловать.

Здесь, после нового допроса и после отказа Евстафия отречься от Христа, он был подвергнут истязаниям и брошен в цепях в темницу. После шестимесячного заключения он был однако же освобожден по просьбе Грузинских вельмож к Арванд-Губнабу, чтобы он «отпустил Мцхетских граждан, заключенных в темницу за принятие ими христианства», и вместе с другими возвратился домой.

Но через три года после того, когда в Грузии назначен был сатрап Бежан-Бузмил, человек жестокого нрава, Евстафий был снова вызван в Тифлис по настояниям прежних доносчиков. На этот раз уже не оставалось надежды на пощаду; спокойно и без страха, но зная, что теперь прощается он навсегда в этой жизни со своей дорогой семьей, Евстафий отправился в Тифлис, в свой последний путь... По прибытии его в Тифлис снова был сделан ему допрос; ответив показаниями о своем звании и происхождении, Евстафий продолжал: - «переселившись в Грузию, я сказал себе самому; сличу я веру Христову с нашей верой, и которая из них окажется лучшею, ту и приму всею душою. Днем отец учил

меня магованию, а ночью я тайком уходил в христианский храм и, входя внутрь, слушал службу христианскую. Молитва христиан и их пение казались мне пением ангельским, и с величайшим наслаждением слушал я службу их. Раз, войдя в храм, когда я старался пройти вперед, чтобы лучше слушать пение, подошел ко мне архидиакон Самуил, знающий хорошо закон и свящ. Писание, и спросил меня: отчего ты с таким усердием стремишься в храм? – Я ему отвечал: - «господин, ты знаешь, кто я; не по душе мне моя отечественная вера и я желаю, чтобы кто-нибудь объяснил мне и веру Иудейскую и веру христианскую, и которая окажется святою, ту и возлюблю всем сердцем и приму ее». Тогда Самуил сказал мне: - «если желаешь знать истину, то я тебе расскажу, но выбор истинной веры не зависит от тебя, но от воли Господней».

Я стал просить его и сказал: «укажи мне и то, какую веру принять и какую отвергнуть»... «Тогда архидиакон начал рассказ свой о вере Иудейской и о пришествии в мир Иисуса Христа, Сына Божия, и о том, как Он пострадал от народа Еврейского, и о воскресении, и о вознесении Христа на небо, и о сошествии Святого Духа на Апостолов, и как распространялась потом христианская вера, и какую перемену в людях сделала эта чудная, истинная вера... и о судьбе Евреев, рассеянных по всему миру...

«И когда узнал я обо всем этом подробно от архидиакона Самуила, то уверовал в Бога Безначального и Единородного Сына Его Иисуса Христа, и Святого Его Духа, и крестился во имя Пресвятой Троицы, и теперь никто не может отвратить меня от Господа Иисуса Христа. До самой смерти пребуду верным Ему... А о вере предков моих не хочу и говорить; разве могу я, узнав Творца, поклоняться Его творению? Творению, созданному для пользы и для служения человеку самому»...

Сатрап Бузмил, выслушав Евстафия, стал уговаривать его отречься от чужой веры, побережь свою жизнь для родной семьи.

- Если я уже перенес жестокие мучения и не повиновался правителю, бывшему прежде тебя, то послушаю ли тебя теперь? Нет, не будет этого никогда, - отвечал исповедник.

Поняв из этих слов, что нет возможности отвратить от христианства Евстафия, сатрап приказал заключить его в темницу и тайно отсечь ему голову, чтобы христиане не могли воздать почестей его телу, и затем, по отсечении, велел бросить его за городом на съедение птицам и зверям.

Когда воины приступили в темнице к исполнению приговора властелина, то Евстафий попросил их дать ему несколько времени для молитвы и в таких словах выразил свое предсмертное моление к Господу: - «Господи Боже Вседержителю, Который хочешь всем человекам спастись, с верою надеющимся на Пресвятое имя Твое; Ты, который услышал молитву прежде бывших мучеников, убиенных мечами Иудеев, и тех, которые ради имени Твоего ввержены были во время страшного холода в озеро и умерли в исповедании Твоем, и сожженных огнем, и за исповедание имени Твоего растерзанных и съеденных зверями, наследовавших обещанные Тобою вечные блага! Удостой и меня, Господи, быть участником их небесной радости, удостоивший меня ради Святого имени Твоего в последнее время быть также мучеником и исповедником! Ты знаешь, Владыко Господи Боже мой Иисусе Христе, что Всесвятейшему Твоему имени не предпочел я ни отца, ни мать, ни братьев, ни семейство, ни родных и близких; Тебя только одного Господа моего возлюбил я всем сердцем и всею душою моею и ради имени Твоего полагаю голову мою. Владыко мой! Прошу еще и молю Твою благодать, чтобы тело мое не осталось здесь; не попусти, чтобы оно съедено было псами и птицами, но повели, чтобы оно было предано земле в Мцхете, где Ты открылся мне, где я принял святое крещение!»...

- Теперь я готов, - обратился к воинам мученик после молитвы, - исполните надо мною то, что вам велено.

Поколебались воины умертвить святого исповедника... Но зная, что иначе погибнут и они вместе с ним, они отсекли голову мученику Евстафию и, вынеся тело его

за город, оставили его в поле. Об этом узнали некоторые христиане, успели унести тело мученика и тайно перевезли его в Мцхет. Тамашние христиане довели об этом до сведения католикоса Самуила, который с великою честью предал земле тело мученика под престолом патриаршего Мцхетского собора, построенного в честь 12 Апостолов, где Бог прославил его чудными исцелениями болезней, продолжающимися и доньше. Это послужило основанием католикосу Самуилу II причислить мученика Евстафия к лику святых и установить в честь его памяти празднование 29-го июля – в день его кончины.

Св. муч. СЕРАФИМЫ.

Антиохианка, воспитанная в доме знатной госпожи сенаторского рода. За исповедание Христа осуждена на обещание, но когда два юноши, для того посланные, поражены были расслаблением, то была бичевана и затем обезглавлена (в царствование Адриана 117-138 г.).

+ Обретение мощей пр. ГЕРМАНА Соловецкого, Память 30 июля.

Блаж. Герман сперва уединенно подвизался на р. Выге, у часовни. Здесь нашел его блаж. Савватий, искавший безмолвного места. Герман указал Савватию на Соловецкий остров, как на место самое безмолвное. В 1429 г. Он и Савватий переплыли Белое море на ладье, построили келью под Секирной горой и жили здесь отшельниками шесть лет. По кончине Савватия, Герман нашел другого ревнителя безмолвной жизни и вместе с блаж. Зосимою (в 1436 г.) опять поселился на суровом острове. В 2 верстах от нынешнего монастыря построил себе келью блаж. Зосима, а в полверсты от него стал жить в куще Герман. Более 50 лет прожил он на холодном острове. Он не был человеком книжным, но подвигами приобрел духовную опытность, различавшую духовные явления от естественных. Убеденный в том, что жизнь великих подвижников доставляет назидание многим, Герман, как пишет современник его, «не умея писать по книжному, но вразумляемый Божиим промыслом, приказал клирикам записать для памяти все, что видел он при жизни блаженного Савватия, как пришел он с ним на Соловецкий остров, разные события при жизни блаженных отцов; таких записок составилось немало». Блаж. Герман любил чтение назидательное и собирал книги. Еще цел в Соловецкой библиотеке сборник, по надписи принадлежавший пр. Герману. Эта любовь к назидательным книгам передана им и ученику его Досифею: достойный ученик обогатил обитель самыми полезными книгами, выбирая в Новгороде лучшие книги и по содержанию, и по письму и нанимая лучших писцов списывать их для обители. Бл. Герман старался как можно более быть полезным для обители. И при жизни пр. Зосимы и после него не раз он путешествовал на твердую землю для выполнения нужд обители. Святая любовь его не взидала при том ни на опасности плаванья по обманчивому морю, ни на другие неудобства пути, нелегкие особенно для дряхлой старости. Он и скончался на службе обители. При игумене Арсении, преемнике св.Зосимы, авва Герман, быв послан в Новгород по нуждам обители, в обители пр. Антония Римлянина почувствовал близость кончины своей, исповедывался, приобщился св. Тайн и мирно передал дух свой Богу. Ученики его везли тело его в Соловецкую обитель, но за распутицею принуждены были оставить его на берегу р. Свири у часовни деревни Хавроньиной. Спустя 5 лет (в 1484 г.) при игом. Исайи решились перенести гроб аввы в Соловецкую обитель; когда посланные откопали в земле и открыли гроб аввы, то нашли мощи его нетленными; перевезенный гроб с честью был поставлен близ алтаря, по правую сторону церкви св. Николая, рядом с мощами пр. Савватия. Ныне мощи аввы Германа почивают в часовне его имени. Здесь же

стоит каменный четвероконечный крест, стоявший в келье пр. Савватия и пред которым молился вместе с ним и авва Герман. Вот древний тропарь авве Герману: «украсившись, премудре, постническим житием, спостник был еси и сожитель в морском отоце преподобным отцом Зосиме и Савватию, сподвизався в молитвах и трудах и в пощениях, преподобие отче Германе: но яко имея дерзновение к Богу, моли избавити нас от враг и спасти души наши». Этот тропарь написан был в 1602 г. На старой Тотьме пресвитером Григорием, по приказанию явившегося ему Германа, и им же потом одобрен. По тому же видению написан был образ пр. Германа, вместе с Зосимою и Савватием и от того образа истекло несколько исцелений больным.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Жития святых, канонизированных в 20 в.

Преподобный Андрей Рублев, Память 4 июля

Сведения о святом Андрее Рублеве очень немногочисленны. Это житие преподобного Никона Радонежского, краткой и пространной редакции; «Отвещание любозазорным» святого Иосифа Волоцкого; «Сказание о святых иконописцах» конца XVI - начала XVII веков и летописные упоминания.

Важное дополнение к немногочисленным сведениям о святом Андрее составляют его произведения - иконы и росписи.

Согласно известному постановлению Седьмого Вселенского Собора, Православная Церковь почитает образ «наряду с Крестом и Евангелием». Поэтому создание иконы является подвигом благочестия, предполагающим благодатную помощь свыше. Подвиг благочестия может перерасти в святость. Отсюда особый чин в православной иерархии святости - чин святых иконописцев во главе со святым апостолом и евангелистом Лукою, написавшим, по преданию, образ Божией Матери. В Русской Церкви к лику святых иконописцев причислены святой Алипий Печерский, преподобный Дионисий Глушицкий. Величайшим русским иконописцем был и святой Андрей Рублев.

Его основные произведения: иконостас и росписи Благовещенского собора в Московском Кремле, росписи и иконостас Успенского собора во Владимире, икона «Богородица Владимирская» для Успенского собора в г. Владимире; росписи и иконостас Успенского собора в Звенигороде, деисусный чин из собора Рождества Богородицы в Саввино-Сторожевском монастыре, росписи и иконостас Троицкого собора в Троице-Сергиевом монастыре, икона «Святой Троицы» из того же собора; росписи Спасского собора Спасо-Андроникова монастыря в Москве.

Самое знаменитое из его произведений - икона «Святая Троица», по единодушному признанию специалистов, созданная им самим.

Нет никакого сомнения, что святым Андреем создано намного больше икон и росписей, чем выше перечислено, однако свидетельств о других его произведениях не сохранилось.

Исторические сведения о преподобном Андрее Рублеве крайне скудны. О происхождении его ничего не известно. Некоторый свет проливает наличие у него прозвища «Рублев», которое сохранилось за ним в монашестве. По-видимому, «Рублев» - родовое прозвище с окончанием, характерным для русских фамилий, т. е., по существу, фамилия. В XIV - XV веке и значительно позже фамилии носили только представители

высших слоев общества, что заставляет предполагать его происхождение из образованных кругов.

Год рождения преподобного Андрея неизвестен. Предположительно - 1360-й.

Обучение он начал с детских лет и вскоре достиг немалого умения. Считается, что святой Андрей в ранний период своей жизни мог учиться и работать в Византии и Болгарии.

Преподобный жил в эпоху крупных исторических событий, часто очень тяжелых для Руси. В 1380 году произошла кровопролитная битва на Куликовом поле, положившая начало освобождению Руси от татарского ига. Через два года Москва была разорена и сожжена Тохтамышем. Вполне вероятно, что эти и другие подобные потрясения определили сделанный святым Андреем выбор - монашеский путь.

В 1395 году Русь подверглась новому нашествию - на этот раз на нее обрушились полчища Тамерлана (Темир-Аксака). В Москву из Владимира была принесена чудотворная икона Владимирской Божией Матери. Весь народ во главе с митрополитом Киприаном вышел встречать святыню на место, где впоследствии в память этого события был основан Сретенский монастырь.

Произошло чудо: Мать Божия явилась Тамерлану во сне и грозно запретила ему идти на Москву. Тамерлан повернул обратно и исчез так же внезапно, как и появился. Вскоре после этого по благословению митрополита Киприана святой Андрей написал копию с образа Божией Матери Владимирской.

Достоверно неизвестно и место пострижения святого Андрея. Наиболее вероятно, это Спасо-Андроников монастырь в Москве - один из монастырей, с которыми была связана его жизнь. Второй такой обителью стал Троице-Сергиев монастырь. По духу святой Андрей несомненный ученик святого Сергия, хотя предание, относящееся к концу XVI века, говорит о святом Андрее как о духовном сыне преподобного Никона Радонежского.

Находясь в Спасо-Андрониковом монастыре, инок Андрей жил в духовной среде учеников преподобного Сергия, с которыми тесно общался во время поездок, связанных с выполнением заказов. Кроме преподобного Никона, он, по-видимому, знал святого Савву Сторожевского, поскольку на рубеже XIV - XV веков работал в Звенигороде и в самом Саввино-Сторожевском монастыре. Он должен был знать и племянника преподобного Сергия, святителя Феодора, архиепископа Ростовского, некоторое время игуменствовавшего в Симонове монастыре, по соседству с Андрониковым. Другой игумен этого монастыря и собеседник преподобного Сергия святой Кирилл ушел в 1392 году на Белоозеро, но и о нем, как о яркой личности, несомненно, было известно иноку Андрею. Наконец еще одной такой личностью был непосредственный ученик преподобного Сергия преподобный Андроник, основатель и первый игумен монастыря.

Пребывая в высоко духовной среде, в атмосфере святости, инок Андрей поучался как историческими примерами святости, так и живым образцом окружавших его подвижников.

Хорошо знал инок Андрей и Епифания Премудрого, и других высокообразованных людей своего времени, с которыми тесно общался. Среди них - святителя Киприана, митрополита Московского. Духовный мир святителя Киприана, который прошел школу афонского монашества, был близок иноку Андрею.

Поскольку митрополит Киприан был учеником святого патриарха Филофея, ученика святителя Григория Паламы, духовная генеалогия преподобного Андрея через общение со святителем восходит к обеим главам афонского исихазма.

Возношение «ума и мысли» от созерцания святых икон к «невещественному и божественному свету» («возведение чувственного ока») - такая характеристика была не случайно дана Иосифом Волоцким преподобному Андрею и его сопостнику Даниилу Черному.

Несомненно, инок Андрей хорошо знал и святителя Фотия, Московского митрополита, также принадлежавшего к числу высокообразованных, духовных и деятельных иерархов. Ему принадлежит ряд посланий, которые инок Андрей, несомненно, знал. «Всех превосходящий в премудрости зельне», по выражению преподобного Иосифа, инок Андрей хорошо знал творения многих святых отцов и учителей Церкви.

Краткое сказание святого Иосифа доносит до нас удивительно светлый образ двух подвижников-художников - Андрея Рублева и Даниила Черного, истинных иноков и аскетов. Они преуспели в божественной Любви, которая открылась им и привлекла их к Себе. Стяжанием великой божественной благодати преподобный Иосиф объясняет их полный уход от всякого земного попечения, «яко никогда о земных упражняться».

Созерцание икон для них - праздник, исполняющий сердце «божественной радостью и светлостью», поскольку возводит ум «от вещественных вапов», т. е. от материального, огрубленного, недвижимого подражания к невещественному, источающему жизнь мира Первообразу. Отсюда и особое значение иконы, как свидетельства об истине, отсюда и особо проникновенное отношение к каждому движению кисти.

«Сего ради», т. е. ради столь высокого и столь духовного образа жизни, «Владыко Христос тех прослави и в конечный час смертный». Уже после кончины святого Андрея, его сопостник Даниил, не разлучавшийся с ним в сердце своем и по его смерти, умирая, получает откровение о прославлении своего духовного брата в Царствии Небесном: «виде... Андрея во мнозе славе и с радостию призывающа его в вечное оно и бесконечное блаженство».

Местом вечного упокоения обоих подвижников стал Спасо-Андроников монастырь.

На протяжении XVI - XVII веков память обоих иконописцев, и особенно святого Андрея, глубоко почиталась. Определением Стоглавого собора (1551) было благословлено писать образ «Святой Троицы», как Андрей Рублев и «пресловущие греческие живописцы».

В строгановском иконописном подлиннике (конец XVI века), пользовавшемся авторитетом в среде придворных иконописцев, сообщается: «Преподобный отец Андрей Радонежский, иконописец, прозванием Рублев, многия святыя иконы написал, все чудотворныя... а прежде живяше в послушании у преподобнаго отца Никона Радонежскаго. Он повеле при себе образ написати пресвятая Троицы, в похвалу отцу своему, святому Сергию чудотворцу...» Имя святого Андрея (вместе с Даниилом) встречается и в старых месяцесловах.

Приводимые источники удостоверяют, что в XV - XVII веках почиталась святость Андрея Рублева, как и высокая праведность Даниила.

По традиции в Троице-Сергиевой Лавре память преподобного Андрея совершалась 4 июля, в день памяти святого Андрея Критского. Этот день определен и для совершения памяти преподобного после общецерковного прославления на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1988 году.

XVIII - XIX века были временем забвения многих православных традиций и, в частности, канонического иконописания. Известность святого Андрея вновь просияла лишь с начала XX века, когда пробудился интерес к традициям православного иконописания. По явному Промыслу Божию именно в XX веке «Святая Троица» преподобного Андрея, а также и другие его произведения приобрели значение свидетельства истины Православия пред лицом всего мира. Преподобный Андрей канонизирован на основании его подвига иконописания, в котором он, подобно евангелисту, свидетельствовал и продолжает ныне возвещать людям неложную истину о Боге, в Троице славимом.

Преподобномученица великая княгиня Елисавета и инокиня Варвара, Память 5 июля

Великая княгиня Елисавета Федоровна родилась 20 октября 1864 года. Она была дочерью великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери королевы английской Виктории. С потерей матери у 14-летней Елисаветы закончилась пора детства.

По воспоминаниям современников, прекрасная наружность Елисаветы вполне соответствовала ее духовным качествам. Главными отличительными ее свойствами были религиозность и любовь к ближним.

Полагают, что еще в ранней юности принцесса Елисавета отдала свое сердце великому князю Сергею Александровичу, сыну императора Александра II. 3 июня 1884 года в Петербурге, в Большой церкви Зимнего дворца состоялось венчание великого князя Сергея Александровича и великой княгини Елисаветы Федоровны по православному обряду, а затем в одной из гостиных дворца - венчание по протестантскому обряду (выходя замуж, Елисавета Федоровна оставалась протестанткой).

В Ильинском, подмосковном имении великого князя на Москве-реке, Елисавета Федоровна вела простую деревенскую жизнь, много помогала окрестным крестьянам. Для них супруги построили больницу, в которой часто совершалось и крещение новорожденных, причем восприемниками бывали Сергей Александрович и Елисавета Федоровна.

Постепенно Елисавета Федоровна все более и более внутренне сближалась с Россией и Православием.

В октябре 1888 года великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елисавета Федоровна по поручению императора Александра III побывали в Палестине на освящении великолепного храма святой Марии Магдалины, построенного в Гефсимании.

Вернувшись со Святой Земли, полная неизгладимых впечатлений, Елисавета Федоровна решила перейти в Православие. Однако родственники из Дармштадта не понимали и не поддерживали ее. Ободрила ее только бабушка, королева английская Виктория. В ответном письме благодарная Елисавета писала ей: «...Вы не можете себе представить, как сильно и глубоко я была тронута всем тем, что Вы написали... Господь дал мне мужество... Я это делаю, принадлежа всей моей душой этой Церкви здесь, и я чувствую, что лгала всем и моей старой религии, продолжая оставаться протестанткой. Это большое дело совести, где только лицо, имеющее к этому отношение, может понять по-настоящему всю глубину этого шага».

В субботу, под Вербное воскресенье, 13 апреля 1891 года, совершился переход великой княгини Елисаветы в Православие. Теперь она с полным правом могла сказать своему супругу, да и каждому православному русскому человеку, словами моавитянки Руфи: «Народ твой будет моим народом, и твой Бог - моим Богом» (Руфь. 1, 16).

Переходя в Православие, великая княгиня не захотела расстаться со своим именем, а только избрала себе новую небесную покровительницу - святую праведную Елисавету, мать Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, память которой Православная Церковь празднует 5 сентября.

В 1891 году великий князь Сергей Александрович был назначен генерал-губернатором в Москву. Здесь во всей широте развернулась благотворительная деятельность Елисаветы Федоровны.

Постоянно бывая в многочисленных московских храмах, великая княгиня всюду видела на папертях оборванных нищих, взывающих о помощи. Она посещала также больницы для бедных, дома престарелых, приюты беспризорных детей, тюрьмы. И везде она старалась сделать что-нибудь для облегчения человеческих страданий, раздавала

продукты, одежду. Жители Москвы очень скоро оценили ее доброту, и великая княгиня снискала у них искреннюю любовь.

Когда 20 октября 1894 года скончался император Александр III, состоялся переход в Православие будущей императрицы, сестры Елисаветы Федоровны принцессы Алисы, с принятием ею имени Александра. Елисавета Федоровна принимала в этом живое участие.

Июль 1903 года ознаменовался великим событием в жизни России: был причислен к лику святых преподобный Серафим Саровский. В Саров ездила вся императорская семья. «Как много красивых и здоровых впечатлений!.. - писала Елисавета Федоровна. - Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру. Казалось, что мы живем во времена земной жизни Спасителя».

Вскоре началась трагическая для России русско-японская война 1904-1905 годов. Елисавета Федоровна, уже имевшая большой опыт благотворительности, немедленно начала активную деятельность в помощь фронту. Она сформировала несколько прекрасно оборудованных санитарных поездов, устраивала в Москве госпитали для принятия раненых. Не забывала она и о духовных нуждах русских людей, посылала в армию походные церкви, снабжала их всем необходимым для совершения богослужений.

5 февраля 1905 года в Кремле террорист Иван Каляев бросил в великого князя Сергея Александровича бомбу, разорвавшую его на части.

Являя поразительную силу духа, великая княгиня посетила в тюрьме убийцу, оставила ему Святое Евангелие и просила императора о его помиловании.

Пережив страшное потрясение, Елисавета Федоровна еще глубже ушла в молитву, с еще большим усердием предалась благотворительности.

Елисавета Федоровна купила в Москве, на Большой Ордынке, усадьбу с четырьмя домами и обширным садом. Здесь она решила создать обитель в честь святых Марфы и Марии. Обитель предназначалась быть как бы домом Лазаря, в котором часто бывал Христос Спаситель. Сестры обители призваны были соединить в своем подвиге и высокий жребий Марии, внимающей вечным глаголам жизни, и служение Марфы, поскольку они с любовью принимали у себя Христа в лице Его меньших братьев. Для этого кроме храма в обители были созданы больница, аптека, приют. Вокруг зданий Елисавета Федоровна устроила прекрасный сад.

Марфо-Мариинская обитель начала свою деятельность 10 февраля 1909 года. При открытии обители в ней было всего шесть сестер, в течение года число их увеличилось до тридцати, а к 1914 году достигло ста.

9 апреля 1910 года в соответствии с разработанным Святейшим Синодом чином епископ Трифон (Туркестанов) посвятил в звание крестовых сестер любви и милосердия 17 сестер обители во главе с великой княгиней Елисаветой.

Все они дали торжественный обет посвятить себя служению Богу и ближним.

Будучи во всем искренней и послушной дочерью Православной Церкви, настоятельница не хотела использовать преимущества своего положения как великой княгини.

Ведя строгую подвижническую жизнь, Елисавета Федоровна не требовала того же от своих сестер. Она заботилась о том, чтобы они имели хороший стол и достаточное время для сна. Сама же она спала не более трех часов в сутки, на жесткой постели, в пищу употребляла немного овощей и молока, строго соблюдала посты. По ночам долго молилась, потом обходила больничные палаты. Все самые трудные обязанности настоятельница брала на себя. Она ухаживала за безнадежными больными, часто проводила с ними всю ночь, ассистировала при операциях. Больные говорили, что одно только присутствие настоятельницы дарило им покой, облегчало страдания и помогало легко идти на операции. Они чувствовали исходящую от нее целительную силу.

Обительская больница пользовалась в Москве такой репутацией, что сюда направляли иногда самых тяжелых больных из других больниц и госпиталей. И настоятельница изумляла московских докторов своим самоотверженным уходом за

больными и поразительными результатами. Как говорила она сама, делить свое горе - значит уменьшить его, а делить свою радость - значит ее увеличить.

В Марфо-Мариинской обители усердием настоятельницы было сооружено несколько храмов: во имя святых жен Марфы и Марии, во имя Покрова Пресвятой Богородицы, а в 1914 году под этим храмом была построена церковь-усыпальница сестер во имя Небесных Сил и Всех Святых. Елисавета Федоровна думала, что там будет почивать и ее тело после кончины. Там она часто предавалась молитве.

Настоятельница обители имела в виду подготовить и особых сестер для духовного утешения тяжелых больных, стоящих на краю могилы. «Не страшно ли, - говорила она, - что мы из ложной гуманности стараемся усыплять таких страдальцев надеждою на их мнимое выздоровление. Мы оказали бы им лучшую услугу, если бы заранее приготовили их к христианскому переходу в вечность».

Елисавета Федоровна любила ездить в отдаленные монастыри, где могла всецело отдаться молитве, а также церковной благотворительности. Особенно большую помощь получали от нее бедные приходы и обители. Благоговейно почитая преподобного Серафима Саровского, великая княгиня Елисавета неоднократно ездила в Саров помолиться у мощей угодника Божия. Ездила она также в Псков, Киев, Оптину пустынь, бывала и в самых маленьких монастырях в отдаленных местах России, где общалась со многими русскими иноками-подвижниками.

Унаследовав от своего покойного супруга председательство в Палестинском обществе, Елисавета Федоровна проявляла особую заботу о русских паломниках, направлявшихся в Святую Землю.

По инициативе Елисаветы Федоровны в Италии, в Бари, был приобретен большой участок земли, где было начато строительство храма и подворья.

Весть о начале первой мировой войны застала настоятельницу Марфо-Мариинской обители в отдаленном Серафимо-Алексеевском скиту Пермской епархии. Когда она вернулась в Москву, некоторые сестры просили ее отпустить их на фронт. Посоветовавшись с духовником обители, она дала свое согласие.

Бывая в госпиталях, настоятельница Марфо-Мариинской обители навещала раненых. Как христианка, она оказывала милосердие и неприятельским солдатам. Это породило, однако, клеветнические вымыслы и даже открытое проявление ненависти по отношению к ней, что было для нее очень тяжело и вынудило ее прекратить посещение раненых пленных. Чтобы обрести душевный покой, Елисавета Федоровна на несколько дней ездила к оптинским старцам.

По Москве стали распространяться дикие вымыслы о Марфо-Мариинской обители, как о центре немецкого шпионажа. Понимая, что военные неудачи не могли не отразиться на обывательских настроениях, Елисавета Федоровна старалась найти оправдание людям. «Они все очень устали. Народ - дитя, - говорила она кротко, - он не повинен в настоящем. Он введен в заблуждение врагами России».

Однажды осенью 1916 года у ворот обители собралась разъяренная толпа, возбужденная слухами. «Немку долой! Выдавайте шпиона!» - в окна полетели камни. Когда толпа стала ломиться в ворота обители, они распахнулись и перед всеми предстала - совершенно одна! - матушка настоятельница. Она предложила осмотреть все помещения, убедиться, что в обители нет шпионов, и не беспокоить шумом больных.

В стране усиливались гибельные беспорядки. Переживая за царскую семью, Елисавета Федоровна сказала архиепископу Анастасию (Грибановскому) с какой-то просветленной мягкостью: «Это послужит к их нравственному очищению и приблизит к Богу».

На неоднократные предложения дипломатов иностранных держав покинуть Россию в это смутное и опасное время она отвечала, что хотя и предвидит наступление страшных времен, но разделит судьбу принявшей ее страны, не оставит сестер обители и молит Бога даровать ей силы испытать чашу страданий.

На третий день Пасхи 1918 года (день празднования Иверской иконе Божией Матери) Святейший Патриарх Тихон посетил Марфо-Мариинскую обитель, где служил молебен, а затем оставался до четырех часов дня, беседуя с настоятельницей, которая испытывала душевное томление, предчувствуя что-то страшное.

Через полчаса после отъезда Святейшего Патриарха к обители подъехала машина с комиссаром и красноармейцами, и Елисавете Федоровне было приказано немедленно ехать с ними. Ее арестовали и увезли из Москвы.

Узнав о случившемся, Святейший Патриарх Тихон тщетно пытался добиться освобождения Елисаветы Федоровны.

С настоятельницей поехали две сестры - келейница Варвара Яковлева и Екатерина Янышева.

В Перми ссыльная игуменья и ее спутницы Варвара и Екатерина были помещены в женском монастыре, где к ним отнеслись с искренним участием. Великим утешением для них была возможность посещать богослужения в монастырской церкви.

20 мая 1918 года узниц привезли в Алапаевск. Они были помещены в школе на окраине города. Сначала они могли ходить в церковь, работать в огороде, гулять в поле, но с 21 июня все это было им запрещено и условия их жизни резко ухудшились.

Примерно в это же время Елисавету Федоровну разлучили с ее спутницами. Их страшали муками, которые предстоит вынести Елисавете Федоровне. Однако Варвара Яковлева отвечала, что готова своей кровью подписаться: она желает разделить судьбу своей настоятельницы. Как более старшую по возрасту, в Алапаевск вернули ее. Инокня Варвара осталась до конца верной своей матушке и вместе с ней добровольно пошла на страдания и смерть, исполнив завет Христов: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15,13).

5 июля, когда Православная Церковь празднует память преподобного Сергия Радонежского (день ангела покойного супруга Елисаветы Федоровны великого князя Сергея Александровича), Елисавету Федоровну с инокиней Варварой Яковлевой разбудили ночью и повезли по дороге в направлении деревни Синячихи. Вместе с ними на нескольких повозках везли членов императорской фамилии: великого князя Сергея Михайловича с секретарем Федором Ремезом, сыновей великого князя Константина Константиновича Иоанна, Константина и Игоря, а также князя Владимира Палея. Примерно в 18 километрах от Алапаевска, недалеко от дороги, находился заброшенный рудник. Одну из шахт рудника, Нижнюю Селимскую, палачи избрали для осуществления своего зверского замысла. Шахта имела в глубину около шестидесяти метров, бревенчатые стены ее полусгнили, внизу стояла вода.

Избивая прикладами невинные жертвы, палачи стали сбрасывать их в шахту, обрекая на медленную ужасную смерть. Оказавшийся вблизи шахты местный крестьянин видел это.

Первой столкнули в зияющий провал великую княгиню Елисавету. Осенняя себя крестным знаменем, она громко молилась: «Господи, прости им, не знают, что делают!» Остальных мучеников, кроме великого князя Сергея Михайловича, боровшегося с палачами и убитого выстрелом в голову, также столкнули в шахту живыми.

Когда сбросили всех, палачи стали бросать в шахту ручные гранаты. Однако как показали последующие раскопки, кроме Федора Ремеза, остальные мученики умирали, по-видимому, медленной смертью от жажды, ранений и голода.

Великая княгиня инокня Елисавета упала не на дно шахты, а на выступ, находившийся на глубине около 15 метров. С нею рядом при раскопках нашли князя Иоанна с перевязанной головой - мученица Елисавета, сама сильно израненная, сделала ему в темноте перевязку из своего апостольника.

Крестьянин, случайный свидетель, слышал, как из глубины шахты раздалась Херувимская песнь. Ее пели новые мученики.

Когда тело мученицы было обнаружено, оказалось, что пальцы ее правой руки были сложены для крестного знамения. Так же были сложены пальцы и у инокини Варвары и князя Иоанна.

На груди Елисаветы Федоровны была найдена икона Спасителя. На оборотной стороне иконы была надпись «Вербная суббота, 13 апреля 1891 г.». Это дата перехода великой княгини Елисаветы Федоровны в Православие. Икону она с молитвой прижимала к себе во время страшных предсмертных часов.

Тела мучеников были омыты, одеты в белые одежды и положены в деревянные гробы. Вечером 5 октября 1918 года многочисленным духовенством было отслужено заупокойное всенощное бдение. На следующий день был совершен крестный ход из Свято-Троицкого собора к кладбищенской церкви, где была отслужена панихида. Под пение «Святый Боже...» гробы перенесли в собор. Там после заупокойной литургии прошло отпевание мучеников.

В связи с приближением красногвардейских вооруженных отрядов тела мучеников были перевезены в Читу и установлены в женском Покровском монастыре. В монастыре гробы вскрывали. Тело мученицы великой княгини инокини Елисаветы не было тронут тлением. Монахини омыли тела мучениц великой княгини Елисаветы и инокини Варвары и облачили в монашеские одеяния. В апреле 1920 года тела их были доставлены в Пекин.

Сестра и брат Елисаветы Федоровны, узнав, где находятся останки погибших, пожелали, чтобы нетленные тела великой княгини Елисаветы и инокини Варвары были перевезены в Иерусалим и похоронены у храма святой Марии Магдалины, на освящении которого в 1888 года присутствовала Елисавета Федоровна. Желание было исполнено, и гробы были установлены в усыпальнице храма святой Марии Магдалины.

Светлым прекрасным видением прошла великая княгиня преподобномученица Елисавета по земле Российской. Отказавшись от своего блестящего положения, преодолев вероисповедные и национальные преграды, она, немка-протестантка по рождению и воспитанию, приняла Православие, создала русскую православную монашескую обитель, совершила множество подвигов милосердия и завершила земную жизнь добровольной мученической смертью, до конца оставшись верной своему христианскому долгу.

В настоящее время мощи преподобномучениц великой княгини Елисаветы и инокини Варвары пребывают в храме святой Марии Магдалины в Иерусалиме.

Деянием Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви в 1992 году преподобномученицы великая княгиня Елисавета и инокиня Варвара были канонизированы в лике святых для общецерковного почитания.

Память им совершается в день мученической кончины 5 июля и в день Собора новомучеников и исповедников Российских (переходящее празднование в последнее воскресенье января).

Преподобный СЕРАФИМ Саровский, Память 19 июля

Преподобный Серафим Саровский родился 19 июля 1759 (по другим данным - 1754) года в древнем Курске, в именитой купеческой семье Исидора и Агафьи Мошниных. Во Святом Крещении был наречен Прохором в честь апостола от семидесяти и одного из первых семи диаконов Христовой Церкви. Родители его, занимавшиеся строительством каменных зданий и храмов, были людьми богоугодной жизни, отмеченной добродетелью и трудолюбием. Незадолго до своей кончины (+ 1762) Исидор Мошнин приступил к возведению величественного храма в честь Казанской иконы Божией Матери и Преподобного Сергия Радонежского (с 1833 года - курский Сергиево-Казанский кафедральный собор). Его строительство было завершено матерью Прохора.

Примером своей жизни она воспитывала сына в христианском благочестии и всегдашней радости о Боге.

Покров Божий над Прохором проявился с его ранних лет: Господь сохранил младенца невредимым, когда он, оступившись, упал со строящейся колокольни. Отроком Прохор был чудесно избавлен от тяжкого недуга по молитве перед чудотворной иконой Пресвятой Богородицы «Знамение»: во время болезни он был удостоен видения Божией Матери, Которая обещала вскоре вновь посетить его и исцелить. С тех пор молитвенное прославление Царицы Небесной стало для преподобного постоянным. После болезни Прохор с усердием продолжил учение. Он быстро постигал церковную грамоту, ежедневно читал Священное Писание, духовно-назидательные книги, обнаруживая при этом светлый ум и ясную память, украшая себя кротостью и смирением. Со временем Прохора начали обучать торговому делу, которым занимался его брат Алексей. Работа эта не привлекала отрока, и он выполнял поручения, исключительно повинаясь старшим. Более всего Прохор возлюбил постоянное пребывание в храме, сердечную молитву и непрестанное размышление о Боге, предпочитая суете мира уединение и безмолвие. Возрастало его стремление к иноческой жизни. Благочестивая мать не противилась этому и благословила сына медным Распятием, которое он всегда открыто носил на груди до самой кончины.

Прежде чем принять постриг, Прохор вместе с пятью сверстниками, из которых четверо по его примеру посвятили жизнь служению Богу, отправился в Киев на поклонение святым угодникам Печерским и за наставлениями к старцам. Подвизавшийся близ Лавры прозорливый старец-затворник Досифей*, которого посетил Прохор, одобрил намерение юноши принять иночество и указал на Саровскую пустынь, как на место его спасения и подвигов: «Гряди, чадо Божие, и пробуди тамо. Место сие будет тебе во спасение. С помощью Божией там окончишь ты и свое земное странствование. Святой Дух, Сокровище всех благих, управит жизнь твою во святине».

(* С именем «Досифей» подвизалась в затворе в Китаевской обители девица (старица) высокой духовной жизни (в миру Дарья Тяпкина; + 1776).)

20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, Прохор прибыл в Саровскую обитель, где с любовью был принят как послушник ее настоятелем, кротким и смиренномудрым иеромонахом Пахомием, и отдан в научение старцу иеромонаху Иосифу, казначею. Подражая старцам, Прохор раньше других приходил в храм, неподвижно, с закрытыми глазами выстаивал богослужение до конца и уходил последним, жалея, что человек не может беспрерывно, подобно Ангелам, служить Богу.

Находясь на келейном послушании, Прохор со смирением выполнял и другие монастырские работы: в хлебне (хлебопекарне), просфорне и в столярне, был будильщиком и пономарем. Никогда он не бывал праздным, но постоянной работой старался оградить себя от скуки, считая ее одним из опаснейших - ибо рождается от малодушия, беспечности и празднословия - искушений для новоначальных иноков, которое врачуетса молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением.

По примеру некоторых монахов пустыни Прохор, испросив благословения у своего наставника, в свободные часы уходит в лес для уединения, Иисусовой молитвы и духовных размышлений. Его подвижничество обратило на себя внимание братии и снискало отеческую любовь старцев. Так, во время тяжелой болезни Прохора они неотлучно находились при нем, заботясь о его выздоровлении. Почти три года безропотно выносил он сильные страдания, отклонив врачебную помощь и предав себя всецело «истинному Врачу душ и телес - Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери». Когда состояние Прохора значительно ухудшилось, о его здравии были отслужены всенощное бдение и Божественная литургия. Причастившись Святых Христовых Тайн, он вскоре сподобился чудесного видения Пресвятой Богородицы.

Возложив на голову больного руку, Она даровала ему выздоровление, сказав сопровождавшим Ее апостолам Петру и Иоанну Богослову: «Сей - от рода Нашего».

На месте явления Пречистой Девы Марии по Промыслу Божию был сооружен больничный храм. Сбор пожертвований на его строительство как новое послушание взял на себя Прохор. Он же изготовил престол из кипарисового дерева для одного из приделов - преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, чудотворцев, в котором в память о великой милости Божией к нему положил за правило причащаться Святых Христовых Тайн до конца своих дней.

18 августа 1786 года иеромонахом Пахомием, настоятелем обители, Прохор был пострижен в монашество с именем Серафим*, столь хорошо выражавшим его горячую любовь ко Господу, а спустя год посвящен во иеродиакона епископом Владимирским и Муромским Виктором (Онисимовым; + 1817). В продолжение шести лет он ежедневно совершал богослужения, проводя в храме все время, свободное от монастырских послушаний. Господь укреплял его Небесными видениями: неоднократно созерцал преподобный святых Ангелов, сослужащих братии и поющих в храме, а за Божественной литургией в Великий Четверток удостоился лицезреть Господа Иисуса Христа в окружении Небесных Бесплотных Сил. Видение это усилило ревность подвижника к отшельничеству: днем он трудился в обители, а вечером удалялся в лес, где в пустынной келье ночью предавался молитве и богомыслию.

(* «Серафим» - с древнееврейского «пламенный». Серафимы - высшие и ближайшие к Богу чины Ангельские, имеющие пламенную к Нему любовь.)

2 сентября 1793 года по ходатайству старцев преподобный Серафим был рукоположен во иеромонаха епископом Тамбовским и Пензенским Феофилом (Раевым, + 1811).

«Благодать, даруемая нам Приобщением, - говорил он священнику Дивеевской общины отцу Василию Садовскому, - так велика, что как бы ни недостоин и как бы ни грешен был человек, лишь бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступал ко Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, - и будет очищаться благодатию Христовую, все более и более светлеть, совсем просветлеет и спасется...» Тот, кто благоговейно приобщается Святых Христовых Тайн (а приступать к Причащению, по словам преподобного Серафима, «чем чаще, тем лучше»), тот «будет спасен, благополучен и на самой земле долговечен». Наставляя других, старец сам следовал этому правилу неизменно всю жизнь.

1794 год отмечен скорбным для обители событием: скончался настоятель пустыни иеромонах Пахомий, так много сделавший для ее устройства. По желанию почившего настоятеля преподобный Серафим принимает на себя попечение о Дивеевской женской общине* и не оставляет ее сестер без духовного окормления и материального обеспечения.

(* Основана в 1780 году помещицей Агафьей Семеновной Мельгуновой (в монашестве - Александрой; + 1789) для совместного проживания благочестивых вдов. В 1842 году соединена с Мельничной девичьей общиной, устроенной преподобным Серафимом в 1827 году по наставлению Пресвятой Богородицы. Обе общины и составили Серафимо-Дивеевскую общину, которая в 1861 году была преобразована в женский монастырь - самый многочисленный к тому времени в России (к началу XX века в нем насчитывалось около 1000 сестер). Первой настоятельницей была игуменья Мария. В 1991 году монастырь возвращен Русской Православной Церкви.)

20 ноября 1794 года, в годовщину своего прибытия в Саровскую обитель, преподобный испрашивает у настоятеля иеромонаха Исаяи благословение на новый подвиг - пустынножительство и поселяется в глухом лесу в нескольких километрах от монастыря. По благочестивому обычаю он дает разным местам вокруг своей деревянной избушки названия в память о событиях земной жизни Спасителя: Вифлеемская пещера, град Иерусалим, река Иордан, поток Кедрон, Голгофа...

В «дальней пустыньке», как любил называть свое уединенное жилище святой старец, он ежедневно совершает молитвенное правило по строгому уставу древних пустынножительных обителей, а также по чинопоследованию, им самим составленному и известному как «келейное правило отца Серафима», нередко полагая при этом до тысячи поклонов.

С неизменным усердием он читает святоотеческие и богослужебные книги, Священное Писание и особенно Евангелие, с которым никогда не расставался, прочитывая в течение недели весь Новый Завет (в понедельник - Евангелие от Матфея, во вторник - Евангелие от Марка, в среду - Евангелие от Луки, в четверг - Евангелие от Иоанна, в пятницу - Деяния святых апостолов, в субботу - Соборные послания апостолов и Послания апостола Павла, в воскресенье - Апокалипсис) и называя его «снабдением души» (т. е. сохранением, спасением от всего пагубного), по руководству которого должно устроить и жизнь свою.

В часы труда старец рубит дрова в лесу, заготавливает на болоте мох, работает на пчельнике и возделывает огород, устроенный близ келий, наизусть воспевая церковные песнопения.

Одеждой преподобному служил один и тот же белый полотняный балахон; также носил он старую камилавку и лапти, а в ненастную погоду - подрясник из черного толстого сукна да кожаные полумантию и чулки-бахилы. Вериги и власяницу для умерщвления плоти он никогда не надевал, говоря: «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды по-евангельски, вот и вериги наши, вот и власяница».

Образ жизни старца был до крайности суров. Даже в сильные морозы его келья не отапливалась. Спал он, сидя на полу и прислонившись спиной к стене, либо положив под голову камень или поленья. Делал он это «ради умерщвления страстей».

Сам добывая себе пропитание, преподобный соблюдал очень строгий пост, питаясь один раз в сутки преимущественно овощами да черствым хлебом, небольшими запасами которого он делился с птицами и дикими животными. Не раз видели, как старец из рук кормил огромного медведя, служившего ему. Не вкушая пищу в среду и пятницу и в первую седмицу Святой Великой Четыредесятницы, преподобный Серафим со временем отказался от помощи со стороны обители, усилил воздержание и пост, питаясь около трех лет лишь травой снытью*, которую сам сушил, заготавливая на зиму.

(* «Сныть» - многолетнее травянистое растение, молодые побеги съедобны; другие названия: борщовник, дягица, заячья капуста.)

Стремясь к безмолвию, старец оградил себя от посетителей, однако иноков, желавших уединения, принимал ласково, не отказывая в наставлениях, но благословение на такой подвиг старался не давать, зная, какие искушения от диавола приходится претерпевать в уединении.

И действительно, враг рода человеческого принуждал преподобного Серафима «мысленной бранью» оставить подвиги и отказаться от спасения души. Но с Божией помощью, ограждая себя молитвой и крестным знамением, старец побеждал искушителя.

Восходя от силы в силу, подвижник усугубил труды, взяв на себя особый подвиг - столпничество. Каждый вечер на закате преподобный поднимался на большой гранитный камень, лежавший в лесу на полпути от обители к его келье, и до рассвета с воздетыми к небу руками повторял молитву мытаря «Боже, милостив буди мне, грешному». С наступлением утра он возвращался в келью и в ней, чтобы уравнивать ночные подвиги с дневными, вставал на другой, малый камень, принесенный из леса, и оставлял молитву лишь для краткого отдыха и подкрепления тела скудной пищей. Тысячу дней и ночей, несмотря на мороз, дождь, зной и стужу, продолжал он это молитвенное стояние. Посрамленный диавол, оказавшись бессильным духовно преобладать старца, задумал умертвить его и наслал разбойников, которые, угрожая расправой, стали требовать у него денег. Не встретив сопротивления, они жестоко избили подвижника, проломив ему

голову и сломали несколько ребер, а затем, все сокрушив в келье и ничего не найдя, кроме иконы и нескольких картофелин, бежали, устыдившись своего злодеяния.

Утром преподобный с трудом добрел до обители. Восемь суток страдал он от нестерпимой боли, отказавшись от помощи врачей, вызванных настоятелем, предоставив свою жизнь воле Господа и Пречистой Его Матери. И когда надежда на выздоровление, казалось, исчезла, Пресвятая Богородица явилась старцу в тонком сне в сопровождении апостолов Петра и Иоанна Богослова и даровала ему исцеление, произнеся слова: «Сей - от рода Моего». В тот же день преподобный встал с постели, но еще пять месяцев пробыл в монастыре до полного выздоровления. Старец остался навсегда согбенным и ходил, опираясь на топорик или на посох, однако обидчиков простил и просил не наказывать.

Возвратившись в «дальнюю пустыньку», преподобный Серафим не изменил прежнего уклада жизни. По смерти настоятеля и своего духовного руководителя иеромонаха Исайи он принял обет молчания, сравнивая его с крестом, «на котором человек должен распять себя со всеми страстями и похотями». Жизнь его становится еще более сокрытой для окружающих: безмолвствует не только пустынь, безмолвствуют и уста старца, отрешившегося от всех житейских помыслов. «Паче всего должно украшать себя молчанием, - любил он впоследствии повторять наставления отцов Церкви, - ибо молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголением же ни единого... Молчание есть таинство будущего века», которое «приближает человека к Богу и делает его как бы земным Ангелом», «слова же - орудия суть мира сего». Преподобный Серафим не выходил более к посетителям и, если встречал кого в лесу, падал ниц и не вставал, пока прохожий не удалялся.

По причине болезни ног он уже не мог посещать обитель. Пищу ему один раз в неделю приносил послушник, которого старец встречал со сложенными крестообразно на груди руками и отпускал, не взглянув на него и не произнеся ни слова. Только иногда он клал на лоточек частицу хлеба или немного капусты, давая тем самым знать, что следует принести в следующее воскресенье. В безмолвии преподобный провел около трех лет.

Благодатным плодом его подвижнической жизни явилось стяжание «мира души», который он считал драгоценным даром Божиим, самым важным делом в жизни христиан. «Пост, молитва, бдение и всякие другие дела христианские, - говорил преподобный обращавшимся к нему монахам, - сколь ни хороши сами по себе, однако не в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средством для достижения ее. Истинная цель жизни нашей христианской есть стяжание Духа Святого Божия».

«Радость моя, - наставлял старец - молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя».

Обеспокоенные долгим отсутствием старца, новый настоятель игумен Нифонт и старшие из братии пустыни предложили преподобному Серафиму или приходить в монастырь по воскресеньям для участия в богослужении и причащения Святых Христовых Тайн, или совсем вернуться в обитель. Старец избрал последнее, будучи не в силах преодолевать большие расстояния. Но, поселившись спустя 15 лет в прежней келье, он продолжил подвиг молчания, никуда не выходя и никого не принимая, кроме больничного служки и священника, приносившего ему Святое Причастие. Началась жизнь в затворе перед иконой Божией Матери «Умиление», которую преподобный с любовью называл «Всех радостей Радость». Дубовый гроб, сделанный его руками и установленный по его просьбе в сенях, напоминал ему о часе смертном.

Неведомы подвиги старца в затворе, однако известно, что именно тогда преподобный Серафим удостоен был восхищения в Небесные обители.

Вспоминая о пережитом при этом блаженстве, святой старец впоследствии так наставлял послушника: «Если бы ты знал, какая сладость ожидает душу праведного на Небесах, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келья наша (при этом он показал рукою на свою) была

полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той Небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни вздыхания; там сладость и радость неизглаголаные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той Небесной славы и радости не мог изъяснить и сам святой апостол Павел, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту Горнего селения, в котором водворяются души праведных?!

О той радости и сладости Небесной, которую там вкушал, сказать тебе невозможно». По свидетельству послушника, в конце беседы старец преобразился настолько, что стал как бы не от мира сего, являя собой воочию образ земного Ангела и Небесного человека.

После пяти лет затвора преподобный, по особому ему откровению, раскрыл двери своей келий для всех ищущих духовного руководства, но еще не скоро снял обет молчания. Поучая приходящих лишь примером безмолвного жития, он стал готовить себя к служению людям.

25 ноября 1825 года Пресвятая Богородица в сопровождении святителей Римского Климента и Александрийского Петра явилась преподобному Серафиму в сонном видении и повелела выйти из затвора для врачевания немощных человеческих душ. Началось восхождение на высшую ступень монашеского подвига - старчество. К тому времени преподобный Серафим стяжал чистоту души и сподобился от Господа дара прозорливости и чудотворения. Он равно видел прошедшее и провидел будущее и давал советы, исполненные духа премудрости и добра.

На вопрос собеседника о том, каким образом он может, даже не выслушав нужды странника, провидеть его сердце, старец говорил: «Как железо ковачу, так я передал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю». «Сердце человеческое открыто одному Господу, и один Бог - Сердцеведец... А я, грешный Серафим, первое помышление, являющееся в душе моей, считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывается воля Божия для его пользы».

По молитве преподобного исцелялись многие, чьи тяжкие недуги не поддавались земному врачеванию. Первым, на ком проявилась его чудотворная сила, был Михаил Васильевич Мантуров - нижегородский помещик, вынужденный оставить военную службу из-за неизлечимой болезни. Воспоминания очевидцев сохранили подробности этого события, происшедшего в келье старца за два года до его выхода из затвора.

Получив от Мантурова искренние и горячие заверения в безусловной вере в Бога, преподобный обратился к нему со словами: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога. А потому веруй, что и тебя исцелит Господь. А я, убогий Серафим, помолюсь». Знаменуя болящего елеем, святой старец произнес: «По данной мне от Господа благодати я первого тебя врачую». Тут же выздоровев, Мантуров с восторгом бросился к ногам подвижника, но был тотчас поднят преподобным, который строго сказал ему: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Это - дело Единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает. Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!» - .

В знак благодарения за оказанную милость Божию «Мишенька», как любил называть его преподобный, возложил на себя подвиг добровольной нищеты и всю свою жизнь посвятил устройству Дивеевской женской обители, исполняя деловые поручения старца.

Среди восставших от одра болезни и «служба» преподобного - симбирский помещик Николай Александрович Мотовилов, все последующее время находившийся под руководством старца и в общении с ним записавший его замечательные поучения о цели христианской жизни.

Оставив затвор, подвижник, по обычаю, стал удаляться в свою новую, «ближнюю пустыньку», устроенную недалеко от монастыря, в лесу, рядом с «богословским» родником, вода которого, по его молитве, стала совершать чудесные исцеления. Проводя здесь день в духовных и телесных трудах, старец к вечеру возвращался в обитель. При этом шел он, опираясь на палку, неся в руке топорик, а за плечами котомку, наполненную песком и камнями, поверх которых всегда лежало Евангелие. Когда же его спрашивали, для чего он носит такую тяжесть, старец смиренно отвечал словами преподобного Ефрема Сирина: «Томлю томящего мя».

Со всех концов России устремились в Саровскую обитель люди, желавшие получить от угодника Божия благословение. С самого раннего утра и до позднего вечера дверь его кельи в «ближней пустыньке» была открыта для всех, и не знало сердце преподобного различия между ними. Он не тяготился ни числом посетителей, ни их душевным состоянием. К каждому, видя в нем образ Божий, относился старец с любовью: всех встречал земным поклоном, целованием и неизменным пасхальным приветствием: «Радость моя, Христос воскрес!»

Для каждого у него находилось особое слово, которое согревало сердце, снимало пелену с глаз, озаряло ум, производило глубочайшее впечатление даже на маловерных, обращая их на путь спасительного покаяния.

Последние годы своей жизни преподобный Серафим постоянно заботился о Мельничной девичьей общине. Устроенная по повелению Пресвятой Богородицы в Дивееве, обитель эта явилась четвертым уделом Царицы Небесной на земле, местом Ее преимущественного благодатного попечения. По свидетельству старца, Божия Матерь Сама обошла эту землю, дав ему обещание быть всегдашней ее Игуменьей. Впоследствии вокруг общины была проложена канавка, начал которую преподобный. «Канавка эта, - говорил он, - стопочки Божией Матери. Тут ее обошла Сама Царица Небесная. Эта канавка до Небес высока. И как антихрист придет, везде пройдет, а канавки этой не перескочит».

Несмотря на преклонные годы старец усердно трудился над сооружением первых монастырских построек - мельницы, келий и храма Рождества Христова, заготавливая для этого лес, купленный на пожертвования своих посетителей. Он же составил и устав обители, воспитывавший сестер в духе любви, послушания и непрестанного подвига. Претерпевая за свое отеческое попечение о дивеевских сиротах клевету и оскорбления, старец так отвечал монахам, осуждавшим его труды: «Исповедую и Богом свидетельствую, что ни единого камешка я по своей воле у них не поставил, ниже слова единого от себя не сказал им и ни единую из них не принимал я по желанию своему, против воли Царицы Небесной». Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря хранит пророчества преподобного о судьбах обители, и всем им суждено было сбыться.

На склоне лет преподобный Серафим удостоился еще одного, двенадцатого и последнего при жизни, посещения Пресвятой Богородицы, которое последовало 25 марта 1832 года, в праздник Ее Благовещения, и явилось как бы указанием на его блаженную кончину: дав старцу обещание помощи и заступничества в земных трудах, в устройении Дивеевской обители, Царица Небесная сказала: «Скоро, любимиче Мой, будешь с Нами».

Получив откровение о грядущей кончине, преподобный стал к ней усердно готовиться. Силы старца заметно слабели, он не мог каждый день, как прежде, ходить в свою пустыньку и принимать многочисленных посетителей. «Мы не увидимся больше с вами, - говорил он своим духовным детям. - Жизнь моя сокращается; духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв». Он искал уединения, подолгу предаваясь горестным размышлениям о несовершенстве земной жизни, сидя у гроба, приготовленного на случай его кончины. Но даже в эти дни, собираясь духом перейти в Небесные обители, старец не переставал заботиться о спасении человеческих душ, призывая пастырей повсюду сеять преподанное им слово Божие: «Сей на благой земле,

сей и на песке, сей на камне, сей при пути, сей и в тернии; все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро».

Накануне дня кончины преподобный Серафим пришел, по обычаю, в любимую им больничную Зосимо-Савватиевскую церковь к Божественной литургии, причастился Святых Христовых Тайн, положил земные поклоны перед образами Господа Иисуса Христа и Божией Матери, поставил свечи ко всем иконам и приложился к ним, благословил и поцеловал братию, простился со всеми и сказал: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь нам венцы готовятся».

Несколько раз в тот день он подходил к месту у собора, которое выбрал для своего погребения, и подолгу там молился. Вечером из его келий доносились пасхальные песнопения, а утром 2 января 1833 года старец иеромонах Серафим был найден коленопреклоненным, с крестообразно сложенными на груди руками, перед иконой Божией Матери «Умиление»: его чистая душа во время молитвы была взята к Престолу Господа Вседержителя.

Тело почившего старца было положено в сделанный его руками дубовый гроб и предано земле с правой, южной стороны от алтаря Успенского собора.

В продолжение семидесяти лет со дня кончины старца отца Серафима множество людей с верой в предстательство его пред Господом приходили к могиле подвижника, находя здесь утешение в своих скорбях и облегчение в страданиях. Ожидание прославления и уверенность в этом были столь сильны в народе, что задолго до канонизации в честь Саровского чудотворца готовились престолы, создавались жизнеописание и церковный образ. Верующий народ увидел в старце Серафиме самые дорогие и сокровенные черты подвижника Православия, навсегда поставив его как Духовника земли Русской в одном ряду с другим печальником и молитвенником о нас, игуменом земли Русской - преподобным Сергием Радонежским.

26 января 1903 года определением Святейшего Синода старец иеромонах Серафим был прославлен в лике святых. 19 июля, в день рождения преподобного, с великим торжеством, в присутствии царской семьи и при многочисленном стечении народа, совершилось открытие его честных и многоцелебных мощей. Святой старец провидел это событие, как и судьбу России, предупреждая ее о грядущих тяжелых испытаниях и гонениях на православный народ. «У нас (в Сарове) какая будет радость! Среди лета запоют Пасху! А народу-то, народу-то - со всех сторон! - И, немного помолчав, добавил: Но эта радость будет на самое короткое время; что далее будет... такая скорбь, чего от начала мира не было! Ангелы не будут поспевать принимать души». При этих словах слезы текли у него из глаз.

Несмотря на то, что после революции были закрыты Саровская и Дивеевская обители и исчезли мощи преподобного Серафима, православный народ жил в надежде, что рано или поздно бесценная святыня будет обретена вновь. И Господь удостоил нас этой духовной радости.

11 января 1991 года в городе на Неве после долгих лет сокрытия честные мощи преподобного Серафима были вторично обретены и переданы Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. 7 февраля они были торжественно перенесены в Москву, в Богоявленский патриарший собор, для поклонения верующих, а 23 июля крестным ходом препровождены в Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь к месту земных подвигов старца.

Почитание Саровского подвижника особое у верующего народа. И жизнью, и молитвенным предстательством он близок душе православного человека, незримо пребывая с ним в его страданиях, испытаниях и упованиях. Потому по всей Руси и в храмах, и в домах находятся его святые иконы.

Преподобного Серафима чтят как Православные Церкви, так и христиане инославные. В ряде стран с именем Саровского чудотворца неразрывно связаны

представления не только о русском православном монашестве и его нравственных богатствах, но и о характерных чертах православной духовности вообще.

Его наследие, этот неиссякаемый источник мудрости, изучается, а жития издаются в Греции, Франции, Австрии, Бельгии, США и других странах. Исполняется предсказание старца, данное им Н. А. Мотовилову: «Господь поможет Вам навсегда удерживать это (учение о Святом Духе) в памяти Вашей... тем более что и не для Вас одних дано Вам разуместь это, а через Вас для целого мира».

Преподобный и Богоносный отец наш Серафим Саровский, всяя России чудотворец, усердный молитвенник и ходатай пред Господом обо всех обездоленных и нуждающихся в помощи.

К нам и нашим потомкам обращены слова, сказанные старцем незадолго до его кончины: «Когда меня не станет, вы ко мне на гробик ходите! Как вам время, вы и идите, и чем чаще, тем лучше. Все, что есть у вас на душе, что бы ни случилось с вами, придите ко мне, да все горе с собой и принесите на мой гробик! Припав к земле, как живому все и расскажите, и я услышу вас, и вся скорбь ваша отляжет и пройдет! Как вы с живым всегда говорили, так и тут! Для вас я живой есть и буду вовеки!»

Память преподобному Серафиму Саровскому совершается дважды в год: 2 января - преставление (1833) и второе обретение мощей (1991) и 19 июля - обретение мощей (1903).

Преподобный ГЕРМАН Аляскинский,

Память 27 июля

Родился преподобный Герман в Серпухове в благочестивой купеческой семье около 1758 года. С самых юных лет возымел отрок Герман великую ревность к благочестию и шестнадцати лет от рождения пошел в монахи. Сначала поступил он в Троицко-Сергиеву пустынь в окрестностях Петербурга. Прожив в Сергиевой пустыни пять или шесть лет, он перешел в Валаамский монастырь.

Всею душою полюбил он величественную Валаамскую обитель; полюбил незабвенного настоятеля ее, великого старца Назария, и всю братию.

На Валааме отец Герман проходил разные послушания. Испытав его ревность в трудах общежития, мудрый старец отец Назарий отпустил его потом на жительство в пустыню. Пустыня эта находилась в глухом лесу, в полутора верстах от обители. Подвиги преподобного на Валааме продолжались пятнадцать лет.

Это было время расширения пределов России на север: деятельностью русских промышленников были открыты Алеутские острова. С открытием островов обнаружилась необходимость просветить светом Евангельским их обитателей. Для этого святого дела по благословению Святейшего Синода высокопреосвященнейший митрополит Гавриил поручил старцу Назарию избрать способных людей из братии Валаамской. Избрано было десять человек, в числе их и отец Герман.

В 1793 году Духовная Миссия, образованная для проповеди христианства и крещения язычников - жителей Аляски и прилегающих к ней островов, отправилась из Петербурга на остров Кадьяк и прибыла на место назначения в 1794 году.

Святою ревностью проповедников быстро разливался свет проповеди Евангельской между новыми сынами России: несколько тысяч язычников приняли христианство; была заведена школа для образования новокрещенных детей, выстроена церковь в месте жительства миссионеров.

Монаху Герману Господь благословил потрудиться в Новом Свете дольше других. Под руководством начальника архимандрита Иоасафа (Болотова) Миссия достигла больших успехов. В 1794 году был освящен первый православный храм Воскресения Христова на острове Кадьяк. В 1799 году архимандрит Иоасаф в Иркутске был

хиротонисан во епископа Кадыякского. Возвращаясь из Иркутска, преосвященный Иоасаф со спутниками погиб во время шторма в океане. Старец Герман фактически стал исполнять обязанности начальника «Кадыякской Миссии». Его хотели посвятить во иеромонаха и удостоить сана архимандрита с последующим назначением в Пекин, но инок отказался от повышения и пребывал до конца дней своих простым монахом, исполняя великий подвиг старчества. Преподобный Герман поистине был пастырем добрым и защищал жителей Кадыяка от произвола колонистов и предпринимателей. Православные миссионеры пришли к жителям Аляски и ее островов с проповедью любви и мира и обращались с приходившими к ним жителями, как с братьями.

Отец Герман жил сначала возле храма Миссии на Кадыяке, впоследствии переселился на близлежащий остров Еловый, который он называл «Новым Валаамом». Его современники были постоянными свидетелями подвижнических трудов отца Германа, его забот о больных во время губительных эпидемий, его бесстрашного заступничества за подвергавшихся насилию. Подвиги и келейные молитвы старца оставались почти неведомыми миру, но не мог укрыться от окружающих свет его благодатной жизни, исполненной самоотречения и нестяжательства. Беседа старца производила на слушавших его неизгладимое впечатление. Особенно поражали собеседников ясность его мысли, четкость и глубина суждений.

Как смотрел отец Герман на туземных жителей Америки, как понимал свое отношение к ним и как сочувствовал их нуждам, выражает он сам в одном из писем к правителю колонии: «Любезному нашему отечеству, - писал он, - Творец как будто новорожденного младенца дать изволил; край сей, который еще не имеет ни сил к каким-нибудь познаниям, ни смысла, требует не только покровительства, но по бессилию своему и слабого ради младенческого возраста - самого поддерживания; но и о том самом не имеет он еще способностей кому-либо сделать свою просьбу. А как зависимость сего народного блага небесным Провидением, неизвестно до какого-то времени, отдана в руки находящемуся здесь русскому начальству, которое теперь вручилось вашей власти, сего ради я, низайший слуга здешних народов и нянька, от лица тех пред вами ставши, кровавыми слезами пишу вам мою просьбу. Будьте нам отец и покровитель. Мы всеконечно красноречия не знаем; но с немотою, младенческим языком говорим: "Отрите слезы беззащитных сирот, прохладите жаром печали тающие сердца, дайте разуместь, что значит отрада!"»

Как старец чувствовал, так и поступал. Помогал нуждающимся чем только мог, - и алеуты и их дети часто посещали его. Кто просил совета, кто жаловался на притеснение, кто искал защиты, кто желал помощи - каждый получал от старца возможное удовлетворение. Любовь отца Германа к алеутам доходила до самоотвержения.

Однажды на корабле из Соединенных Штатов занесена была на остров Ситха, а оттуда на остров Кадыяк повальная заразная болезнь. Смертность была так велика, что три дня некому было копать могилы и тела валялись незарытыми. Во все время этой грозной болезни, продолжавшейся, с постепенным ослаблением, целый месяц, преподобный, не щадя себя, неутомимо посещал больных, увещевал их терпеть, молиться, приносить покаяние или приготавливал их к смерти.

Особенно старался старец о нравственном преуспевании алеутов. С этою целью для детей сирот устроено было им училище; он сам их учил Закону Божию и церковному пению. С этою же целью в часовне близ его келий в воскресные и праздничные дни собирал он алеутов для молитвы. Здесь разные молитвы читал для них его ученик, а сам старец читал Апостол, Евангелие и устно поучал их. Так приятно было его слушать, что беседующие с ним алеуты увлекались его словом и нередко только на закате дня нехотя оставляли его.

Преподобный Герман был сподоблен многих сверхъестественных даров от Бога.

Однажды отец Герман обратил одного морского капитана из лютеранской веры в Православие. Человек этот был весьма образован; кроме многих наук, он знал языки, но

не мог устоять против убеждений и доказательств отца Германа и присоединился к Православной Церкви. Когда он отъезжал из Америки, старец при прощании сказал ему: «Смотрите, если Господь возьмет вашу супругу у вас, то вы никак не женитесь на немке; если женитесь на немке, то она непременно повредит ваше православие». Капитан дал слово, но не исполнил его. Предостережение старца оказалось пророческим. Через несколько лет, действительно, умерла жена у капитана и он женился на немке; вероятно, он оставил или ослабил веру и умер скоропостижно без покаяния.

С кроткою любовью, не смотря на лица, обличал он многих в нетрезвой жизни, недостойном поведении и притеснении алеутов. Обличаемая злоба вооружалась против него, делала ему всевозможные неприятности и клеветала на него, обвиняя преподобного старца в возмущении алеутов против начальства.

Для проверок и расследований присылались «полномочные». Однажды служители обыскивали келью отца Германа, предполагая найти у него большое имущество. Когда не нашли ничего ценного, один из них стал топором выворачивать половые доски. «Друг мой, - сказал ему тогда отец Герман, - напрасно ты взял топор; это орудие лишит тебя жизни!» Через некоторое время потребовались люди в отдаленный форт, и туда из Кадьяка послали русских служителей, в их числе и этого человека; а там местные жители ему сонному топором отсекли голову.

Однажды на Еловом острове случилось наводнение. Жители в испуге прибежали к старцу; тогда он вынес икону Божией Матери на отмель и стал молиться. По окончании молитвы, обратясь к присутствующим, сказал: «Не бойтесь, далее этого места, где стоит святая икона, не пойдет вода». Слово старца исполнилось. Старец обещал такую же помощь и на будущее время.

Барон Ф. П. Врангель по просьбе старца писал под его диктовку письмо одному митрополиту. Когда окончено и прочитано было письмо, старец поздравил барона с чином адмирала. Изумился барон; это была для него новость, которая действительно подтвердилась только через долгое время при выезде его в Петербург.

«Жаль мне тебя, любезный кум, - говорил отец Герман правителю колонии, - смена тебе будет неприятная!» Года через два правитель при смене с должности связанным был отправлен на остров Ситха.

Однажды загорелся на Еловом острове лес. Находясь с учеником своим Игнатием в чаще леса, старец провел на земле полосу и сказал: «Будьте спокойны, огонь не перейдет этой черты!» На другой день огонь с сильным напором достиг черты, но, пробежав вдоль нее, остановился, не коснувшись густого леса, находившегося за чертой.

Часто говорил старец, что в Америке будет свой архиерей, тогда как об этом никто и не думал, да и надежды не было, чтобы в Америке был свой архипастырь, но пророчество его сбылось в свое время.

Незадолго до кончины старец Герман потерял зрение, но хранил полную ясность ума и удивительную память.

Он предсказал духовным чадам время своей кончины и обстоятельства погребения. Повелев возжечь свечи пред иконами, старец блаженно почил при чтении Деяний святых апостолов. Кончина его последовала на 81-м году жизни, 13 декабря 1837 года. Над могилой преподобного Германа был поставлен простой деревянный крест, а впоследствии сооружен и деревянный храм, освященный во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских, чудотворцев.

В 60-х годах прошлого века в России уже было известно о местном почитании преподобного Германа на Кадьяке. В 1867 году один из аляскинских епископов составил записку о его жизни и чудотворениях. Исцеления по молитве старца Германа записывались в течение долгого периода (со времени его жизни и до 1970 года). Впервые сведения о житии преподобного Германа были напечатаны в Валаамском монастыре в 1894 году. В 1927 году русский архимандрит Герасим (Шмалец) прибыл на остров Еловый и оставался там до последних дней своей жизни. В 1952 году были составлены житие и

акафист святому Герману. В 1969 году архимандрит Герасим открыл святые мощи преподобного Германа и положил их в специально построенной небольшой часовне.

9 августа 1970 года, в день памяти святого великомученика и целителя Пантелеймона, на острове Кадьяк было совершено прославление старца Германа, жизнь и труды которого принадлежат к славным страницам истории Русской Православной Миссии в Северной Америке.

Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 1 декабря 1970 года имя преподобного Германа Аляскинского было включено в месяцеслов. Память его празднуется 27 июля.

Святитель Питирим, епископ Тамбовский, Память 28 июля

Святитель Питирим, епископ Тамбовский, в миру Прокопий, родился 27 февраля 1645 (или 1644) года в городе Вязьме Смоленской губернии. Его родители были благочестивыми христианами и привили любовь к Богу и святой Церкви своим детям. Они научили Прокопия с благоговением чтить святые иконы, хранить православные обряды и предания. Изучив грамоту, Прокопий особенно полюбил чтение слова Божия и житий святых отцов и подвижников Церкви Христовой. Это способствовало формированию духовного облика будущего святителя. Мальчик удивлял окружающих трудолюбием, обширными знаниями и зрелостью суждений. Частое посещение храма развило в нем любовь к богослужению и церковному пению. Одаренный тонким художественным восприятием, Прокопий был искусным певцом, а также живописцем. Позднее он написал копии почитавшихся в Вязьме смоленских чудотворных икон. Прокопий строго соблюдал посты, любил молиться и избегал праздных развлечений, детских шалостей и забав, что показывало его высокую аскетическую настроенность. Благоговев перед всеми святыми, Прокопий особенно чтил своего небесного покровителя - преподобного Прокопия Декаполита (VIII; память 27 февраля), в день памяти которого он родился.

Достигнув совершеннолетия и решив всецело посвятить себя Богу, Прокопий попросил благословения родителей и поступил послушником в Вяземский Иоанно-Предтеченский монастырь, основанный преподобным Герасимом Болдинским (+ 1554; память 1 мая). Этот монастырь, расположенный вблизи Вязьмы, отличался строгостью устава, введенного его святым основателем. Вступив на путь монашеских подвигов, инок Прокопий с усердием стал подвизаться в посте, бдении и молитве. Неленостно исполняя возложенные на него монастырские послушания, он к обязательным трудам прилагал добровольные, стараясь никогда не быть праздным, читал наставления и жития святых отцов, стремясь в своей жизни подражать их подвигам.

На двадцать первом году жизни Прокопий был пострижен в монашество с именем Питирим. Через некоторое время он был рукоположен во иеродиакона и во иеромонаха.

Своей подвижнической жизнью будущий святитель заслужил уважение монастырской братии и был избран во игумена. Опытный в духовной жизни, святой игумен умело управлял братией, милосердием и кротостью исправляя заблудших, примером своей жизни побуждал иноков к большему подвигу. В 1684 году он был возведен в сан архимандрита. Заботясь об укреплении в иноках духа строгого подвижничества, святой Питирим в своем служении проявил особую любовь к благолепию храмов. Под руководством мудрого наставника Предтеченская обитель достигла духовного расцвета.

Святой Питирим отличался глубоким смирением и кротостью. В своих трудах он все упование возлагал на помощь Божию.

С 1681 года, когда Вязьма отошла к Смоленской епархии, в Предтеченском монастыре поселился викарный епископ Смоленского митрополита. 1 сентября 1684 года святой Питирим по благословению Патриарха Иоакима (1674-1690) получил новое церковное послушание - был назначен на Тамбовскую кафедру. 15 февраля 1685 года, в Неделю блудного сына, в Успенском соборе в Москве Святейший Патриарх Иоаким рукоположил его во епископа. Однако в Тамбов святитель отправился не сразу. Очевидно, на некоторое время он был оставлен при Патриархе. Во время пребывания в Москве святитель Питирим изучил положение и нужды Тамбовской епархии и разработал план необходимых мероприятий для укрепления благочестия в своей пастве и распространения христианства среди иноверцев, составлявших большинство населения того края. Это были непросвещенные светом Христовой веры язычники (мордва, черемисы, мещера), магометане (татары), а также раскольники. Также здесь было много ссыльных и беглых преступников. Святителю Питириму предстояло бороться с язычеством, сектантством и грубостью нравов. Укрепив себя на предстоящий подвиг постом и молитвой и испросив благословение у мощей Московских святителей и чудотворцев и преподобного Сергия, святитель Питирим в начале 1686 года выехал в Тамбов. По пути он заехал в Воронеж для духовной беседы со святителем Митрофаном Воронежским (память 23 ноября и 7 августа).

Торжественная встреча в первом же городе Тамбовской епархии - Козлове смутила смиренного святителя, поэтому в Тамбов он въехал еще до восхода солнца в сопровождении нескольких монахов и своего келейника Василия, а в храме за ранним богослужением встретили его лишь немногие благочестивые христиане.

Из сохранившихся в записях дел святителя Питирима первым по прибытии на Тамбовскую кафедру значится выдача во дни Святой Пасхи 1686 года грамоты Козловскому монастырю на построение каменного соборного храма во Имя Святой Троицы. Повсюду стали строиться храмы, благолепному украшению которых святитель Питирим придавал особое значение. Дело это было особенно трудным, но умелое руководство святителя позволило при малочисленных средствах достигнуть в этом значительных результатов. В Тамбове было построено несколько храмов - свой для каждой слободы города. После кончины святителя в епархии было 168 храмов.

Особую пастырскую заботу проявил святитель о монастырях. По его инициативе были построены мужской Тригуляевский во имя Крестителя Господня Иоанна (1691) в семи верстах от Тамбова, в пустынном, окруженном лесами месте, и женский Вознесенский в Тамбове (1692), игуменьей которого стала сестра святителя Екатерина. Тонко чувствуя красоту родной природы, которая возбуждала в нем молитвенную благодарность Творцу видимого мира, святитель Питирим при всякой возможности гулял в окрестностях Тамбова и предавался богомыслию. Однажды (было это 15 сентября 1688 года), совершая прогулку с навестившим его святителем Митрофаном Воронежским и благочестивым иноком Иннокентием, он попросил у них совета - где выбрать место для мужской обители. Так на благословленном тремя благочестивыми мужами месте возник Тригуляевский монастырь.

Стараясь благолепно украшать храмы и монастыри, святитель Питирим заботился и о том, чтобы вид городов и селений был христианским. Так, сразу по прибытии в Тамбов на крепостных воротах и в городских слободах, около караульных постов он установил распятия Христа Спасителя и иконы Божией Матери, которые привез с собой. Ограждая город иконами, святитель вверял его покрову Господа и Божией Матери и возбуждал в жителях благочестие. Привезенная святителем Питиримом копия чудотворной Смоленской иконы Божией Матери, написанная, вероятно, им самим, была поставлена в Преображенском кафедральном соборе Тамбова. Эта икона, привезенная святителем Казанская (написанная предположительно тоже им) и Ильинско-Черниговская, получившая затем название Тамбовской, иконы, и икона Святителя Николая прославились чудотворениями. Девпетерувскую (Питиримовскую) икону Божией

Матери, родительское благословение (святитель не расставался с ней до конца жизни), святой Питирим завещал перед кончиной кафедральному собору.

Много трудов приложил святитель для крещения язычников и магометан и для вразумления раскольников. Край, где прежде процветали грабежи и разбой, благодаря трудам и молитве святителя Питирима стал краем религиозным. Обращения святителя к пастве отличались кротостью и доступностью. Объезжая свою епархию с проповедью учения Христова, святитель словом искренней любви к пастве, кротостью и смирением сеял в душах семена веры и благочестия. Святитель отличался удивительным снисхождением даже к нравственно падшим людям. Со всеми он был одинаково ровен и кроток, как истинный друг и брат. В то же время бывал и по-отечески требователен. Двери его дома были открыты для всех приходивших за советом и помощью. Нетребовательный в личной жизни, он все свои средства тратил на храмы, монастыри и нужды ближних. Избегая всяких удобств, святитель совершал поездки по епархии в простой повозке.

Вновь открытые храмы требовали новых пастырей. Одной из забот святителя Питирима была подготовка кандидатов в священники. Он неукоснительно требовал, чтобы прихожане избирали кандидатами только грамотных людей. В своем доме он устроил специальную школу, где сам готовил избранных к принятию священного сана.

В 1694 году святитель Питирим приступил к строительству каменного кафедрального собора. Он не только внимательно следил за постройкой храма, но и сам участвовал в строительных работах. Закончен собор был уже после кончины святителя. При нем был освящен только южный придел в нижнем этаже - во имя святителя и чудотворца Николая. Новый собор святитель снабдил за свой счет необходимой утварью, ризами (одна из риз святителя Питирима была передана позднее святителю Иннокентию Иркутскому).

Святитель Питирим с детства любил богослужение. Он часто служил и заботился о благоговейном служении, внятном пении и чтении. Нередко он сам становился на клирос, чтобы научить певцов правильному пению. Святитель учил свою паству с благоговением относиться к священным предметам. Заботясь о торжественности богослужений, он установил в праздничные дни крестные ходы из соборного храма в тот храм, где были престольные торжества.

Слава о святительских трудах Тамбовского архипастыря распространилась за пределами епархии. О нем было хорошо известно при дворе Московских государей Иоанна и Петра Алексеевичей, которые неоднократно удовлетворяли прошения святителя Питирима о нуждах епархии. В 1690 году святитель Питирим участвовал в Соборе Русской Церкви, избравшем Святейшего Патриарха Адриана (1690-1700).

На архиерейской кафедре святитель Питирим не только не ослабил подвижнические труды, но еще более усилил монашеские подвиги. Среди благочестивых душевных занятий он не оставлял и физический труд. Около архиерейского дома святитель своими руками ископал колодец, над которым позднее была построена часовня. С 1868 года к колодцу стал совершаться крестный ход для освящения воды. Однажды во время тяжелой болезни святителя Питирима Господь утешил его дивным видением. Во время молитвы святитель просил не здоровья и продления жизни, но с любовью и надеждой испрашивал оставления грехов и дарования вечной жизни в Царстве Небесном. Он обратился с просьбой ходатайствовать об этом к своему покровителю, которому молился всю жизнь, - святому Прокопию Декаполиту. Во время этой молитвы ему явился преподобный Прокопий и стал молить о нем Господа. По молитве преподобного в облаке явился Спаситель и благословил святителя Питирима, что после кончины святителя было запечатлено на иконе над его гробницей.

После болезни, во время которой святителю явился Господь и преподобный Прокопий, святитель Питирим прожил еще около трех лет. Но силы не вернулись к нему,

он постоянно недомогал и потому не мог завершить многие из своих начинаний, в частности, достроить кафедральный собор.

Кончина святого последовала 28 июля 1698 года, ему было 53 года. Он был с честью погребен в освященном им Никольском приделе нового кафедрального собора. Над могилой была устроена деревянная резная гробница.

После блаженной кончины святителя Питирима его духовная связь с паствой не прервалась. Память святителя совершалась в Тамбовской епархии местно. От его гробницы совершались исцеления больных. В начале XIX века в Тамбовском кафедральном соборе была заведена книга, в которой отмечались случаи чудесного исцеления. Эти записи свидетельствуют, что к святителю Питириму с просьбой обращались не только православные, но и иноверцы. Божественные откровения побуждали людей со всех концов России ехать в Тамбов за благодатной помощью, истекавшей от гробницы еще не прославленного святого.

28 июля 1914 года святитель Питирим был причислен к лику святых Русской Церкви с определением совершать день церковной памяти 28 июля - в день праведной кончины.

Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский, и иже с ним убиенные священномученик архимандрит Сергей и мученики Юрий и Иоанн, Память 31 июля

Священномученик Вениамин родился в 1873 году в семье сельского священника Олонецкой епархии Павла Казанского и супруги его Марии и получил во святом крещении имя Василий. Окончив Олонецкую духовную семинарию, Василий Казанский поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию.

В студенческие годы окрепла в нем решимость всю свою жизнь посвятить служению Церкви Христовой. На втором курсе, в 1895 году, он принимает монашеский постриг с именем Вениамин, рукополагается в сан иеродиакона, а в следующем году - в сан иеромонаха.

В 1897 году иеромонах Вениамин оканчивает со степенью кандидата Духовную академию, и его назначают преподавателем Священного Писания в Рижскую духовную семинарию. Вскоре петербургское начальство обратило внимание на молодого иеромонаха. В 1898 году он уже инспектор Холмской духовной семинарии, в следующем году переводится на ту же должность в Санкт-Петербургскую духовную семинарию. В 1902 году он был возведен в сан архимандрита и назначен ректором Самарской духовной семинарии. В 1905 году архимандрит Вениамин вновь возвращается в Санкт-Петербург, получив назначение на должность ректора столичной семинарии.

Через несколько лет Господь призывает архимандрита Вениамина к высокому епископскому служению. 24 января 1910 года архимандрит Вениамин был посвящен во епископа Гдовского и назначен викарием Санкт-Петербургской епархии.

Святитель Вениамин особенно любил служить и возвещать слово Божие в храмах на рабочих окраинах Петербурга (с 1914 года - Петрограда) и особенно в церквях Путиловского и Обуховского заводов.

Много делал владыка Вениамин для спасения падших женщин. Воздействие служб, личное обаяние и влияние наставлений епископа Вениамина были столь велики, что многие из них, пробудившись от греховного сна, оставляли свое губительное занятие и возвращались к честной жизни.

Он был искренне любим народом Божиим. Как пастырь добрый, владыка Вениамин всегда находил путь к сердцам простого люда Петербурга. И поэтому, когда в Петроградской епархии проходили альтернативные выборы правящего архиерея,

духовенство и миряне, и в частности, питерские рабочие, избрали на кафедру своего любимого батюшку.

13 августа 1917 года, накануне открытия Поместного Собора Российской Церкви, архиепископ Вениамин был возведен в сан Петроградского митрополита. Новое высокое положение не только не отдалило архипастыря от паствы, но еще теснее духовно сблизило с ней.

После октябрьского переворота служение святителя Вениамина Церкви Христовой, как и многих архипастырей и пастырей, принимает направление, связанное с защитой прав православного народа.

10 января 1918 года митрополит Вениамин обратился в Совет Народных Комиссаров с заявлением, обличающим проект декрета об отделении Церкви от Государства. «Осуществление этого проекта угрожает большим горем и страданиями православному русскому народу», - писал владыка.

13 января была предпринята попытка захвата Александро-Невской лавры вооруженным отрядом матросов и красногвардейцев.

19 января попытка захвата повторилась. Предводитель вооруженного отряда матросов и красногвардейцев потребовал от святителя Вениамина очистить митрополичьи покои, а от епископа Прокопия - сдать им все лаврское имущество. За отказ выполнить это требование епископ Прокопий и все члены Духовного собора были арестованы. В это время с лаврской колокольни раздался набат. Толпы народа стали стекаться в Лавру. Раздались крики: «Православные, спасайте церкви!» Отряд и его предводитель были обезоружены, арестованные освобождены. Монахи успокаивали возмущенную толпу. Один из них, спасая предводителя отряда, увел его через Тихвинское кладбище подальше от толпы.

Тем временем прибыл новый вооруженный отряд. Раздались выстрелы. Смертельно был ранен протоиерей Петр Скипетров. Духовенству потребовалось немало усилий, чтобы удержать людей от сопротивления захватчикам Лавры. На следующий день депутации от рабочих стеклянного и фарфорового заводов, а позже от рабочих Экспедиции изготовления государственных бумаг посетили митрополита Вениамина и выразили ему свою готовность охранять Лавру. В последующие дни многие верующие сутками не покидали Лавру.

Но дело не ограничивалось отдельными случаями захвата имущества Церкви, кощунства, издевательств над пастырями, их ареста и даже убийства. Власти пренебрегающие дерзновенно покушались на само существование Православной Церкви.

Проходивший в Москве Священный Собор, оценивая декрет и действия властей, обратился с «Воззванием» к православному народу, в котором говорилось: «От века неслыханное творится у нас на Руси Святой. Люди, ставшие у власти и назвавшие себя народными комиссарами, сами чуждые христианской, а некоторые из них и всякой веры, издали декрет (закон), названный «о свободе совести», а на самом деле устанавливающий полное насилие над совестью верующих. По этому закону все храмы Божии и святые обители с их святынями и достоянием могут быть у нас отняты... Эти святыни - ваше достояние. Ваши благочестивые предки и вы создали и украсили храмы Божии и святые обители и посвятили это имущество Богу. Оберегайте же и защищайте веками созданное лучшее украшение земли Русской - храмы Божии, не попустите перейти им в дерзкие и нечистые руки неверующих, не попустите совершиться этому страшному святотатству. Лучше кровь свою пролить и удостоиться венца мученического, чем допустить веру православную врагам на поругание.

Мужайся же, Русь Святая! Иди на свою Голгофу! С тобою Крест Святой, оружие непобедимое... А глава Церкви - Христос Спаситель вещает каждому из нас: „Буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота" (Откр. 2,10)"

Тем временем продолжалась мировая война. Митрополит Вениамин сделал распоряжение, чтобы в это тяжелое время, переживаемое городом и епархией, все

епархиальное духовенство оставалось на своих местах. Не должны были вывозиться чудотворные иконы и другие чтимые святыни - они должны были оставаться с народом для его духовного утешения и укрепления.

29 мая в Петроград приехал Святейший Патриарх Тихон. Его присутствие и молитвы ободрили петроградскую паству во главе с митрополитом Вениамином накануне поистине скорбных дней. И такие дни пришли. Положение Православной Церкви становилось все тяжелее. Даже представители других вероисповеданий выражали ей сочувствие.

Летом 1918 года были арестованы и расстреляны протоиерей Философ Орнатский - знаменитый проповедник, много занимавшийся благотворительностью, устроитель детских приютов для бедноты; протоиерей Алексей Ставровский, настоятель Адмиралтейского собора, а осенью - кронштадтский протоиерей Григорий Пospelов.

Патриарх Тихон, мужественно обличая беззакония «вершителей судеб отечества», писал: «Реками пролитая кровь братьев наших, безжалостно убитых по вашему призыву, вопиет к небу и вынуждает нас сказать вам горькое слово правды. Вы разделили весь народ на враждующие между собою станы и ввергли его в небывалое по жестокости братоубийство. Любовь Христову вы открыто заменили ненавистью и, вместо мира, искусственно разожгли классовую вражду. И не предвидится конца порожденной вами войне, так как вы стремитесь руками русских рабочих и крестьян поставить торжество призраку мировой революции».

1919 год не принес облегчения Православной Церкви. Продолжалось закрытие монастырей, было издано распоряжение «о полной ликвидации мощей», а в следующем году духовенство было лишено и многих гражданских прав. Труднейшие годы гражданской войны особенно болезненно переживались в Петрограде. Город был удален от хлебных губерний, что усиливало страдание от голода. Множество жителей бежало: представители состоятельных классов - за границу или на юг России, рабочие - в деревни, где было легче прокормиться. Многие погибли от голода и лишений. К концу гражданской войны в Петрограде оставалась лишь десятая часть довоенного населения. Голод в стране все усиливался и в 1921 году достиг ужасающих размеров, особенно в Поволжье. Летом 1921 года Святейший Патриарх Тихон обратился с воззванием «К народам мира и к православному человеку», а также к главам отдельных христианских Церквей (православным патриархам, римскому папе, архиепископу Кентерберийскому и епископу Йоркскому), призывая всех и на Родине, и за границей откликнуться на народное бедствие, постигшее Россию.

Тогда же Святейший Патриарх основал Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим. Святитель Тихон благословил жертвовать драгоценные церковные украшения и предметы, которые не имели богослужебного употребления. Святитель Вениамин без колебаний согласился оказать такую помощь, заявив, что Церковь Православная, следуя заветам Христа Спасителя и примеру великих святителей, для спасения от смерти погибающих всегда в годину бедствий являла образ высокой христианской любви, жертвуя церковное достояние. При этом он считал необходимым, чтобы пожертвования носили только добровольный характер.

Но правительство признало Церковный Комитет излишним, а добровольность сдачи жертвуемых ценностей - ненужным проявлением либерализма в отношении к Церкви.

Насильственное изъятие церковных ценностей под предлогом помощи голодающим началось в Петрограде в марте 1922 года. Приходское духовенство, запуганное событиями последних лет, относилось к изъятию большей частью пассивно. Однако оно и понимало, что если действия митрополита не будут соответствовать намерениям властей, он будет немедленно устранен.

В это же время деятельное участие в церковной жизни стали принимать «церковники» - так называли многочисленную группу активистов мирян, в основном из

интеллигенции, у которых события революции вызвали большой религиозный подъем. В Петрограде возникло крупное Общество объединенных петроградских православных приходов, куда вошла большая часть всех приходов города. Председателем Правления этого общества состоял профессор Петроградского Университета по кафедре уголовного права Юрий Петрович Новицкий.

Насильственное изъятие церковных ценностей вызывало массовые протесты верующих. Повсеместно народ охранял церкви, в случае появления комиссии по изъятию ценностей набат созывал верующих. Простые люди негодовали и были настроены намного радикальнее духовенства, часто действуя не только без его согласия, но даже и вопреки протестам священников. Наиболее энергично противились изъятию рабочие Путиловского завода. Открыто произвести акцию в путиловской церкви властям так и не удалось; пришлось проделать это ночью, тайком.

Поначалу власти заявляли, что единственная цель декрета об изъятии - помощь голодающим. Но вскоре проявились истинные, «строго секретные» цели правительства: не помощь голодающим, а упрочение безбожной власти, «бешеное и беспощадное» уничтожение духовенства. В ход были пущены ложные обвинения Церкви в контрреволюции, в сопротивлении власти и в ее нежелании помочь голодающим. Одновременно с изъятием ценностей ставилась задача внести раскол в духовенство - власть открыто брала под защиту священников, выступавших за изъятие. 24 марта 1922 года в «Петроградской правде» появилось письмо за подписью будущих столпов «живой церкви»: Красницкого, Введенского, Белкова, Боярского и других. Авторы письма обвиняли духовенство в контрреволюционности, в игре в политику, в народном голоде, требовали немедленной и безусловной отдачи советской власти всех церковных ценностей и т. д. (Введенский, как он сам признался впоследствии, пошел в Церковь, чтобы «стать реформатором и взорвать ее изнутри».) Так начался раскол, которому предстояло под внешними влияниями расширяться и углубляться.

Весной 1922 года, воспользовавшись привлечением Патриарха Тихона к суду, прибывшая в Москву петроградская группа «революционного духовенства» в составе Введенского, Красницкого, Белкова и других путем обмана Патриарха захватила высшую церковную власть в Церкви, образовав свое самочинное «Высшее Церковное управление».

Возвратившись в Петроград, Введенский 25 мая явился к митрополиту Вениамину и предъявил ему «Удостоверение», гласившее, что он «согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона является полномочным членом ВЦУ и командирован по делам церкви в Петроград и другие местности Российской Республики». - «А почему здесь нет подписи Святейшего Патриарха?» - спросил митрополит Вениамин. «Но зато ВЦУ есть, а патриаршая резолюция дана черным чернилом на белой бумаге», - лукаво ответил Введенский. Митрополит Вениамин разоблачил подлог и, осознавая всю меру своей архиерейской ответственности, решительно выдворил новоявленных узурпаторов церковной власти и отлучил их от общения со Святой Церковью, доколе не принесут, по канонам Церкви, покаяния перед своим епископом. Такому отлучению подлежали и все присоединяющиеся к ним. Вскоре после отлучения к митрополиту Вениамину явился Введенский в сопровождении председателя Петроградской ЧК. Они предъявили святителю ультиматум: либо он отменит свое постановление о Введенском, либо против него и ряда духовных лиц по поводу изъятия церковных ценностей будет устроен процесс, в результате которого погибнут и он сам, и наиболее близкие ему. Митрополит спокойно выслушал угрозы и ответил категорическим отказом. Вскоре он был арестован.

В день ареста святитель Вениамин, вернувшись к себе в Александро-Невскую Лавру, застал в своих покоях следователя, многочисленных чекистов и стражу. При обыске в канцелярии присутствовал и Введенский как представитель ВЦУ, явившийся принять канцелярию. Увидев митрополита, он подошел к нему под благословение. «Отец Александр, мы же с вами не в Гефсиманском саду», - спокойно и вежливо сказал владыка, не давая благословения. Священномученику было объявлено, что против него и других

лиц возбуждено дело о сопротивлении изъятию церковных ценностей. Арестованного митрополита Вениамина отвезли в «дом предварительного заключения», где он находился все дальнейшее время до своей мученической кончины. Кроме митрополита к несправедному судилищу были привлечены большинство членов Правления Общества православных приходов, настоятели некоторых церквей, некоторые клирики, профессора духовной академии, Богословского института и университета, студенты и просто люди, схваченные во время уличных беспорядков при изъятии ценностей, - всего 86 человек, большинство которых было взято под стражу.

Митрополит Вениамин и на скамье подсудимых оставался таким, каким был всегда: простым, спокойным, благостным. Он был центром всего процесса. На нем сосредоточивали внимание и враги, и безмерно любившие его верующие.

Другой замечательной личностью на суде был архимандрит Сергей*. Он жаждал пострадать за веру. Отсюда его пламенные, вдохновенные речи на процессе. Очевидцам процесса архимандрит Сергей напоминал мученика первых веков христианства, радостно торжествующего перед лицом изумленных палачей, в то время как митрополит являл образ древнего подвижника, благостного, спокойного, ушедшего от мира и полностью погруженного в созерцание и молитву.

(* Архимандрит Сергей, в миру Василий Павлович Шейн, родился в 1866 году в деревне Колпна Новосельского уезда Тульской губернии. Окончил училище правоведения (1893), был членом IV Государственной Думы, входил в состав Секретариата Поместного Собора 1917-1918 годов.)

Кроме них двоих, мученического венца сподобились Ю. П. Новицкий** и И. М. Ковшаров***.

(** Новицкий Юрий Петрович родился в 1882 году в г. Умани Киевской губернии. Окончил гимназию и Киевский университет. С 1914 года доцент, затем профессор кафедры уголовного права Петроградского университета.

***Ковшаров Иван Михайлович родом из Одессы, юрист по образованию. Во время суда ему было 44 года.)

Все обвиняемые держались с достоинством, некоторые бесстрашно исповедовали свою солидарность с митрополитом.

«Дело» было составлено так, что отдельные эпизоды, имевшие место при изъятии ценностей в разных петроградских церквях и в различное время, были соединены и объявлены результатом злонамеренного подстрекательства со стороны «преступного сообщества», состоящего из митрополита и других лиц, - главным образом, членов Правления Общества петроградских православных приходов. «Вы спрашиваете, где мы усматриваем преступную организацию? - произнес обвинитель в речи на суде. - Да ведь она перед вами! Эта организация - сама Православная Церковь, с ее строго установленной иерархией, ее принципом подчинения низших духовных лиц высшим и с ее нескрываемыми контрреволюционными поползновениями!»

В последнем слове священномученик сказал: «Я не знаю, что вы мне объявите в вашем приговоре - жизнь или смерть. Но что бы вы в нем ни провозгласили, я с одинаковым благоговением обращу свои очи горе, возложу на себя крестное знамение (при этом митрополит широко перекрестился) и скажу: слава Тебе, Господи Боже, за все...»

Профессор Ю. П. Новицкий указал, что привлечение его к делу объясняется лишь тем, что он состоял председателем Правления Общества объединенных православных приходов. В приписываемых ему деяниях он совершенно неповинен. Но если нужна в этом деле жертва, он готов без ропота встретить смерть, прося лишь о том, чтобы этим и ограничились и пощадили остальных привлеченных.

И. М. Ковшаров заявил, что знает, какая участь ждет его. Если на суде он давал объяснения в свою защиту, то только для того, чтобы закрепить в общественном сознании, что умирает невинным.

Сильное впечатление произвело последнее слово архимандрита Сергия. Он сказал, что монах, отрешившись от всех переживаний и тревожностей внешнего мира, отдав себя целиком богомыслию и молитве, - одной лишь слабой физической нитью остался привязан к сей жизни. «Неужели же, - сказал он, - трибунал думает, что разрыв и этой последней нити может быть для меня страшен. Делайте свое дело. Я жалею вас и молюсь о вас...»

5 июля трибунал объявил приговор. К расстрелу были приговорены десять человек: митрополит Вениамин, архимандрит Сергий, Ю. Новицкий, И. Ковшаров, а также епископ Кронштадтский Венедикт (Плотников), протоиерей Н. Чуков (настоятель Казанского собора и ректор Богословского института, впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский), протоиерей Л. Богоявленский (настоятель Исаакиевского собора), протоиерей М. Чельцов (настоятель Троицкого Измайловского собора), Н. Ф. Огнев (профессор военно-юридической академии) и Н. А. Елачич.

Потянулись долгие дни ожидания. Владыка Вениамин заочно прощался со своей возлюбленной паствой и использовал оставшиеся дни для последних назиданий. Как завещание, как напутствие на грядущие труднейшие годы и десятилетия звучат слова его последних писем ученикам и сопастырям: «Нам ли, христианам, да еще и иереям, не проявить мужества даже до смерти, если есть сколько-нибудь веры во Христа, в жизнь будущего века?!»

В ночь на 31 июля четверо приговоренных были увезены из тюрьмы и расстреляны в нескольких верстах от Петрограда.

Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви в 1992 году причислил к лику святых новомучеников: священномучеников митрополита Вениамина и архимандрита Сергия, мучеников Юрия и Иоанна, установив совершать им память 31 июля - в день мученической кончины и в день Собора новомучеников и исповедников российских.